ASOCIAŢIA MOLDOVENEASCĂ DE ŞTIINŢĂ POLITICĂ
UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA
UNIVERSITATEA DE STUDII POLITICE ŞI ECONOMICE EUROPENE "CONSTANTIN STERE"

CATEGORIA "C"

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.4 (LXXI), 2015

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2015

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.4 (LXXI), 2015. - Chişinău: USM, USPEE, AMSP, 2015. – 202 p.

Ideile şi opiniile expuse în materialele prezentate aparţin autorilor şi nu reflectă neapărat punctul de vedere al colegiului de redacţie

Articolele apar în redacţia autorilor, sunt recenzate

versiunea electronică:
http://uspee.md/ro/2013-03-18-08-28-54/2013-03-18-08-32-27.html
http://usm.md/cercetare/reviste/moldoscopie/

ISSN 1812-2566

SUMAR

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
ISTORIA, TEORIA SI METODOLOGIA STIINTEI

К ИСТОРИИ УКРАИНСКО-МОЛДАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОБУЧЕНИЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ МОЛДОВЫ В КИЕВСКИХ ВУЗАХ В НАЧАЛЕ XX В.

Андрей ЧУТКИЙ
Украина, г.Киев, Киевский национальный экономический университет имени В.Гетьмана, кафедра истории и теории хозяйства
Доктор исторических наук, доцент, профессор, andr32_ukr@ukr.net

Статья посвящена одному из аспектов продолжительного взаимовыгодного сотрудничества Украины и Молдовы (а именно сотрудничеству в сфере образования) – обучению выходцев из Молдовы в начале XX века в первом в Украине и втором в Российской империи вузе экономического профиля – Киевском коммерческом институте (ныне – Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана).

Вопрос изучается на примере функционирования в стенах Киевского коммерческого института Бессарабского землячества, которое было основано в 1908 г. выходцами из Молдовы (которые учились в данном вузе) и плодотворно функционировало до лета 1914 г.

Исследуются все аспекты деятельности Бессарабского землячества, а также содержание его устава, состав руководства землячества и другие составляющие (в частности и материальный уровень его членов), которые позволяют выявить архивные документы. Все это позволяет проследить уровень консолидации выходцев из Молдовы, которые обучались в Киевском коммерческом институте, характер их деятельности (который в свою очередь проливает свет на их жизнь в тогдашнем Киеве), этнический состав и анализ по другим критериям, что безусловно способствует пополнению информации про историю как Украины, так и Молдовы в исследуемый период.

Тема приобретает особую актуальность в связи с базированием исследования на прежде не включенных в научный оборот документах и публикации наиболее важных из них (устав Бессарабского землячества). А также – в связи с обоснованием давних и разноаспектных связей между Украиной и Молдовой, что способствует укреплению добрососедских отношений и единства обеих стран на современном этапе в борьбе за упрочение своего статуса в Европе.

Ключевые слова: *украинско-молдавское сотрудничество, история Восточной Европы начала XX века, Киевский коммерческий институт, студенчество.*

The article is devoted to one aspect of the long-lasting mutually beneficial cooperation between Ukraine and Moldova (namely cooperation in education) – training of immigrants from Moldova in the early XX century in the first in Ukraine and the second in the Russian Empire, the institution of economic profile – Kyiv Commercial Institute (now – Kyiv National Economic University named after Vadym Hetman).

The question is examined on the example of the functioning in the Kyiv Commercial Institute Bessarabian community, which was founded in 1908, originally from Moldova (who studied in this University) and successfully functioned until the summer of 1914.

Explores all aspects of Bessarabian communities, as well as the content of its Charter, the composition of the leadership of the fraternities and other components (in particular material and the level of its members), which allow to identify the archival documents. All this allows us to trace the level of consolidation of immigrants from Moldova, which she studied at the Kyiv Commercial Institute, the nature of their business (which in turn sheds light on their life at that time in Kyiv), ethnic composition and analysis of other criteria, which certainly contributes to the replenishment of information about the history of both Ukraine and Moldova during the study period.

The topic is of particular relevance in connection with basing the study on a previously not included in the scientific documents and publications the most important of them (Charter Bessarabian communities). And also – in connection with justification longstanding and multidimensional relations between Ukraine and Moldova, which contributes to the strengthening of good neighborly relations and the unity of both countries at the present stage in the struggle for the consolidation of its status in Europe.

Key words: *Ukrainian-Moldovan cooperation, the history of Eastern Europe of the early XX century, the Kyiv Commercial Institute, students.*

Судьбы Молдовы и Украины всегда были тесно переплетены – географическое соседство, схожесть климатических условий, общность исторических судеб, давние контакты в разных сферах жизни связывали обе страны с момента формирования их титульных наций и продолжаются до сих пор. Общие политические проблемы и стремления, традиционно дополняются самыми тесными связями в сфере науки, культуры и образования. Несомненно, что временами они ослабевали и прерывались. Забывались наработки предыдущих времен, что вынуждало развивать их каждый раз

как бы сызнова. В этой связи несомненный интерес представляет целостная реконструкция сотрудничества в разных сферах общественной жизни, а не фрагментарное акцентирование внимания на наиболее ярких моментах такого сотрудничества. Решению этой задаче и служит данное исследование, которое посвящено истории деятельности в Киевском коммерческом институте организации выходцев из Молдовы – Бессарабскому землячеству.

Данная тема представляет интерес как в силу отсутствия специальных исследований в этой области, так и введением в научный оборот архивных документом на которых всецело построено наше исследование. Изучение же студенческой организации (землячества), созданного выходцами из Молдовы в Киевском коммерческом институте позволяет проследить как масштаб тяги жителей Молдовы начала XX в. к получению высшего экономического образования (поскольку этот вуз был вторым по времени основания вузом экономического профиля в Российской империи); так и уровень их самосознания и консолидации, национальный состав и цели, которые они преследовали, создавая землячество. Таким образом, данное исследование выводит с уровня микро-истории на уровень макро-исторических исследований, а именно подобный подход и является наиболее продуктивным и перспективным.

Пример Киевского коммерческого института взят не случайно, а в связи с тем, что он был одним из первых вузов экономического профиля в восточноевропейском регионе, а также частным вузом, что позволяло его студентам и преподавательскому составу вести более свободную от государственного контроля жизнь. Поэтому на его примере деятельность студенческих землячеств прослеживается более детально.

Киевский коммерческий институт, как было отмечено, был одним из первых вузом экономического профиля в Украине и возник в 1906 г. [11; 8; 6; 7]. Преодоление мирового экономического кризиса и очередной экономический подъем, который был связан с завершением промышленного переворота и утверждением и в Восточной Европе капиталистического строя, неумолимо усиливал роль экономического образования и спрос на соответствующих специалистов [16, с.108–134; 17; 18, с.11–58]. Поэтому незначительное количество вузов экономического профиля и их позднее возникновение в Российской империи, вызванное реакционной политикой последней, при послаблении в годы демократической революции 1905-1907 гг., дали мощный импульс притоку в Киевский коммерческий институт выходцев из всех частей Российской империи и даже из-за рубежа и в принципе обусловили само его возникновение [9, с.204–216; 12, с.35–45].

Закономерно, что легче всего было поступать на учебу в Киевский коммерческий институт жителям ближайших земель, в частности и Молдо-

вы, чему способствовали не так пребывание в составе одного государства, как общность экономического развития, географическая и культурная близость. Именно поэтому жители Молдовы были в числе первых иногородних абитуриентов Киевского коммерческого института. Это подтверждается и тем, что Бессарабское землячество, которое закономерно объединило большинство из студентов института, которые происходили из Молдовы, возникло одним из первых среди подобных организаций студентов института.

Прошение учредителей об утверждении устава Бессарабского землячества поступило на имя директора института 22 ноября 1908 г., то есть – на второй год существования этого вуза [1, д.9, л.1]. Это прошение подписали следующие студенты института, которые именуют себя «бессарабцы студенты» Вердян (председатель созданного землячества), Школьник (секретарь), Мандельблат (казначей), Фрипштуль и Коробчан (члены правления), Мурафа и Прохоренко (кандидаты) [1, д.9, л.1]. Сразу обращает на себя внимание личность казначея, который несомненно принадлежал к еврейскому этносу, что лишний раз подтверждает важную роль евреев в экономической жизни как Украины, так Молдовы. При этом подобная национальная принадлежность казначеев имела место и в ряде других землячеств, созданных студентами Киевского коммерческого института [1, д.142, л.8]. По фамилиям остальных учредителей можно предположить, что среди них еще один был представителем еврейской национальности, трое возможно молдаванами, а остальные – как молдаванами, так и украинцами или русскими.

По непонятным причинам устав Бессарабского землячества был утвержден Советом Киевского коммерческого института почти через год после его основания (а именно 25 октября 1909 г.) и к тому же «условно» [1, д.9, л.4]. Правда, в дальнейшем в документах выданных землячеству администрацией Киевского коммерческого института ничего не говорилось об условности утверждения устава 1909 г. [1, д.882, л.19, 22, 28, 30].

Как следует из текста Устава Бессарабского землячества, его целью было «удовлетворение материальных и духовных потребностей своих членов» [1, д.9, л.4], но естественно экономический фактор был ключевым, что подтверждается как его вынесением на первое место среди целей землячества, так и традиционно плачевным материальным состоянием студенчества в Российской империи [2; 3; 4; 15]. Крайнюю важность экономической взаимопомощи в деле возникновения Бессарабского землячества студентов Киевского коммерческого института подтверждает и детализация форм возможной материальной помощи своим членам: выдача ссуд, внесение платы за учебу, создание собственной библиотеки для возможно-

сти бесплатного получения членами землячества книг из нее (§1 устава 1909 г.) [1, д.9, л.4].

В уставе обозначены и возможные источники получения денежных средств, которые пополняли его кассу: вступительный и ежемесячный взносы членов землячества, проценты с капитала кассы, доходы от организации разнообразных мероприятий [1, д.9, л.4]. К слову сказать – если в ряде других студенческих землячеств эта норма была прописана ниже, то в уставе Бессарабского землячества фактически в самом начале, что тоже показательно. Также в ряде уставов других землячеств института отсутствует норма про вступительный взнос [1, д.47; д.51, л.5 об.; 1, д.137, л.6 об.; 1, д.139, л.2], что наводит на мысль об особой потребности Бессарабского землячества (точнее – его членов) в удовлетворении своего материального положения. Эта мысль подтверждается и более высоким процентом основного капитала Бессарабского землячества – 10% [1, д.9, л.4] против 5% у ряда других землячеств [1, д.142]; а также и отсутствием выделения в его капиталах библиотечного фонда (в уставе 1909 г.), что было общей практикой в институте.

Члены Бессарабского землячества (как и других подобных организаций института) разделялись на действительных, почетных и членов-соревнователей (т.е. кандидатов в члены). При этом обращает внимание критерий принадлежности к действительным членам и членам-соревнователям землячества – «уроженцы Бессарабии, или живущие там, или окончившие средние учебные заведения в Бессарабии и внесшие вступительный взнос в размере не менее 50 коп.» [1, д.9, л.4 об.]. Приоритетность происхождения из Бессарабии как критерий принадлежности к Бессарабскому землячеству в его уставе идентичен студенческим землячествам, образованным по национальному принципу [1, д.147, л.15; 1, д.322; 1, д.480; 1, д.482; 1, д.483], что наводит на мысль про аналогичный характер и Бессарабского землячества, а следовательно – про доминирование (по крайней мере в его первом составе) национально сознательных выходцев из Молдовы. Правда, дальнейшие критерии принадлежности к членам Бессарабского землячества уменьшают национальную составляющую. Почетным членом могло быть избрано любое лицо, внесшее в кассу землячества не менее 15 руб. (но в уставе 1914 г. и эти лица уже должны были быть связаны с Молдовой [1, д.882, л.8 об.]). Такие особы приобретали право совещательного голоса в заседаниях правления землячества [1, д.9, л.4 об.].

Для действительных членов и членов-соревнователей Бессарабского землячества его уставом устанавливался обязательный ежемесячный сбор в кассу землячества в размере 20 коп. [1, д.9, л.4 об.], что было на среднем уровне сравнительно с другими студенческими землячествами Киевского коммерческого института в которых ежемесячный взнос колебался от 10

до 50 коп. [1, д.321, л.11 об.; 1, д.478, л.3 об.; 1, д.144, л.26; 1, д.883, л.2 об.]. Это позволяет предполагать, что в целом по Бессарабскому землячеству уровень материального достатка был не наименьшим сравнительно с другими землячествами и во всяком случае выше, чем у землячеств отдаленных регионов империи. В 1914 г. он был установлен на уровне 50 копеек в семестр [1, д.882, л.9].

Также как и в других землячествах Киевского коммерческого института, Бессарабское землячество «для ведения дел» избирало из своей среды сроком на один год «правление, состоящее из 5-ти членов: 1) председателя, 2) товарища председателя, 3) бухгалтера, 4) секретаря и 5) казначея», а также двух кандидатов [1, д.9, л.4 об. – 5]. Правда, в ряде других студенческих землячеств бухгалтер отсутствовал [14, с.108–109]. Согласно уставу 1914 г. состав правления землячества возрос до 6 человек, товарищ председателя был переименован в вице-председателя, казначея заменил кассир и добавился библиотекарь, что придало Бессарабскому землячеству более западный облик [1, д.882, л.12 об.].

Правление обязывалось созывать общие собрания членов землячества не реже одного раза в семестр, на которых отчитывалось о проделанной работе и планах на будущее [1, д.9, л.5]. Кроме того, по инициативе правления или четверти членов землячества могли созываться и внеочередные («чрезвычайные») собрания. Законными считались заседания и решения правления если присутствовал председатель или его заместитель и вместе было 4 члена правления (по уставу 1914 г. – пять). Постановления же общего собрания считались обязательными при наличии половины всех членов землячества, а чрезвычайные – их трети, что обуславливалось более сжатыми сроками их созыва и оповещения о них [1, д.9, л.5]. Решения принимались простым большинством голосов присутствующих членов. В наиболее важных случаях (исключение из землячества, изменение устава, ликвидация землячества) требовалось присутствие 2/3 членов землячества, а решение считалось утвержденным, если за него проголосовало 2/3 присутствующих членов землячества.

Параграф 15 оговаривал равное право всех членов землячества на получения ссуд, но в отличие от уставов других землячеств ограничивал размер ссуды суммой взноса просителя за истекший период [1, д.9, л.5 об.]. В то же время и срок на который представлялась ссуда был несколько выше чем в других землячествах – 6 месяцев. Допускалась и пролонгация погашения ссуды «по постановлению общего собрания» [1, д.9, л.5 об.]. Параграф 21 устава также оговаривал, что по постановлению общего собрания могут быть произведены непредвиденные расходы [1, д.9, л.5 об.].

Не менее одного раза в семестр проводилась ревизия состояния кассы землячества специально избранной для этого ревизионной комиссией в со-

ставе трех членов землячества [1, д.9, л.5 об.]. Примечательно, что в отличие от других землячеств, созданных студентами Киевского коммерческого института, которые также избирали ревизионные комиссии, в уставе Бессарабского землячества было оговорено, что члены ревизионной комиссии не могли принадлежать к членам правления землячества и «не могут председательствовать на общих собраниях» [1, д.9, л.5 об.].

В заключительных параграфах устава Бессарабского землячества 1909 г. значилось, что правление землячества должно было сообщать директору института о своем составе, подавать ежегодный отчет о деятельности землячества; и что землячество в своей деятельности подчиняется постановлениям Комитета Киевского коммерческого института и министра торговли и промышленности (в ведении которого находились все учебные заведения экономического профиля) относительно студентов [1, д.9, л.5 об.].

Этот первый текст устава был в дальнейшем существенно доработан и расширен результатом чего стало принятие 2 февраля 1914 г. новой его редакции который насчитывал 61 параграф (против 23 в редакции 1909 г.) [1, д.882, л.8–15 об.]. В частности, уже в декабре 1910 г. было увеличено с 15% до 30% размер ассигнований с основного капитала в библиотечный фонд [1, д.9, л.9]. Соответствующий документ подписал председатель землячества Дмитрий Попович. Как указывалось выше, был изменен состав правления и названия должностей лиц в него входящих, детализировано положение о почетных членах и т.д.

Как следует из документации, Бессарабское землячество имело собственную печать, которая была обновлена в 1913 г. в связи с поломкой старой [1, д.9, л.24]. В редакции устава 1914 г. было детально оговорено у кого хранятся составляющие документации землячества.

Поскольку ключевой целью Бессарабского землячества была материальная поддержка своих членов, то небезынтересно будет проанализировать финансовые возможности землячества за первый год его существования. Так, вступительные взносы составили 19,55 руб. [1, д.9, л.8]. Таким образом, начальный состав землячества не превышал 39 человек, поскольку согласно устава вступительный взнос каждого члена должен был составлять «не менее 50 коп.» [1, д.9, л.4 об.]. Общий же приход с 23 октября 1909 г. по 1 сентября 1910 г. составил 305 руб. 9 коп., что кроме вступительных взносов включало ежемесячные взносы (почти 43 руб.), пожертвования в библиотеку и выручку от продажи книг (около 20 руб.), случайные пожертвования (1 руб.), возвращение ссуд (свыше 12 руб.), устройство вечеров (около 200 руб.) [1, д.9, л.8]. Расходных статей было шесть: 1) выдача ссуд (181 руб.), 2) приобретение библиотечного инвентаря (38 руб.), 3) устройство вечеров (35 руб.), 4) образование и устройство земля-

чества (12,11 руб.), 5) разные расходы (7 руб.), 6) покупка книг для продажи (3 руб.) [1, д.9, л.8].

Как видим, основным расходом была выдача ссуд, что подтверждает предварительный вывод о том, что это и была ключевая задача землячества – материальная поддержка своих членов путем самоорганизации и взаимовыручки; а главным источником пополнения кассы землячества была выручка от продажи билетов на разные мероприятия. При этом в кассе землячества на конец отчетного периода осталось 28,98 руб., то есть год был закончен с профицитом.

Согласно отчету по кассе землячества, за последующий учебный год (по состоянию на 1 июня 1911 г.) приход составил 105 руб. 55 коп. При этом среди приходных статей снова значились вступительные взносы (в сумме 7 руб. 10 коп.) [1, д.9, л.13], что свидетельствует о продолжении вступления в землячество новых членов – не более 14 человек, учитывая минимальный размер вступительного взноса в 50 коп., но и это был неплохой результат за один год. При этом существенно снизилась сумма ежемесячных взносов (до 15,7 руб. против почти 43 руб. за прошлый год), что может указывать как на отток членов, так и сложности с внесением членских взносов. Возросла сумма от возвращения ссуд (57 руб. против 12 руб. за прошлый отчетный год) и от пожертвований (2,55 руб. против 1 руб. в прошлом году) [1, д.9, л.13]. Еще 23,2 руб. поступило в кассу землячества от устройства вечера.

Среди статей расхода первое место продолжало оставаться за выдачей ссуд, хотя их общий размер и снизился со 181 руб. за прошлый отчетный период до 78 руб. На втором месте были расходы на приобретение книг для библиотеки землячества (17,3 руб.) и на третьем – прочие расходы (4,96 руб.). В результате доходная часть превысила расходную на 34,27 руб., что при меньшем объеме доходов позволило достичь большего остатка в кассе землячества по сравнению с предыдущим годом.

23 октября 1910 г. Бессарабское землячество обратилось к директору Киевского коммерческого института с прошением о разрешении провести в помещении института 27 октября 1910 г. общее собрание членов землячества для обсуждения следующих вопросов: организация демонстрирования синематографа с целью сбора средств для землячества, рассмотрение вопроса о проведении «традиционного» вечера (что указывает на факт их организации и до этого времени, но про это отсутствуют документы), вопрос о должниках, вопрос об устройстве при землячестве Бюро труда, вопрос о перепродаже старых книг и текущие дела [1, д.9, л.11]. Как следует из последующей записки на имя директора института, на этом собрании было избрано новое правление и ревизионная комиссия землячества сроком на один год. Так, в состав правления Бессарабского землячества вош-

ли: Споту (председатель), Мандельблат (товарищ председателя), Попович (казначей), Морозенский (бухгалтер), Гришков (секретарь), Хереско и Спиремиади (кандидаты); а в ревизионную комиссию – Белоцерковский, Кара-Стоянов и Роннблат [1, д.9, л.14]. После этого деятельность землячества активизировалась.

Первая задокументированная акция Бессарабского землячества, направленная на получение денежных средств, прошла 8 декабря 1910 г. – это была лекция, прочитанная в Киевском общественном собрании, сбор от которой поступил в кассу землячества. Ответственным за ее проведение был известный ученый-юрист профессор Университета св. Владимира и Киевского коммерческого института О.О.Эйхельман [1, д.9, л.6]. Также в начале декабря 1910 г. Бессарабское землячество инициировало организацию экскурсии «в г. Кишинев Бессараб. губ. с целью ознакомления с образцовым устройством Бессарабского училища виноделия, находящегося при нем музея и лабораторий и земского музея» [1, д.177, л.1]. В этой связи следует отметить, что несмотря на целиком соответствующую направлению обучения в Киевском коммерческом институте тематику экскурсии, тут, очевидно, преследовалась и цель получения льготного проезда домой студентам, которые происходили из Бессарабской губернии поскольку аналогичные действия с той же целью организовывали практически все студенческие землячества института.

15 декабря 1910 г. Бессарабское землячество обратилось с прошением к директору института по вопросу установки в помещении института именных почтовых ящиков для студентов «с начала весеннего семестра 1911 г.» [1, д.9, л.10]. Интересно, что данная акция была рассчитана на всех студентов института, о чем Бессарабское землячество проинформировало их в специальном обращении, но это мероприятие не было (и не могло) быть благотворительным. Как значилось в вышеуказанном обращении землячества ко всем студентам института: «Устраивая именную почтовку правление землячества имеет в виду предоставить желающим студентам за небольшую плату (50 коп. в семестр) возможность получить в свое пользование почтовый ящик» [1, д.9, л.12]. В декабре 1911 г. Бессарабское землячество разработало детальную инструкцию относительно пользования студентами института именными почтовыми ящиками, где указывался порядок доставки корреспонденции, сроки оплаты и др. [1, д.9, л.15].

В деле про Бессарабское землячество студентов Киевского коммерческого института сохранился также список избранного 23 октября 1913 г. последнего состава правления землячества: председатель правления Анатолий Семенович Галин (студент 3 семестра, проживал по ул. Рейтарской, д.45, кв.3), товарищ председателя студент первого семестра Петр Иванович Лунга (который сменил Огинскую – студентка 3 семестра, прожива-

ла по ул. Караваевской, д.22, кв.2), секретарь – студент первого семестра Виктор Харлампиевич Мелека (который сменил Вайнтроба – студент 8 семестра, проживал по ул. Совской, д.12, кв.29), бухгалтер – Николай Иванович Самсонов (сменил Зубкова – студент 3 семестра, проживал по ул. Бульварно-Кудрявской, д.43, кв.8), библиотекарь – Иван Петрович Хаили (сменил Львовского – студент 3 семестра, проживал по ул. Новой, д.24, кв.5). Кроме того было избрано два кандидата – Константин Клементиевич Пластунов и Борис Владимирович Креховеско (оба студенты первого семестра) [1, д.9, л.16–17 об.]. Таким образом, все члены руководства землячества были людьми с определенным достатком, поскольку могли снимать себе жилье в Киеве, хотя возможно жили у родственников или знакомых. Также обращает на себя внимание факт доминирование вновь поступивших студентов в составе правления, что указывает на продолжение поступления в институт выходцев из Молдовы и постоянное обновление его состава в целом. Кроме того, фамилии указывают на сохранение этнической разнородности членов Бессарабского землячества среди которых были несомненно молдаване, но также и евреи, и украинцы, что отдаленно указывает и на структуру населения самой Молдовы того периода.

Новое руководство Бессарабского землячества продолжило организовывать мероприятия с целью пополнения средств землячества. В частности, уже 31 октября 1913 г. (то есть через неделю после своего избрания) новое правление землячества обратилось к директору института «разрешить Бессарабскому землячеству при Киевском коммерческом институте поставить концерт Платона Ивановича Цесевича и Файнберг-Горской в Кишиневе (на родине) (подчеркивание мое – А.Ч.)» [1, д.9, л.18]. Директор института разрешил организацию этого мероприятие и предоставил руководству землячества соответствующий документ «на предмет предоставления его администрации г.Кишинева» [1, д.9, л19]. А 3 ноября 1913 г. Бессарабское землячество вновь обратилось к директору Киевского коммерческого института с просьбой разрешить «поставить на Рождество от 27 декабря по 3 января вечер в г.Бендерах» [1, д.9, л.20] на что также был получен позитивный ответ и выдано соответствующее удостоверение [1, д.9, л.21–22 об.]. Важно отметить (что мною специально и выделено) факт осознания членами Бессарабского землячества Молдовы как своей родины.

Основная часть расходования средств землячества продолжала уходить на выдачу ссуд своим наиболее нуждающимся членам. Так, 10 октября 1913 г. землячеством был составлен список лиц, подавших заявления на предоставление ссуд. Он насчитывал 12 студентов, из которых лишь про двум было неизвестно их материальное положение, еще один был обозначен как не нуждающийся (что показывает проведения выяснения ситуации

землячеством перед предоставлением ссуды), один – как мало нуждающийся, три – как нуждающиеся, четыре лица – как очень или крайне нуждающиеся, и про одного (Куля Афанасий Николаевич) указано, что он «бедствует и крайне нуждается, не имеет положительно никакой возможности уплатить за правоучение причитающуюся с него сумму в размере 55 рублей» [1, д.9, л.26]. Также из 12 студентов землячества, которые обращались за предоставлением ссуд, четверо учились на 3-м семестре, один – на 5-м, один – на 10-м, а про остальных информации не было [1, д.9, л 26]. Таким образом, частично можно предполагать, что наиболее нуждающимися были студенты младших курсов, тогда как студенты старших курсов очевидно уже были более включены в местную жизнь, имели подработки и могли поддерживать определенный материальный уровень.

2 февраля 1914 г. Бессарабское землячество (на частной квартире в Киеве) провело очередное общее собрание, на котором был утвержден (как уже отмечалось) новый текст устава землячества, а также заслушан отчет о работе землячества за прошедший семестр и ряд других вопросов [1, д.9, л.27]. На этом собрании был утвержден следующий состав правления землячества: председатель – Анатолий Галин, товарищ председателя – Константин Пластунов, секретарь – Виктор Мелека, бухгалтер – Герш Гендельман, библиотекарь – Иван Ханжи, кандидаты – Хаукелевич, Борис Креховеско, Леонид Качерва, Дмитрий Халдевич (впервые кандидатов в правлении было такое количество). В ревизионную комиссию были избраны Василий Рудьев, Калачковский и Плашад (?) [1, д.9, л.32–32 об.].

13–15 февраля 1914 г. (на масленицу) землячество провело (согласно предварительно поданному прошению одобренному директором института) концерт-бал в Кишиневе с целью сбора средств в пользу землячества [1, оп.8, д.9, л.29].

Параллельно Бессарабское землячество организовало экскурсию для своих членов в Петербург. При этом, согласно установленной в институте практике, обратилось к директору Киевского коммерческого института с просьбой посодействовать в получении льготных билетов на проезд и содействия экскурсии от соответствующих учреждений города «для предоставления экскурсантам помещения и возможно льготных условий существования с 12-го по 20 февраля с. г.» [1, оп.8, д.9, л.31].

Поскольку оба мероприятия (организация концерта в Кишиневе и экскурсия в Петербург совпадали во времени), то имеем уникальный пример в деятельности студенческих землячеств Киевского коммерческого института – одновременная организация и проведение двух выездных мероприятий, что способствовало удовлетворению потребностей максимально большего количества членов Бессарабского землячества; а следовательно – указывает на его особое беспокойство об интересах своих членов.

Подобные выводы подтверждаются и тем, что уже 12 февраля правление Бессарабского землячества обратилось к директору института с прошением разрешить «устроить вечеринку в клубе «Родина» 28 февраля с. г.» [1, оп.8, д.9, л.33] с целью сбора средств в кассу землячества [1, д.9, л.36]. При этом в прошении было указано, что «ответственным распорядителем любезно согласился быть профессор М.В.Довнар-Запольский» [1, д.9, л.33], то есть сам директор института, что характеризует и его отношение к студенчеству и было эпизодом не единичным [5; 10; 13]. М.В.Довнар-Запольский подал личное прошение на имя киевского губернатора относительно разрешения на проведение означенного мероприятия как «ответственный распорядитель» [1, д.9, л.34] и выдал землячеству соответствующее удостоверение подтверждающее легальность самого землячества и неимение со стороны администрации института препятствий к его проведению [1, д.9, л.36].

24 апреля 1914 г. Бессарабское землячество вновь обратилось на имя директора института с просьбой разрешить «устроить 6 мая с.г. пароходное гулянье в Старосельские дачи» [1, д.9, л.37], а 26 мая 1914 г. – о разрешении устроить с целью сбора средств в пользу землячества «в начале июля сего года в городе Сороках Бессарабской губернии вечер» [1, д.9, л.39] и о разрешении «поставить в пользу землячества в начале августа в местечке Бричанах Хотинского уезда Бессарабской губ. вечер» [1, д.9, л.39]. На эти прошения руководство института выдало соответствующие удостоверения [1, д.9, л.41–42].

Этими обращениями и мероприятиями деятельность Бессарабского землячества студентов Киевского коммерческого института завершилась и само дело о его деятельности было прекращено летом 1914 г., что было обусловлено кардинальным изменением ситуации и политики властей Российской империи по отношению ко всем общественным организациям с началом войны. В то же время подобный факт пополняет и подтверждает давно утвердившийся в историографии взгляд на усиление репрессий в Российской империи по отношению к «инородческим» организациям и студенчеству в связи с началом Первой мировой войны.

Анализ существования Бессарабского землячества показал, что его состав постоянно пополнялся, а следовательно – постоянным был приток абитуриентов из Молдовы. Главной целью его деятельности было улучшение материального положения своих членов и в этом направлении землячество приложило много усилий, организовывая различные мероприятия как в Киеве, так и в Кишиневе, других населенных пунктах Бессарабии. Поскольку же такие мероприятия студенческие землячества института проходили в местах проживания своих членов, то это указывает на то, что в Киевский коммерческий институт поступали выходцы из разных частей

Молдовы. Различным был и их этнический состав, в частности – кроме молдаван присутствовали евреи и представители других народов.

Несомненно, данное направление научных изысканий может быть продолжено выявлением в личных делах студентов Киевского коммерческого института дел тех лиц, которые происходили из Молдовы. Но поскольку количество таких дел исчисляется тысячами, а список членов Бессарабского землячества отсутствует, то это весьма длительная робота. В общей же статистике по студентам (которая сохранилась за все года) выявить выходцев из Молдавии сложно, поскольку критерием градации студенчества выступал конфессиональный и гендерный принципы, а не этническое происхождение, хотя и последнее могло помочь лишь только в отношении собственно молдаван, но не всех выходцев из Молдовы.

В заключение следует также отметить и то, что в Молдавии уже тогда было хорошо известно о Киевском коммерческом институте. Так, организовывая осенью 1912 г. издания «Осведомительного о ценах листа» и других статистических сборников по Бессарабской губернии, Бессарабская губернская земская управа 21 июля 1912 г. обратилась с письмом к директору Киевского коммерческого института, прося посоветовать лицо среди выпускников института, «которому возможно было бы поручить редактирование такого издания» [1, д.535, л.1]. В ответ (по рекомендации А.А.Русова) был предложен В.И.Иващенко, а по рекомендации Л.Н.Яснопольского – П.М.Дашенко [1, д.535, л.2–7].

Также среди прошений выпускников института сохранилось прошение выпускника коммерческого отделения З.М.Чирко (который жил на хуторе Стояновка возле г.Кагул) о рекомендации его преподавателем в коммерческое училище, если таковые запросы в институт будут поступать [1, д.535, л.19].

Кроме того, студенты Киевского коммерческого института избирали Молдову целью своих научных исследований. Так, студент 6 семестра экономического отделения института поручик в отставке А.М.Богданович (который проживал под г.Жванец) обратился 20 марта 1912 г. к руководству института, прося содействия в проведении «в период 15 мая – 1 июля торгово-экономического и художественного исследования реки Днестра и его берегов» [1, д.527, л.1]. При этом Богданович подал детальный план предстоящего исследования, который предусматривал изучение природных богатств и уровня экономики территории вдоль Днестра, условий судоходства по Днестру, специально акцентировалось внимание на сплаве леса Днестром и оговаривались направления работ для решения поставленных задач [1, д.527, л.2–3].

Таким образом, студенты Киевского коммерческого института приобщались к исследованию природных ресурсов, экономического потенциала

Молдовы, а выпускники (которые происходили из Молдовы) – также и к развитию хозяйственного комплекса страны. Нахождение же в стенах Киевского коммерческого института вдалеке от родины, но одновременно во вполне дружелюбной атмосфере вуза с демократическими традициями, способствовало укреплению у студентов-молдаван, которые учились в нем, национального самосознания.

Библиография

1. Государственный архив г. Киева, фонд 153, опись 8.
2. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. – Москва: Институт истории АН СССР, 1991.
3. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. – Москва: Росспэн, 1999.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – Санкт-Петербург: АТ «Наука», 1999.
5. Чуткий А.І. М.В.Довнар-Запольський і справа вищої економічної освіти в Україні. // Історичний журнал. №4. 2007, с.84–92.
6. Чуткий А.І. Заснування Київських вищих комерційних курсів. // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. 2011. №2, с.143–149.
7. Чуткий А.І. Історія становлення економічної освіти у Києві в контексті соціально-економічної та інтелектуальної історії України кінця XIX – початку XX ст. // Часопис української історії. – Вип.21, с.10–17.
8. Чуткий А. Київський комерційний інститут: історія заснування. // Студії з архівної справи та документознавства. Т.15. – Киев, 2007, с.131–136.
9. Чуткий А.І. Київський комерційний інститут: витоки та історичний поступ (1906–1920 рр.). – Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2013.
10. Чуткий А.І. Київський комерційний інститут: історія евакуації до Саратова та повернення до Києва. // Шостыя міжнародныя Доунараускія читанні. Ч.1. – Гомель, 2008, с.46–59.
11. Чуткий А.І. Мітрафан Доунар-Запольскі – заснавальнік першай на Украіне эканамічнай ВНУ. // Беларускі гістарычны часопис. – Минск, 2013. №4 (165), с.14–26.
12. Чуткий А.І. Еволюція студентського контингенту Київського комерційного інституту. // Київська старовина. 2010. №1, с.35–45.
13. Чуткий А.І. Ректорський корпус Київського комерційного інституту: спроба наукової реконструкції. // Література та культура Полісся. – Ніжин, 2011. Вип. 61, с.119–129.

14. Чуткий А.И. Студенческие землячества Киевского коммерческого института. // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. – Брянск: Ладомир, 2013. Вып. 15, с.102–120.
15. Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. – Москва: Наука, 1987.
16. Экономическая история мира. Европа. / Под общ. ред. М.В.Конотопова. Т.3. – Москва: «Дашков и Ко», 2006.
17. Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. – Москва: РОССПЭН, 2000.
18. Економічна історія України: іст.-екон. дослідж.: в 2 т. [Т.А.Балабушевич та ін.; відп. ред. В.А.Смолій]. Т.2. – Киев: Ніка-Центр, 2011.

Поступила в редакцию
25 июня 2015 года

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И УНИВЕРСАЛИЗМ В КУЛЬТУРНОМ ПРОЕКТЕ НАЦИИ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА.

Алла ПАПЦОВА
Республика Молдова, Комрат, Комратский государственный университет, кафедра частного права доктор философии,
Доктор философских наук, преподаватель, papcova@mail.ru

The article considers the ratio of ethnocentric and universalistic components in the cultural project of the nation in the postmodern era.

Characteristic features of the era are the increasing significance of the symbols, the predominance of the characteristic values of a process of formation. The collapse of the USSR intensified the process of nation building

Most of the developing Nations received the opportunity to fulfill their cultural project in the framework of independent States. In modern times the formation of new nations can take place in conditions which were previously considered insufficient for its completion, for example, in the absence of an independent state and even prospects of its construction. The integrity of the national cultural project and its harmony has a special meaning. This harmony is ensured by a combination of proportional ethnocentrism and universalism in cultural projects. Universalism is undergoing a transformation. Antiquity is no longer a universal standard beginning in the era of postmodernism.

Keywords: *nation, nationalism, cultural project, ethnocentrism and universalism.*

Статья посвящена рассмотрению соотношения этноцентристских и универсалистских компонентов в культурном проекте нации эпохи постмодерна. Для этой эпохи характерно возрастание значение символов, преобладание значения процесса формирования, становления.

Большинство развивающихся наций получило возможность реализовать свой культурный проект в рамках независимых государств. В современности процесс формирования новых наций может происходить в условиях, которые ранее считались недостаточными для его завершения, например, при отсутствии независимого государства и перспектив его построения. Распад СССР активизировал процесс строительства наций.

Целостность культурного проекта нации и его гармоничность приобретает особое значение. Эта гармоничность обеспечивается пропорциональным сочетанием этноцентризма и универсализма в культурном проекте. Универсализм переживает трансформацию. Античность уже не является эталоном универсального начала в эпоху постмодернизма.

Ключевые слова: *нация, национализм, культурный проект, этноцентризм, универсализм.*

Проблемы сущности нации и значения национализма достаточно часто становился предметом теоретических и эмпирических исследований. Различные аспекты этой проблемы были рассмотрены Э.Хобсбаумом. Э.Геллнером, Б.Андерсоном, М.Хрохом и другими исследователями. Это могло бы сделать обращение к проблематике сущности нации излишним, тем более, что на поверхности в экономической, политической, правовой и культурной жизни мира с конца XX заметны проявления процесса унификации и стандартизации, что позволяло считать важнейшим из процессов современности глобализацию. Но оптимизм апологета глобализации Ф.Фукуямы, возвестившего о конце истории, очень быстро сменился пессимистичным осознанием неизбежности столкновения цивилизаций в концепции С.Хантингтона.

В связи с этим в поисках оснований для современного общества стоит обратить внимание не на гомогенизирующие факторы и тенденции, а на то, что поддерживает диверсификацию, сложность социальной структуры. Это предположение обращает исследователей к тезису Л.Гринфельд, согласно которому «национализм – это тот фундамент, на котором зиждется современный мир» [4, с.8].

Устоявшееся понимание наций связывает их с государствами эпохи модерна. Согласно Э.Геллнеру, национализм политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная границы должны совпадать [3, с.23].

Однако обстоятельства, в которых существуют нации, меняются. Нация, рождающаяся в эпоху постмодерна, в условиях современности, которую З.Бауман назвал «текучей»[1], не обязана иметь вид «завершенного проекта», ведь постоянство изменений, растянутость становления – яркие черты эпохи.

Это трансформирует и лишает устойчивости вполне прочные структуры. Так, например, следствием глобализации является снижение роли государств, в том числе в процессе формирования наций. Наша эпоха одну за другой отнимает у государства его функции в экономической и даже политической жизни, что особенно заметно в ходе интеграционных процессов в Европе.

Болонский процесс активизировал эти процессы в сфере образования. Еще в 1994 году Б.Ридингс указал на изменения миссии университета: если в эпоху модерна она заключалась в том, чтобы быть главным институтом национальной культуры в национальном государстве, то в настоящее время университет больше не должен сохранять и распространять нацио-

нальную культуру, поскольку национальное государство отныне не является основным местом воспроизводства капитала [13, с.12]. Но то, что университет не должен участвовать в формировании и трансляции идеи нации уже не важно: сама идея нации представляется застывшей и утратившей значение «области конечных значений». Это печальным образом сказывается на энергетике восприятия истории. П.Нора так описывает эти реалии: «Нация - это больше не борьба, а данность, история превратилась в одну из социальных наук, а память это феномен исключительно индивидуальный»[12, с.25].

Однако это все относится к тем нациям, которые уже пережили и период создания национального государства и даже период создания империи. Стоит отметить, что некоторые исследователи противопоставляют нации и империи, указывая, что формирование наций происходит в борьбе с универсалистскими наднациональными империями. Для французов и англичан в период формирования наций эта борьба была конкурентной: при первой возможности национальные лидеры принимали титул императора (Наполеон I, Наполеон III, королева Виктория, ставшая императрицей Индии).

Рост национализма происходил на фоне создания колониальных империй. И это закономерно, поскольку идея нации интенциональна, она предполагает движение за пределы своего нынешнего существования в пространстве (отсюда стремление к завоеваниям, к расширению территории) и во времени (отсюда телеологизм, представление о высшей цели, достижение которой – миссия нации). Нация стремится к созданию национального государства, государство стремится к расширению территории. Германия, Италия, Румыния движимы идеями объединения. Молодые европейские нации Восточной Европы, добиваются создания национальных государств в ходе национально-освободительных движений. Но, так как национализм исходит из того, что политическая и национальная границы должны совпадать [3, с.23], то молодые восточноевропейские страны стремятся к собиранию своих земель.

То, что недавние борцы с универсализмом империи наследуют имперские амбиции, не представляется противоречием. В европейском пространстве идея национального государства долгое время вдохновлялась античными образцами и универсальным эталоном в лице Римской империей.

Насколько органичным может быть соединение разнородных элементов в конструируемом образе прошлого ярко отражает образ прошлого в Румынии и Молдове, для которого практически одинаково значимы такие антагонисты как Децебал и Траян.

Готовые универсальные цивилизационные модели облегчали быстрое построение новых и новых национальных проектов, но эта скорость имела

и побочные эффекты. Рассматривая на примере Балкан влияние «западных» моделей, А.Кьессев указывает, что «без чужого европейского образца просвещенной и эмансипированной Нации, без общей модели системы образования и заимствования западных институций – школ, университетов, прессы, общественных организаций, административных учреждений, юриспруденции, инфраструктуры и т.д. – локальные деревенские патриархальные сообщества на Балканах никогда не обрели бы «национального самосознания». Да и само «национальное самосознание» в своей структурной тотальности является заимствованной западной моделью» [10, с.122]. Сочетание универсализма и этноцентризма в такой модели лишено гармонии, поскольку центр в ней занимает место периферии, универсальный образец – место центра и для придания такой модели устойчивости ей необходимо постоянное отталкивание от образа Иного, который выступает в роли противовеса и антипода эталонного образца.

Такой путь построения «национального сознания» начинается с травмы, с осознания периферийности, и это порождает культуры, которые А.Кьессев называет «самоколонизированными культурами».

Ответственность за «отставание» возлагается на империи, прежде всего на Османскую и Австро-Венгерскую, позже – еще и на Российскую. Роль жертвы позволяла примириться с осознанием различий между своей и эталонной культурой. В конце XX века осознание такого рода различий вновь обратило некоторые нации, переживающие бурные процессы развития национального самосознания к переживанию роли жертвы, теперь уже в качестве жертвы тоталитарных режимов. Оплот тоталитаризма объявляется Иным, антиподом демократии.

По существу и в этот период речь идет о борьбе с Империей, однако в XX веке Империя меняет облик. Новые универсальные империи в XX веке представлены США и СССР. Но если Советский Союз был реинкарнацией Российской империи, структура которой была осложнена попыткой соединить модернизационный потенциал социалистического государства с социально-культурными ресурсами национальных культур, то США стали империей нового типа. В гомогенизирующей стратегии советского государства нации обладали равными правами на развитие и для обеспечения этого равенства предпринимались особые меры для недопущения взращивания русского национализма. В США универсалистская модель Прогресса предполагала равенство прав на развитие индивидов, преодолевших этнические различия посредством «плавильного котла». Универсалистская модель США в XX веке выступает в качестве эталонной для Запада, так как в наиболее концентрированном виде воплощает наиболее ценимые европейские ценности, например, демократию.

Создание новых европейских государств в XX веке способствовало развитию наций и национализма, но также обнажило сложности, связанные с этими процессами. Межвоенный период показал, как далеко может зайти крайний национализм.

Обращение теоретиков второй половины XX века к проблемам национализма было обусловлено процессами трансформации колониальных империй, политической деколонизацией. На связь национализма, индустриализации, колониализма, империализма и деколонизации указывал Э.Геллнер [3, с.101], суммируя, что национализм уходит корнями в своеобразные структурные требования индустриального общества [3, с.88] и является следствием новой формы социальной организации, опирающийся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, то есть, культуры, обладающие своей письменностью, культуры основанные на образовании, при этом каждая из подобных культур защищена своим государством [3, с.112]. Именно во второй половине XX века теоретически формулируется классическая модернистская модель национального строительства, в которой национальной элите отводилась ведущая роль в возведении здания грядущей нации в соответствии с рациональными гражданскими принципами [14, с.50-51]. В такой модели нации представляют собой преимущественно территориальные политические образования. Они являются суверенными, ограниченными и внутренне связанными сообществами юридически равных граждан, сочетающимися с государствами нового времени в форме, называемой унитарным «национальным государством» [14, с.52]. Взаимосвязь процесса национального строительства и универсалистской модернизации рассматривалась в контексте тех социально-политических ресурсов, которые обеспечивало для общественного развития формирование нации.

Но эти теоретические построения должны были быть дополнены осознанием возможности построения такой национальной идеи, в которой сама нация объявляется высшей ценностью, настолько значимой, что остальные ценности, включая как европейские, так и общечеловеческие могут быть поставлены под сомнение. В этой связи стоит обратить особое внимание на замечание К.Калхуна, согласно которому национализм проявляется не только во множестве форм и оттенков, но и несет в себе множество различных политических и моральных ценностей [9, с.175].

Подобно тому, как универсалистская идея Прогресса была дополнена осознанием многообразия цивилизаций, идея нации должна быть развита посредством осознания многообразия ее форм. Подлинное признание этого многообразия должно выйти за пределы деления наций на «исторические», то есть те, которые в своем развитии прошли долгий путь, включающий существование древних и средневековых государств и «неисторичес-

кие», возникающие сравнительно недавно. Должно быть осознано, что помимо наций, достигших уровня создания суверенных государств, могут быть нации, имеющие национальную идею, но не имеющие национального государства. М.Хрох различает национальные движения и движения меньшинств, указывая, что движения меньшинств могут возникать в той же форме, что и движения национальные, но их решающее отличие заключается в том, что они даже не смеют надеяться на достижение независимого национального государства. Исследователь считает, что наивысшей целью этих движений может быть политическая автономия или пересмотр границ [18, с.143].

Однако в эпоху постмодерна в условиях, когда роль государства меняется, а значение символов возрастает настолько, что Б.Андерсон говорит о «воображаемых сообществах», Автономия вполне способна играть ту роль в формировании наций, какую в прежнюю эпоху играло государство. А этническое меньшинство вполне способно создать этноцентричный культурный проект и поставить именно себя в центр этноцентричной картины мира.

Завершенность, гармоничность и целостность культурного проекта значит в настоящее время гораздо больше нежели «полновесность» политических структур. Особое значение приобретает также то, насколько полно разделяется проект членами сообщества.

В этой связи интересно рассмотреть культурный проект гагаузов, формирующийся более ста лет, но получивший особые условия для развития в связи с созданием Автономии и принятием в 1994 году Республикой Молдова Закона об ее особом правовом статусе.

На целостность гагаузского культурного проекта не влияет то, что его становление происходило в условиях сложных геополитических трансформаций. Более того, на каждом из этапов трансформаций в этот проект вплетались идеи эпохи.

В настоящее время регион, как и другие западные постсоветские территории, стал «пограничьем» между Западом и Востоком, между Европой и Россией. Но эти спорные территории, ставшие пограничьем, могут иметь историческую судьбу и самосознание, отличное от культурных центров, под перекрестное влияние которых они попадают. Х.Бхабха так определяет сущность этого процесса: «эти пространства «между» становятся фундаментом для выработки стратегии самости – индивидуальной или коллективной, - которые порождают новые черты идентичности, новые зоны взаимодействия и попытки переосмыслить идею общества самого по себе» [2, с.162]. Эта идея общества формирует символическое пространство и время, выстраивает линию развития от специфически понимаемого прош-

лого к выстраиваемому, в соответствии с ценностями, проекту будущего, определяет центр и периферию.

В отличие от многих других нациообразующих конструктов культурный проект гагаузов изначально выстраивался не как европейский проект. Это позволило избежать комплексов «европейской неполноценности». Наиболее значимым для него было подчеркивание связи с тюркским миром. Но тюркский мир в гагаузской идеологической конструкции представал не объектом колониальной экспансии, как в концепциях ориентализма, а субъектом успешных побед. Однако и отношения с тюркским миром выстраивались не по типу «центр-периферия». Гагаузский мир представал более цельным и завершенным, так как обладал «правильной верой». Значимость религиозной идентичности для гагаузов не подлежит сомнению, что, впрочем, не исключило распространение религиозного плюрализма. Возрастание значения этнической идентичности и возрастание значения языка просто трансформировали проявления значимости религиозной идентичности, тем более что еще в XX веке М.Чакир придал гагаузскому языку статус сакрального, переведя богослужебные тексты на гагаузский язык. На каждой новой ступени эволюции гагаузский культурный проект впитывал укрепляющие его идеи, мимикрируя в соответствии с трендами эпохи. Так, например, сейчас он приобрел черты и европейского проекта, акцентируя «первенство в толерантности», благодаря которой удалось явить миру образец успешного разрешения межэтнического конфликта.

Эклектичность сформированного конструкта не ослабляет его. Это связано с тем, что гагаузский мир не столько стремится стать частью какого-либо цивилизационного пространства, сколько выстраивает свое собственное. Это особенно заметно в дни Всемирных Конгрессов гагаузов. На универсализм проекта «работает» использование русского языка. Использование в этом качестве именно русского языка – стечение обстоятельств: благодаря системе образования созданной еще в советское время был достигнут высокий уровень лингвистической компетентности, ныне подкрепляемый миграционными процессами; использование языка со столь мощными информационными ресурсами позволяет гагаузам сохранять высокий уровень профессиональной компетентности (интеллектуальная элита именно на этом языке получала образование) и вместе с тем сохранять своего рода культурную дистанцию, важную для формирования собственного цивилизационного пространства. А.Тойнби указывал, что причиной напряженности между румынами, грузинами, болгарами и русскими является то, что русификации сопротивлялись те народы, которые чувствовали себя продвинутыми в цивилизации не менее русских [16, с.228]. По аналогии с этим можно сказать, что гагаузы стремятся подчеркнуть свою «цивилизационную продвинутость» которая не уступает «цивилизационной

продвинутости» титульной нации. Это, однако, не означает, что именно Россия выступает в роли цивилизационного центра, так как культурный проект гагаузов этноцентричен. Роль русских как «агентов цивилизации» оказалось возможным позабыть. Культурный подвиг русскоязычных учительниц, врачей, переселившихся в гагаузские села и города, связавших свои судьбы с гагаузским народом не является предметом изучения, не находит отражения в экспозициях музеев. Показательно и то, что когда создавалась Аллея Славы в Комрате, то на ней был установлен бюст А.С.Пушкина, а не, например, И.Н.Инзова, много сделавшего для задунайских переселенцев гагаузов и болгар в XIX веке.

Важным признаком рождения нации является создание специфического образа прошлого. Его эволюция не может представляться свидетельством его «искусственности». Все формирующиеся образы прошлого проходит эволюцию в соответствии с законом «трех стадий» О.Конта. На самых ранних этапах этого процесса образ прошлого включен в мифо-символический комуплекс, в котором все еще неразрывно сплетено то, что Ф.Ницше называл «аполлоновским» и «дионисийским» началами. Наиболее актуальной проблемой представляется проблема этногенеза. Когда рациональное начало вытесняет чувственное, то в образе прошлого усиливается значение научных интерпретаций, но одновременно угасает стремление устанавливать памятники и учреждать новые празднества.

Эволюция роли национальных государства также сказывается на состоянии образа прошлого. Снижение ее вследствие развития интеграционных процессов в Европе вызвало возрастание значения региональной идентичности. В настоящее время динамика эволюции отличает не только коллективные системы идентичностей, но и системы идентичностей на индивидуальном уровне. З.Бауман удачно назвал настоящее время «текучей современностью» [1]: система идентичностей не просто перестает быть «приписанной» человеку обстоятельствами его рождения, но еще и эволюционирует на протяжении его жизни.

Формирование этнических образов прошлого тесно связано с ростом этнического самосознания, энергетика которого рекрутирует для данного процесса чаще всего не профессиональных историков, а дилетантов-энтузиастов. Создание образа прошлого государства также связано с энергетикой — энергетикой созидания нового государства. Однако государственные механизмы — система образования, государственные символы, государственные праздники, карта государства, государственные СМИ образуют дополнительную систему поддержки данного процесса. Б.Андерсон рассматривает некоторые из этих дополнительные средства в своем труде «Воображаемые сообщества».

Образ прошлого не просто отражает особенности исторического развития страны, региона, этноса, а выступает в роли памяти об истории. Он определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологически окрашивает пространство, соседей, персонажей исторических событий, указывает культурных героев. Образ прошлого определяет смысловые значения, но делает это исходя из ценностей и смыслов настоящего. Образ прошлого страны способны разделять носители разных конфессиональных и этнических идентичностей. Он позволяет формировать гражданскую идентичность. В рамках единого образа прошлого могут существовать различные трактовки тех или иных событий, но интерпретация ключевых событий и пантеон культурных героев должны соответствовать некоей системе ценностей и, таким образом, представлять собой целостность.

Пантеон героев и интерпретация событий составляют внутренне согласованную систему, своего рода «область конечных значений» (если пользоваться термином А.Щюца). Энергетика негативизма в пересмотре оценок событий и явлений прошлого может быть сопоставлена с энергетикой отрицания при создании религиозных сект. При этом вектор негативизма четко демонстрирует от какой культурной целостности откалывается данная культурная общность.

Образ прошлого гагаузов стал активно формироваться еще в XIX веке. Первая концепция выстраивающая схему этнической истории гагаузов нашла отражение в историческом сочинении, описывающем не коллективную историю народа, а историю одной семьи: в «Биографическом очерке рода и фамилии Чакир», написанном протоиереем Дмитрием Чакиром. Автор относит этноним «гагауз» к болгарам-христианам, говорящим «по-турецки». В период пребывания на Балканах в ответ на «фирман султанский», согласно которому надо было «или принять магометанскую веру и удержать свой язык национальный болгарский, или переменить свой национальный болгарский язык на турецкий, а веру свою православную твердо и непоколебимо сохранить», гагаузы выбрали веру (и, соответственно, утратили язык). В конечном счете, полагает автор фамилия Чакир «болгарской нации, славянского племени» [19, с.25]. Версия, что гагаузы – «потуреченные болгары» доживет до XXI века, отношение к ней изменится кардинально и будет казаться невероятным, что ее предложил именно гагауз. В этой историософской концепции есть точка отсчета истории этноса – момент испытания (искушение, выбор приоритета), изображено славное деяние в форме жертвенных страданий, объясняется происхождение этнонима. Отношение к туркам у Д.Чакира негативное, так как на Балканах те «притесняли христиан-болгар до последней степени варварства» [19, с.25].

Вообще христианские народы Османской империи как народы жертвы в XIX веке привлекали не меньшее внимание и не меньшее сочувствие, нежели жертвы тоталитаризма в конце XX века.

Для Д.Чакира конфессиональная принадлежность важнее языковой, но именно сочетание языковой и конфессиональной принадлежности определило, по его мнению, появление гагаузов. Стоит предположить, что упомянутое сочетание во многом вызвало тот интерес, который к гагаузам испытывали исследователи и который не угас и в настоящее время. Одним из первых был В.А.Мошков, собравший гагаузский этнографический материал, который был опубликован в начале XX века. Побывав в гагаузских селах Бессарабии, В.А.Мошков отправился на Балканы и обнаружил помимо гагаузов множество иных тюркоязычных народов – как христиан, так и мусульман. Из всех этих народов именно гагаузам удалось представить наиболее интересный миру и успешный культурный проект, включающий особый образ прошлого. Но сделали это не гагаузы Болгарии, а гагаузы Молдовы и показателем их успеха было создание Автономии.

В культурном пространстве Бессарабии уже не конфессиональная, а языковая принадлежность являлась этнодифференцирующим фактором. В 1934 году протоиерей Михаил Чакир пишет на гагаузском языке «Историю гагаузов Бессарабии» (1934), где приводит множество версий происхождения гагаузов, но особо подчеркивает, что «гагаузы происходят от турок-узов, огузов, от настоящего тюркского рода». Для того, чтобы создать государство в будущем гагаузам потребовалось найти его прообраз в прошлом и М.Чакир называет Государством гагаузов Добруджанское княжество [20, с.88].

Если в исторической конструкции центр гагаузского мира мог быть помещен и в другое историческое пространство, то настоящее связано с Бессарабией, что отражено в названии труда. Книга М.Чакира стала ценным достоянием мифо-истории, а его высочайший авторитет как просветителя гагаузов сделал все его мифо-исторические концепции устойчивыми и весьма влиятельными, несмотря на то, что широкому кругу читателей книга стала доступна только после переиздания 2005 году в переводе на русский язык.

Во второй половине XX века были созданы важные предпосылки для следующего этапа этнической мобилизации гагаузов: идет модернизация (урбанизация, индустриализация, коллективизация), создается стройная система образования (которая становится важнейшим каналом социальной мобильности, а также создает условия для усвоения самых разнообразных символических продуктов, в том числе того, что предлагает мифо-символический комплекс), создается письменность, издается литература на гага-

узском языке, культура гагаузов активно изучается этнографами и в 1987 г. создается отдел гагаузоведения АН МССР.

Одним из проявлений этнической мобилизации становился особый образ прошлого, в котором возобладала версия о тюркском происхождении гагаузов.

Тюркское происхождение гагаузов в сочетании с их конфессиональной принадлежностью подчеркивает их уникальность. И хотя православными тюрками являются не только гагаузы, а, например, и чуваши, но именно гагаузы сумели сделать это своим брендом.

Процесс этнической мобилизации гагаузов детально изложен М.Н.Губогло в таких его трудах, как «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (2004), «Именем языка» (2006) и др. М.Н.Губогло выделяет этапы этнической мобилизации, ее факторы, обстоятельства и особенности. М.Н.Губогло говорит о рождении культа Прошлого, но при этом указывает на конструирование этого культа деятелями художественной культуры, вдохновленными идеей прогресса [6, с.111]. Смысл и назначение истории гагаузов, миссия гагаузов – быть примером для всего мира.

На формирование культурного проекта гагаузов в силу его современности повлияли декларируемые и представляемые в качестве прогрессивных принципы толерантности, ценности демократии. Более того, принцип толерантности был заложен в ядро Миссии гагаузов, содержание которой быть образцом этой толерантности. Отчасти идея носителя прогресса была воспринята еще в советское время. Гагаузы, для которых были открыты каналы мобильности и воздействовала официальная идеология вполне ощущали себя частью империи, впереди других оказавшейся на пути прогресса и ведущей народы к светлому будущему.

Эти имперские амбиции легко наложились на стремительность обретения государственности, пусть и в символической форме. В символической форме происходит у гагаузов расширение границ, что актуализируется в дни Всемирных конгрессов гагаузов (2006 г., 2009 г., 2012 г.), когда Комрат становится центром гагаузского мира, а гагаузы всей планеты приезжают для того, чтобы ощутить и подкрепить единение гагаузского сообщества. Одновременно с этим происходит символическое освоение пространства Автономии. Одним из проявлений этого процесса является издание историй сел, написанных энтузиастами-краеведами.

Расширение границ происходит не только в пространстве, но и во времени. В области мифо-истории это проявляется в создании мифо-исторических конструкций. Но параллельно с этим идет актуализация памяти о прошлом в вполне современной форме – через обращение к воспоминаниям очевидцев событий и к пересказам этих воспоминаний потомками. В 2014 году нижним порогом этого освоения стала Первая мировая война. В

г.Чадыр-Лунга прошла конференция, посвященная этому событию и был установлен памятник героям и жертвам войны.

Культурный проект гагаузов целостен и гармоничен. Этноцентричная картина мира дополняется признанием универсалистских ценностей, в частности значимости демократии и толерантности. То, что построение культурного проекта происходит в рамках Автономии вполне допустимо в эпоху постмодерна.

В целом можно сделать следующие выводы:

Формирование наций может быть рассмотрено как реализация культурного проекта, содержащего этноцентричную картину мира, включающую образ прошлого, символико-смысловую географию, систему ценностей.

В ряде случаев нация может построить более сложную систему, в этноцентризм дополняется самоощущением периферийности. А.Кьессев называет такое явление «самоколонизированными культурами». Механизм построения культурных проектов такого рода рассматривается в рамках постколониалистики, балканизма и ориентализма.

Культурный проект рождающейся нации отражает идеи и ценности эпохи, например, как принцип толерантности. Подобно тому, как универсалистская идея Прогресса была дополнена осознанием многообразия цивилизаций, идея нации должна быть развита посредством осознания многообразия ее форм.

В эпоху постмодерна символическое обретает особое значение. Завершенность, гармоничность и целостность культурного проекта значит в настоящее время гораздо больше нежели «полновесность» политических структур. Несмотря на то, что культурный проект формирующейся нации этноцентричен, он включает некоторые универсалистские идеи и принципы, причем в той форме, которая характерна современной ему эпохе. Это придает ему устойчивость и гармонию.

Библиография

1. Бауман З. Текучая современность. – Санкт-Петербург: Питер, 2008
2. Бхабха Х. Местонахождение культуры. // Перекрестки. 2005, №3-4, с.161-192.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. - Москва: Прогресс, 1991.
4. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. - Москва: Пер СЭ, 2008
5. Губогло М.Н. Антропология повседневности. - Москва: Языки славянской культуры, 2013.
6. Губогло М.Н. Именем языка. - Москва: Наука. 2006.

7. Губогло М.Н. Сполохи прошлого. Автобиографические затеси. – Кишинэу: Tipogr. Centrala. 2007.
8. История и культура гагаузов. Под ред. С.Булгара. - Кишинев: Pontos, 2006.
9. Калхун К. Национализм. - Москва: «Территория будущего», 2006
10. Кьессев А. Самоколонизированные культуры. // Перекрестки, 2005, №3-4, с.118-127
11. Мошков А.В. Гагаузы Бендерского уезда. - Кишинев, 2004
12. Нора П. Франция - память. – Санкт-Петербург, 1999
13. Ридингс Б. Университет в руинах. - Москва: ВШЭ, 2010
14. Смит Э. Национализм и историки. // Нации и национализм. - Москва: Праксис, 2002, с.236-263
15. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический разбор современных теорий наций и национализма. - Москва: Праксис, 2006
16. Тойнби А. Место России в истории. // Цивилизация перед судом истории. - Москва: Айрис-Пресс, 2003.
17. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 г. - Санкт-Петербург: Алейтейя, 1998.
18. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. // Нации и национализм. - Москва: Праксис, 2002
19. Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир. // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. - Кишинев: Pontos, 2005, с.25-57.
20. Чакир М. История гагаузов Бессарабии. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. - Кишинев: Pontos, 2005, с.80-108.

Представлен в редакцию
18 сентября 2015 г.

CONSIDERAȚII PRIVIND METODOLOGIA STUDIILOR EUROPENE CONTEMPORANE

Grigore VASILESCU
Republica Moldova, Chișinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Științe Politice și Administrative, Departamentul Relații Internaționale
Doctor habilitat în filozofie, profesor universitar, directorul Centrului de Studii Europene a USM, vasilescugr51@gmail.com

The article analyzes some very important questions of contemporary European Studies, such as actually situation, problems existing in this domain, the specific of European Studies methodology from the multidisciplinary, interdisciplinary and transdisciplinary points of views. A particular attention is paid towards the systematization, classification and analysis of the most important European Studies methods, inclusively generally, particularly and specific ones. Finally, special reference is made to the present necessities and perspectives of the future development of the European Studies methodology.

Introducere

In articol sunt analizate și puse în discuție o serie de probleme legate de metodologia Studiilor Europene contemporane care până în prezent sunt puțin elaborate în literatura de specialitate. Se face mai întâi o succintă evaluare a stării actuale și a problemelor, dificultăților existente în domeniul metodologiei Studiilor Europene. Se pune apoi în discuție problema specificului metodologiei Studiilor Europene, abordată din perspectivele monodisciplinarității, pluri- și multidisciplinarității, a interdisciplinarității și a transdisciplinarității. Atenția principală în continuare se acordă sistematizării, clasificării și analizei succinte a principalelor metode utilizate în cadrul Studiilor Europene contemporane. Se încheie articolul cu anumite concluzii referitor la necesitățile și perspectivele de dezvoltare în continuare a metodologiei Studiilor Europene contemporane.

Metodologia Studiilor Europene: starea actuală şi problemele existente

Principalele întrebări cu care ar trebui, după părerea noastră, să începem discuțiile la această temă ar fi următoarele: 1. Dacă au Studiile Europene metodologia, metodele sale proprii? 2. Dacă da, atunci care sunt aceste metode şi care este respectiva metodologie, mai apoi, care metode se utilizează în prezent și care ar putea să se utilizeze în Studiile Europene contemporane? Însă, până a ajunge să răspundem la aceste întrebări de bază, să vedem mai întâi care este situaţia, starea actuală şi ce probleme, dificultăți există în domeniul metodologiei Studiilor Europene contemporane.

Despre **starea actual şi problemele existente** în ceea ce priveşte metodologia Studiilor Europene, a metodelor care se utilizează în acest domeniu. Trebuie de la bun început să menţionăm că în ceea ce ţine de metodologia Studiilor Europene avem o stare destul de precară, complicată, domeniul respectiv confruntându-se cu mai multe probleme, dintre care am atrage atenţia la următoarele:

✓ Necătînd la importanţa deosebită a instrumentarului de cercetare, fapt la care atrag atenţia mai mulţi autori, **metodologia Studiilor Europene este slab elaborată**. Putem spune chiar că aceasta se află într-o stare incipientă. Până ce foarte puţin s-a atras atenţia la acest capitol. Mai mult decât atât, nu numai că în domeniul Studiilor Europene în general, în ansamblu avem o aşa situaţie. Mai mulţi autori atrag atenţia că şi în plan monodisciplinar, adică ceea ce se referă la anumite discipline aparte din cadrul Studiilor Europene, cum ar fi, spre exemplu, metodologia cercetării în dreptul Uniunii Europene [1] sau metodologia cercetării în ştiinţa politică, în special a Studiilor Politice Europene Comparate [2, p.162-169], practic atestăm aceeaşi situaţie;

✓ O altă problemă este **starea destul de incertă, controversată** în ceea ce ţine de elaborarea metodologiei propriu zise a Studiilor Europene, stare care se complică din motivul unei multitudini de opinii cu referire la statutul, necesităţile, perspectivele domeniului metodologic al studiilor respective;

✓ Starea şi problemele existente în domeniul metodologiei Studiilor Europene în mare parte se explică prin faptul că Studiile Europene în ansamblu şi în special unele din compartimentele acestora, cum ar fi Studiile Europene Politice, aşa cum menţionează autorii care sunt preocupaţi de aceste probleme, au fost printre ultimele care au fost dotate cu un aparat metodologic propriu, care nu este deloc lipsit de contestaţii puternice. În consecinţă, studiile şi ştiinţele respective nu au găsit încă mijlocul potrivit pentru a-şi crea un aparat metodologic care să fie recunoscut de către toţi profesioniştii din domeniu şi transmisibil studenţilor şi tinerilor cercetători sub forma unei predări metodologice coerente [2, p.164].

Deci, aceasta este situaţia. Acuma, ca să încercăm să răspundem mai departe la întrebările formulate mai sus dacă au Studiile Europene metodologia, metodele lor proprii şi dacă da, atunci care sunt aceste metode şi metodologie, respectiv, care metode se utilizează în Studiile Europene contemporane, trebuie mai întâi să ne clarificăm referitor la sensul pe care-l atribuim noţiunilor de metodologie şi metode. Potrivit dicţionarelor, **metodă** (din gr. – mijloc, cale, mod de expunere) înseamnă mod de cercetare, sistem de reguli sau principii de cunoaştere şi de transformare a realităţii obiective [3, p.457]. Referitor la **metodologie**, potrivit aceloraşi dicţionare, aceasta (din gr. – *methodos* – cale, mijloc şi *logos* – ştiinţă) este ansamblul metodelor folosite într-o anumită ştiinţă, al cărui fundament îl constituie sistemul celor mai generale legi şi principii ale ştiinţei

respective [3, p.457]. Într-un alt sens, metodologia înseamnă şi ştiinţa despre folosirea, utilizarea practică a metodelor de cunoaştere / cercetare într-un anumit domeniu. Potrivit autorului chişinăuian Vasile Ţapoc, metodologia studiază metodele şi procedeele utilizate în ştiinţă şi principiile de organizare a cunoaşterii prin prisma acceptării sau respingerii lor. O metodologie, continuă autorul, include în sine următoarele elemente: 1) teze filosofice; 2) principii normative care rezultă din teze; 3) strategii de cercetare care întrunesc aceste principii; 4) criterii de testare sau verificare a rezultatelor obţinute [4, p.145]. Între metodologie şi metode, pe lângă cele menţionate, există un anumit raport. Folosind un limbaj militar, acelaşi Vasile Ţapoc vorbeşte despre următorul raport: dacă metoda determină *tactica* (adică este de importanţă locală), apoi, metodologia impune *strategia* (adică este teoretic generală). Pornind de la aceasta autorul face următoarea concluzie deosebit de importantă: metodologia ne apare, astfel, în calitate de ştiinţă sau teorie generală a metodelor cunoaşterii, în calitate de *metametodă* – teorie a metodelor folosite [4, p.146].

La întrebarea **dacă au Studiile Europene metodologia, metodele lor proprii**, după ce am prezentat pe scurt care este starea actuală în ceea ce ţine de metodologia acestor studii, putem acuma da următorul răspuns: Studiile Europene, dat fiind că sunt un domeniu aparte, specific, destul de necesar şi important atât din punct de vedere teoretic, cât şi practic, nu pot să nu aibă metodologia lor proprie, respectiv metodele, tehnicile, principiile de cercetare etc. Problema constă în faptul că deoarece acest domeniu este relativ recent, respectiv şi metodologia Studiilor Europene este în mare parte în stare incipientă, se află în curs de elaborare şi în plină dezvoltare. O metodologie a Studiilor Europene, în sensul descris mai sus de Vasile Ţapoc, adică o teorie generală a metodelor de cunoaştere, de cercetare în acest domeniu încă urmează să fie elaborată. Studiile Europene, în sensul lor general, cumulat, integral, încă îşi definitivează statutul metodologic, urmând să-şi contureze şi să se determine care metode, tehnici de cercetare le preia din alte domenii de cercetare şi pe care le va recunoaşte ca fiind proprii, utilizate doar de acestea. Pornind de la această constatare vom încerca în continuare să vedem care sunt metodele ce se utilizează în domeniul Studiilor Europene. Nu înainte însă de a determina clar care este specificul Studiilor Europene, deoarece fără aceasta n-o să putem să facem lumină asupra arsenalului metodologic utilizat în domeniul acestor studii.

Problema specificului metodologiei Studiilor Europene: multidisciplinaritatea şi interdisciplinaritatea

Aşa cum am arătat în una din lucrările anterioare [20], Studiile Europene sunt un domeniu specific nu doar din punct de vedere conceptual, legat cu un anumit concept al Europei, europenităţii, culturii, conştiinţei, mentalităţii euro-

pene, dar şi din punct de vedere **disciplinar, metodologic**, despre ce vom discuta în continuare.

Problema, dar şi întrebarea principală care apare atunci când discutăm despre metodologia Studiilor Europene, constă în faptul că, pe de o parte, **obiectul de cercetarea acestor studii este unul, anume Europa (în ansamblu şi în special Uniunea Europeană,** dacă ne referim la Europa contemporană aflată în proces de integrare şi unificare**).** Pe de altă parte însă, pentru a cerceta acest obiect, care este unul deosebit de complex, multidimensional şi multiaspectual, **nu este suficientă o singură disciplină** (să zicem, numai Istoria Europei, sau numai Economia Europeană, Politici europene etc.). Necesare în acest sens sunt mai multe discipline luate fiecare în parte şi toate împreună. Altfel spus, este vorba de multidisciplinaritate, de pluridisciplinaritate.

Luând în consideraţie cele menţionate, putem afirma că în cazul Studiilor Europene este vorba atât de **monodisciplinaritate**, când accentul se pune pe anumite discipline aparte, separate, dar şi de **multi-, pluridisciplinaritate**, accentul punându-se pe un mănunchi, ansamblu întreg de discipline, încadrate într-un concept integru. Respectiv, în plan metodologic, de aplicare a anumitor metode, tehnici, proceduri de cercetare, va fi vorba atât de metode utilizate într-un anumit domeniu disciplinar, cât şi de cele ce se utilizează în mai multe discipline. Iată de ce în domeniul Studiilor Europene deosebit de importante şi strict necesare vor fi metodele interdisciplinare, cele transdisciplinare, îndeosebi cele ce ţin de abordările sistemice, sintetice etc.

Aşa deci, în cazul Studiilor Europene putem şi trebuie să vorbim de mai multe **nivele metodologice de cercetare şi interpătrundere a disciplinelor** care alcătuiesc cadrul acestor studii. Iată care sunt aceste nivele de cercetare şi interpătrundere disciplinară:

- Monodisciplinaritate;
- Pluridisciplinaritate;
- Multidisciplinaritate;
- Interdisciplinaritate;
- Transdisciplinaritate.

Întrucât nivelele desemnate, îndeosebi cele de pluridisciplinaritate, interdisciplinaritate şi transdisciplinaritate, sunt deosebit de importante pentru înţelegerea esenţei şi specificului metodologiei Studiilor Europene, este necesar şi interesant să aducem aici în discuţie felul cum sunt interpretate conceptele respective ale disciplinarităţii metodologice.

Vom începe, aşa după cum sunt prezentate mai sus nivelele de disciplinaritate, cu **monodisciplinaritatea**. Referitor la aceasta este destul de clar modul în care ea se aplică. Este cazul unor discipline aparte, acestea având fiecare metodele, tehnicile, procedurile, regulile şi principiile sale metodologice deosebite, specifice domeniului. Dacă ne referim la disciplinele din cadrul disciplinar al

Studiilor Europene, fiecare din acestea, fie că e vorba de Istoria Europei, de Economia europeană etc., are metodele sale stabilite. Monodiciplinaritatea în principiu este strict necesară, importantă şi rezultativă în procesul de cercetare. Mai mult ca atât, aceasta într-un anumit sens este de neînlocuit. Totuşi, după cum subliniază specialiştii, monodisciplinatitatea sau abordarea disciplinară are şi anumite limite, devine insuficientă, mai ales în anumite cazuri, în special când este vorba de cercetarea unor obiecte sau fenomene complexe, multiaspectuale. Abordarea disciplinară a unui subiect conduce, în viziunea autorului român Aurel Jula de la Universitatea Tehnică de Construcţii – Bucureşti, în cele din urmă, la secătuirea creaţiei ştiinţifice, redusă la simpla tehnică de cercetare, monotonă şi strict specializată într-un domeniu limitat. Ea (abordarea disciplinară – adăugat Gr.V.) tinde să creeze bariere între grupele de specialişti, izolândui de comunităţile ştiinţifice [5]. Concluzia poate fi una: din punct de vedere metodologic este corect şi binevenit ca monodisciplinaritatea să fie neapărat completată cu celelalte nivele ale disciplinarităţii.

Acum despre celelalte nivele ale disciplinarităţii care se suprapun monodisciplinarităţii. Noţiunile de **pluridisciplinaritate** şi **multidisciplinaritate**, după cum se explică în literatură, sunt într-un fel sinonime şi acestea constau în studierea şi cercetarea făcute nu numai din punctul de vedere al unei singure discipline, ci din punctul de vedere al mai multor discipline în acelaşi timp. Subiectul, prin această cercetare multidisciplinară, va ieşi îmbogăţit [5]. Constatarea dată este evidentă în cazul studiului Europei, a Uniunii Europene. Cercetate doar la nivel monodisciplinar, să zicem doar în aspect economic sau politic separat, acestea vor fi unilaterale, sărăcăcioase. În schimb, aplicarea multidisciplinarităţii ne va permite să cercetăm subiectul, în cazul de faţă Europa (UE), multilateral, din toate punctele de vedere necesare, respectiv din punctul de vedere istoric, economic, geografic, politic, juridic, cultural, civilizaţional etc. Rezultatul va fi în cazul de faţă cel aşteptat: obiectul de cercetare, Europa (UE), va ieşi mult mai îmbogăţit, complex, integrat etc.

Despre **interdisciplinaritate**, deosebit de importantă şi în cazul Studiilor Europene. După cum se menţionează în literatură, interdisciplinaritatea are un scop diferit de cel al multidisciplinarităţii, ea presupune fenomene, concepte şi legi generale comune mai multor discipline ce analizează în contexte cât mai variat posibile, pentru a evidenţia faţetele multiple şi posibilităţile de aplicare a lor în sfera diverselor discipline [5]. Autorul român G.Văideanu, într-o publicaţie încă din 1972, reiterată mai apoi şi în 1985, arata că „interdisciplinaritatea implică un anumit grad de integrare între diferitele domenii ale cunoaşterii şi diferite abordări, ca şi utilizarea unui limbaj comun, permiţând schimburi de ordin conceptual şi metodologic” [6]. Un alt autor român, Basarab Nicolescu, vede interdisciplinaritatea ca fiind un transfer de metode de la o disciplină la alta, având trei grade de transfer: aplicativă, epistemologică şi generatoare de noi di-

scipline [7]. Interesantă şi semnificativă ni se pare paralela sau legătura care o fac unii autori dintre interdisciplinaritate şi europenitate. Deşi interdisciplinaritatea este într-un fel un ideal pentru un cercetător, dar vorbind despre dificultăţile interdisciplinarităţii, autoarea din România Mihaela Frunza, într-o recenzie la o lucrare de studii de gen [8], arată că acestea „seamănă cu dificultăţile procesului politic al integrării europene. Nu numai în sensul că ambele (adică interdisciplinaritatea şi europenitatea, sau, în ultimul caz, procesul politic al integrării europene – Gr.V.) sunt experimente noi care primesc sprijin (doar) retoric şi o (foarte) reală opoziţie şi obstrucţie, dar şi în sensul că disciplinele „se comportă" ca naţiunile implicate în procesul de integrare europeană. Ambele au tradiţii, obiceiuri, metode şi graniţe care sunt apărate cu vehemenţă când sunt criticate sau când asupra lor se exercită o presiune din exterior" [9]. Concluzia autoarei este că atât interdisciplinaritatea, cât şi europenitatea trebuie să fie înţelese mai ales ca practici – mai degrabă deschise decât închise, mai degrabă inclusive decât exclusive.

Interdisciplinaritatea a fost clasificată din diferite puncte de vedere. Astfel, se deosebeşte **interdisciplinaritatea domeniilor învecinate** (în care se aplică metode şi concepte ale altor discipline), **interdisciplinaritatea problemelor** (se are în vedere probleme ce depăşesc graniţa unor discipline şi studiul reclamă colaborarea mai multor discipline), **interdisciplinaritatea metodelor** (când metodele unei discipline se aplică în alte discipline) şi **interdisciplinaritatea conceptelor** (când conceptele dintr-o disciplină se aplică în cercetare în altă disciplină).

Ţinem să menţionăm că toate tipurile interdisciplinarităţilor evidenţiate sunt deosebit de importante în cazul discutării metodologiei Studiilor Europene. Pornind de la axioma că metodologia în general, metodele care se aplică şi întreg arsenalul metodologic trebuie să ne ajute să găsim răspunsuri şi soluţii la întrebările care ne preocupă cu referire la obiectele, fenomenele, procesele, problemele europene, interdisciplinarităţile metodologice vin şi ele să contribuie în sensul menţionat. Aşa, una din întrebările mari, de ordin metodologic dealtfel, putem spune, transîntrebările, sau chiar şi interîntrebările principale care ne-ar interesa în cazul unor Studii Europene integrate ar fi, spre exemplu: **cum istoria europeană, dezvoltarea economică, dezvoltarea societăţilor europene, dezvoltarea culturii etc. au condus treptat, toate împreună şi fiecare în parte, la apariţia mai întâi a ideii de Europa (ca spaţiu comun al păcii, bunăstării şi prosperităţii), a ideilor de europenism, europenitate, europenizare, ideilor de integrare şi unificare europeană, iar mai apoi şi a necesităţii de a realiza în practică aceste idei în procesul construcţiei europene?** Întrebarea aceasta în cazul Studiilor Europene devine principială, care nicidecum nu poate fi neglijată, deoarece în cadrul acestor studii noi nu vom vorbi de istorie europeană de dragul istoriei, de economie europeană de dragul economiei etc. Scopul

nu este de a forma în cadrul acestor studii istorici, economişti etc. Scopul este de a forma „europenişti”!!! Respectiv, toate disciplinele din cadrul Studiilor Europene trebuie integrate, conform cerinţelor metodologice ale interdisciplinarităţii, într-un singur concept – cel de Europa! Conceptele de Europa, europenism, europenitate, europenizare, la fel ca şi alte concepte, respectiv probleme, sunt, trebuie să fie comune pentru toate ariile disciplinare ale Studiilor Europene. Respectiv şi metodele de cercetare a acestor fenomene, probleme şi ele sunt şi trebuie să fie interdisciplinare.

De fapt, în spaţiul românesc, după cum arată Aurel Jula în lucrarea citată mai sus [5], există tradiţii istorice în ceea ce priveşte pluridisciplinaritatea şi interdisciplinaritatea. Unul dintre primii cărturari români care a abordat în operele sale teme şi probleme privite din toate perspectivele disciplinare necesare este considerat Dimitrie Cantemir. În renumitele sale lucrări, cum ar fi „Divanul sau gâlceava înţeleptului cu lumea”, scrisă la 1698, „Istoria imperiului otoman”, scrisă între 1714 şi 1716, în special „Descrierea Moldovei”, scrisă la 1716, la fel ca şi „Hronicul vechimii moldo-vlahilor” din 1717, „Sistema religiei mahomedane” de la 1722, problemele ştiinţifice puse în discuţie sunt abordate din punctele de vedere ale geografiei, istoriei, psihologiei, lingvisticii, economiei, filosofiei, religiei, literaturii, artei, toate acestea fiind sintetizate într-o manieră interdisciplinară personală de autor. Cercetări pluri- şi interdisciplinare aparţin şi altor personalităţi din spaţiul cultural românesc, cum ar fi Bogdan Petriceicu Haşdeu, Dimitrie Gusti, Ştefan Milcu, Romulus Vulcănescu, H.H.Stahi, Mircea Eliade. Sunt experienţe şi exemple demne de urmat şi în cazul studiilor asupra Europei. Aşa cum a cercetat Dimitrie Cantemir multidisciplinar şi interdisciplinar fenomene precum Moldova sau imperiul otoman, la fel e necesar să se procedeze când intenţionăm să cercetăm un fenomen atât de complex cum este Europa.

A rămas să vorbim despre **transdisciplinaritate**, caracteristică şi aceasta într-o anumită măsură cercetărilor în domeniul Studiilor Europene. Transdisciplinaritatea, după autorul Basarab Nicolescu, menţionat de același Aurel Jula, se află între discipline, de-a lungul lor şi mai presus de ele şi presupune generarea dinamică prin acţiunea numeroaselor nivele de realitate [5]. Altfel spus, dacă pluridisciplinaritatea reprezintă o integrare mai accentuată bazată pe comunicarea mai mult sau mai puţin simetrică între diferitele paradigme explicative, transdisciplinaritatea vizează o întrepătrundere a mai multor discipline, care duc la apariţia unor discipline noi sau la alte domenii de cunoaştere şi de cercetare. Ca posibil exemplu a unei asemenea abordări transdisciplinare, poate servi disciplina nouă şi respectiv cursul „Integrarea europeană”, care se predă la Facultatea Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative a Universităţii de Stat din Moldova şi care este o examinare în baza întrepătrunderii mai multor discipline, a cunoştinţelor, problemelor, metodelor din mai multe discipline, cum ar fi istoria Europei, economia europeană, sistemul politic, instituţii şi politici euro-

pene, dreptul european, filosofia unificării europene, culturi şi civilizaţii europene etc. În orice caz, o aşa disciplină n-ar fi putut să apară dacă la baza ei ar fi stat o abordare îngustă monodisciplinară. Doar o examinare integră, multiaspectuală, multilaterală, anume multidisciplinară, interdisciplinară şi, mai ales, transdisciplinară dă posibilitate de prezentat în ansamblu amplul şi complicatul proces de integrare europeană.

Sistematizarea, clasificarea şi analiza principalelor metode ale Studiilor Europene

În general vorbind, metodele care se utilizează în cercetările ştiinţifice, inclusiv cele ce ţin de cercetările în domeniul Studiilor Europene, se clasifică, așa după cum deja e stabilit în literatura metodologică (ne referim aici și la autorul chișinăuean Vasile Țapoc, care prezintă această clasificare în cunoscuta sa lucrare „Teoria și metodologia științei contemporane: concepte și interpretări") [4, p.166], în următoarele grupe sau categorii:

- metode generale sau general-logice (conceptual-filosofice);
- metode general-ştiinţifice;
- metode particulare (sau regionale);
- metode speciale de cercetare.

În continuare vom prezenta pe scurt grupele de metode enumerate mai sus. (Vom enumera și prezenta doar cele mai importante și frecvent utilizate metode de cercetare. Descrierea mai detaliată a metodelor respective se conțin în lucrările de metodologie, inclusiv în lucrarea citată mai sus a lui Vasile Țapoc).

Metodele generale sau general-logice prezintă nivelul cel mai înalt de generalitate metodologică. Această grupă, dealtfel una din cele mai importante în ştiinţă, formează fundamentul conceptual, baza filosofică a metodologiei ştiinţifice pentru absolut toate ştiinţele, respectiv şi pentru ştiinţele din cadrul Studiilor Europene. Elaborate, formulate, fundamentate şi înaintate pe întreg parcursul istoriei multiseculare de dezvoltare a ştiinţelor, aceste metode, considerate ca fiind cele mai universale, adică de maximă generalitate şi utilitate sub aspectul folosirii lor, denumite şi metode filosofice, sunt, din cele mai importante, următoarele: **metodarealist-empirică** (fundamentată încă de Aristotel); **metoda dialectică** (înaintată în antichitate de Platon, dezvoltată pe parcursul secolelor de mai mulţi gânditori, elaborată mai apoi într-un mod sistematic de marele clasic german Hegel, continuată şi în perioada contemporană şi considerată ca fiind una din cele mai importante metode conceptuale în întreaga istorie a ştiinţelor!); **metodainductivă** (avansată de Francis Bacon la începutul perioadei moderne în istoria filosofiei ştiinţei); **metoda deductivă** (fundamentată de Rene Descartes la fel în perioada modernă); **metoda analitică** (iniţiată de John Locke şi dezvoltată mai apoi de mai multe curente de gândire filosofică şi ştiinţifică, devenind cu timpul, îndeosebi în filosofia şi ştiinţa secolului al XXI-lea, una din cele mai

generale după utilitate şi răspândire în toate ştiinţele contemporane); **metoda fenomenologică** (desprinsă din filosofia lui Hegel şi promovată sistematic de Edmund Husserl); **metoda hermeneutică** (fundamentată şi dezvoltată de Hans Gadamer şi Paul Ricoeur); **metoda structural-funcţională** (elaborată şi fundamentată de mai mulţi savanţi metodologi ai ştiinţei secolului al XX-lea) şi altele.

Unii autori metodele de maximă generalitate filosofico-ştiinţifică le clasifică în patru mari grupe: I – **Metode analitice** (metodele ştiinţelor naturii, ştiinţelor limbajului, filosofiei minţii); II – **Metode interpretative** (hermeneutica, fenomenologia, dialectica); III – **Metode integrative** (sistemic-teoretice, constructiviste, deconstructiviste); IV – **Alte metode** de cercetare filosofică.

Metodele general-ştiinţifice (pe care unii autori le califică ca fiind principii general-ştiinţifice) la fel sunt cele de generalitate extinsă şi se folosesc într-un număr mare de ştiinţe, practic în toate sau majoritatea ştiinţelor. Dintre cele mai importante şi răspândite metode din acest grup vom enumera: **metoda istorică**, **metoda matematic-demonstrativă**, **intuiţia**, **generalizarea**, **abstractizarea**, **modelare**a, **ascensiunea de la abstract la concret**, **formularea**, **axiomatizarea**, **observaţia**, **experimentu**l, **comparaţia**, **analogia**, **ipoteza** ş.a.

La un nivel de mai mică generalitate metodologică se situează **metodele particulare** (regionale), pe care unii le consideră ca fiind şi speciale. Dintre acestea vom menţiona unele mai cunoscute, cum ar fi: **content-analiza**, **invent-analiza**, **analiza cantitativă şi calitativă**, alte forme de analiză cum ar fi **analiza factorială**, **analiza corelaţională** etc., **metodele sociologice de analiză** etc.

Se încheie arborele metodologic logico-sistemic cu metodele de pe treapta cea mai de jos a generalităţii – **metodele speciale**, care sunt proprii doar unor ştiinţe aparte. Sunt acele metode care-s proprii fiecărei ştiinţe şi care ţin de specificul obiectului acesteia.

Metodele din toate grupele prezentate mai sus sunt utilizate de toate disciplinele din cadrul Studiilor Europene, fiecare din acestea selectându-le şi combinându-le în felul său, inclusiv prin abordările inter-, multi-, pluri-, transdisciplinare, descrise anterior. Sunt însă şi metode deosebite, specifice pentru Studiile Europene în ansamblu. Deşi acestea, cum arătam mai sus, încă nu şi-au definitivat cadrul metodologic propriu, totuşi putem vorbi de anumite metode mai speciale, utilizate de Studiile Europene, îndeosebi având în vedere faptul că acestea, luate din punctul de vedere conceptual şi disciplinar, fac parte din domeniul mare al ştiinţelor politice, inclusiv şi în special din domeniul ştiinţelor relaţiilor internaţionale. Având în vedere cele spuse, vom atrage atenţia în continuare la unele metode care se utilizează sau pot fi utilizate în domeniul Studiilor Europene, luând în consideraţie specificul acestora:

- Este vorba, în primul rând, de **metodele politologice**, în special de **metodele de analiză politică,** metode, tehnici, proceduriprezentate în cunoscutul

Dicționar de analiză politică [10] – cele mai utilizate şi cele mai rezultative metode şi tehnici de cercetare folosite de ştiinţa politică contemporană. În Studiile Europene contemporane se utilizează sau pot fi utilizate diferite metode, tehnici, reguli, proceduri, abordări, concepte, teorii etc. atât ale ştiinţei politice generale, cât şi cele ce ţin de analiza internaţională şi comparată, analiza socială, analiza comportamentalistă, tehnici ale ştiinţei şi filosofiei ştiinţei, analiză statistică, alte metodologii şi tehnici de cercetare. (Bibliografie selectivă utilă referitor la aceste metode și tehnici de cercetare este prezentată în Dicțonarul citat mai sus [10, p.182-195]).

- Pentru Studiile Europene, dat fiind faptul că acestea conceptual fac parte din ştiinţele relaţiilor internaţionale, o deosebită importanţă au metodele şi tehnicile de cercetare cu caracter geo-, respectiv **geometodele**: metodele geopolitice, geoeconomice, geostrategice, geoculturale etc.
- Din alte metode şi tehnici utilizate de Studiile Europene vom mai menţiona: **metodeletrans-culturale** (Cross-cultural Methods), practicate de Studiile Europene contemporane (Contemporary European Studies); **metodele istorico-lingvistice** şi **comparative lingvistice**, utilizate în special la analiza textelor, discursurilor politice etc.; **metodele cantitative şi calitative de cercetare şi analiză**; **metodele şi metodologiile multiculturale**, utilizate de Studiile Europene contemporane îndeosebi în legătură cu răspândirea în statele europene a fenomenelor multiculturalismului. (În calitate de exemple vom aduce câteva studii cu referire la Europa ale autorilor Mircea Malița [11], Constantin Noica [12], C.W.Watson [13], în care sunt utilizate metodologiile multiculturale; **metodele şi metodologiile complexe de cercetare**, inclusiv şi în special cele **sistemice**, **structuraliste**, **structural-funcţionale** etc.; **metodele antropologice**, utilizate în prezent în multe cercetări şi studii europene deosebit de rezultative: (Pot fi amintite aici, în calitate de exemple de asemenea studii cu utilizarea metodologiilor antropologice, lucrările autorilor Emmanuel Todd [14], Elizabeth Pond [15], Antoine Compagnonși Jacques Seebacher [16]); **metode comunicaţionale** cu diferite abordări cantitative, calitative, utilizarea diferitor tipuri de analiză factorială, corelaţională etc.; **metode de analize contextuale** (content-analize); desigur, diferite **metode sociologice** cu modele liniare (chestionări, eşantionări, etc.), analiză logică, analiza calitativă a datelor, studii de caz, tehnici de interviuri, design-ul întrebărilor, diferite abordări măsurometrice etc.

Sistematizând, putem spune că arsenalul metodologic al ştiinţei contemporane, inclusiv a ştiinţelor din cadrul Studiilor Europene, este destul de variat. Totuşi, metodele sunt metode. Nu există metode bune şi metode rele. Şi nu întotdeauna utilizarea celor mai contemporane metode duce automat la rezultate bune. Cum scrie Vasile Ţapoc cu referire la savantul rus Ivan Petrovici Pavlov „cu o metodă reuşită şi un cercetător mai puţin talentat poate obţine rezultate ştiinţifice remarcabile, în timp ce cu folosirea unei metode greşite, adică inadecvate

obiectului cunoaşterii, nici un savant oricât de talentat, n-ar da nimic valoros ştiinţei" [4, p.165]. Toate metodele sunt bune. „Metoda e bună, e reuşită, scrie cu această ocazie Vasile Ţapoc, numai dacă principiile normative sunt adecvate trăsăturilor esenţiale ale obiectului cercetării şi acţiunilor necesare de a fi întreprinse pentru a cunoaşte aceste trăsături în procesul cercetării" [17, p.25]. Deci, totul depinde nu de metode propriu zis, ci de cum putem să le utilizăm, să le folosim în procesul cercetării. Nu înzădar acelaşi Vasile Ţapoc insistă asupra înţelegerii / interpretării metodologiei ca teorie generală asupra principiilor utilizării metodelor în cunoaşterea ştiinţifică [4, p.5].

Necesităţile şi perspectivele de dezvoltare a metodologiei Studiilor Europene contemporane

În prezent, deşi metodologia Studiilor Europene a atins un anumit nivel, totuşi există necesităţi şi anumite perspective de dezvoltare a acesteia. Din multiplele probleme la acest capitol am vrea să atragem atenţia la următoarele.

În primul rând, am începe cu o constatare în privinţa aspectelor teoretice a Studiilor Europene, dealtfel deosebit de importante, inclusiv în plan metodologic. Este vorba de **Teoria generală a Studiilor Europene**, teorie care are, ar trebui să aibă, **o importantă funcţie metodologică**. Întrebarea este dacă avem în prezent o aşa teorie. Nu putem să spunem categoric că nu avem nimic la acest capitol. Însă nici să afirmăm că o aşa teorie avem nu putem. O teorie generală a Studiilor Europene încă urmează să fie elaborată. Problema constă în faptul că la capitolul teoretic al Studiilor Europene în prezent sunt elaborate o serie întreagă de teorii, cum ar fi: aşa zisele teorii ale integrării europene, mai nou, teorii ale guvernanţei Uniunii Europene, precum şi alte teorii critice apărute recent (unele din aceste teorii sunt examinate în lucrarea „Politica în Uniunea Europeană" de autorii Ian Bache şi Stephen George. Îndeosebi este vorba de Partea I a lucrării „Repere teoretice" [18, p.18-97]). Toate teoriile existente ale integrării europene, cum ar fi teoriile federalismului, ale funcţionalismului, neofuncţionalismului, ale interguvernamentarismului, teoriile guvernanţei supranaţionale, teoriile noului instituţionalism, ale alegerii raţionale, instituţionalismului istoric, celui sociologic, teoriile guvernanţei pe mai multe niveluri, dezbaterile teoretice contemporane dintre constructivism, raţionalism şi reflectivism, teoriile recente neomarxiste privind integrarea europeană şi Uniunea Europeană, multiplele şcoli şi teorii economice ale integrării europene etc. – toate acestea sunt **teorii particulare ale integrării europene**, dat fiind că nici una din acestea nu examinează problematica integrării europene în ansamblu, sub toate aspectele şi din toate punctele de vedere, respectiv nu-şi asumă rolul şi funcţia de teorie generală a integrării şi unificării europene. Pe de o parte, s-ar părea că este benefic existenţa mai multor teorii ale integrării şi unificării europene între care se poartă ample dezbateri. Dar, pe de altă parte, multitudinea de viziuni teoretice nu tot-

deauna orientează şi luminează calea practicii construcţiei europene. Nu în zădar în ultimul timp, aşa cum arată autorii lucrării amintite mai sus „Politica în Uniunea Europeană”, au apărut „perspective mai critice, care pun la îndoială multe dintre ipotezele pe care erau construite teoriile consacrate ale UE” [18, p.19]. În situaţia pe care o atestăm, când există mai multe teorii particulare ale integrării europene şi nici una din ele nu se ridică la un nivel mai înalt de generalizare şi nu pretinde la rolul unei teorii generale, nu putem să nu fim de acord cu autorul rus V.G.Şemeatenkov, care, analizând principalele teorii ale integrării europene, inclusiv sub aspectul lor metodologic, a ajuns la concluzia că doar luate în totalitatea lor teoriile integrării ne prezintă o imagine adecvată despre acest fenomen unical al lumii contemporane care este integrarea europeană în toate manifestările sale [19, p.351].

După părerea noastră, o teorie generală a Studiilor Europene cu o importantă funcţie metodologică, în particular și o teorie generală a integrării și unificării europene care ar orienta și practica Studiilor Europene, ar trebui să includă:

- Conceptele de bază privind fenomenul cercetat, în cazul de faţă este vorba evident de fenomenele europene, inclusiv cele ce ţin de integrare şi unificare. Aceasta pentru că, deşi referitor la Europa, la integrarea şi unificarea europeană s-au spus şi s-au scris multe, totuşi rămân neclarităţi mai ales în ceea ce priveşte viitorul european, ce fel de Europă vrem să construim, cum va arăta Europa de mâne, Europa unificată întregită etc.;
- Noţiunile teoretice cele mai importante, definirea şi operaţionalizarea acestora;
- Principiile de bază teoretice la fel cu importante funcţii metodologice care să permită organizarea sistematică a Teoriei generale a Studiilor Europene şi în acelaşi timp să orienteze practica construcţiei europene. Este vorba de mai multe principii metodologice, dar cele mai principale dintre acestea, potrivit teoriei şi metodologiei ştiinţei contemporane ar fi: incomensurabilitatea, corespondenţa, simplitatea, complementaritatea [4, p.148-160];
- Întrucât Studiile Europene contemporane, așa cum am arătat în una din lucrări anterioare [20, p.8-9], tind să devină și înseamnă de fapt cercetarea problemelor caracteristice tuturor statelor din Europa contemporană în perioada desfășurării proceselor de integrare și unificare europeană, o importanță deosebită capătă explicarea şi generalizarea faptelor şi fenomenelor empirice, formularea pe această bază a legităţilor proceselor integraţioniste europene, a previziunilor şi recomandărilor practice.

În al doilea rând, dacă e să vorbim despre necesităţile şi perspectivele dezvoltării de mai departe a metodologiei Studiilor Europene contemporane, cea mai importantă problemă în acest domeniu este punerea accentului pe elaborarea unor metode şi tehnici proprii de cercetare, întrucât în prezent cel mai frecvent este utilizat un arsenal metodologic din alte domenii, din alte ştiinţe etc. Şi

desigur, sunt necesare eforturi speciale în dezvoltarea metodologiilor ce ţin de interdisciplinaritate, pluridisciplinaritate şi transdisciplinaritate, întrucât anume acestea, după cum am văzut, sunt cele mai reprezentative şi necesare pentru acest domeniu multidisciplinar care este cel al Studiilor Europene.

Bibliografie:

1. Metodologia cercetării în dreptul Uniunii Europene. – http://www.csde.ro/?cat=161
2. Mişcoiu S. Predarea metodologiei cercetării în ştiinţa politică: câteva lecţii desprinse din experienţa unui Masterat francofon în co-tutelă. // Revista pentru Asigurarea Calităţii în învățământul superior. Vol.3, Nr.2, septembrie 2011.
3. Dicţionar filosofic. - Bucureşti: Editura Politică, 1978.
4. Ţapoc V. Teoria şi metodologia ştiinţei contemporane: concepte şi orientări. - Chişinău: CEP USM, 2005.
5. Jula A. Interdisciplinaritatea şi transdisciplinaritatea, factori de creştere a calităţii învățământului universitar. – Noua viziune asupra calităţii europene. - București, 2006.
6. Văideanu G. Educaţia la frontiera între milenii. - Bucureşti: Editura Politică, 1972.
7. Nicolescu B. La Transdisciplinarite. Manifeste. Paris, Ed. Du Rocher, 1996. Nicolescu B. The Transdisciplinary Evolution of the University. – http:/perso.club-intern, et.fr/nicol/ciret/, last modified on May 18, 1999.
8. Demeny E. (ed.). Practising Interdisciplinarity in Gender Studies. - York, Raw Nerve Books, 2006.
9. Frunza M. Interdisciplinaritatea – între teorie şi practică. http://www.observatorcultural.ro/Interdisciplinaritatea-intre-teorie-si-practica*articleI
10. Plano J.C., Riggs R.E., Robin H.S. Dicţionar de analiză politică. – Bucureşti: Ed. ECCE HOMO, 1993.
11. Maliţa M. Zece mii de culturi o singură civilizaţie. Spre geomodernitatea secolului XXI. – Bucuresti, Editura Nemira, 1998.
12. Noica C. Modelul cultural european. - Bucureşti: Humanitas, 1993.
13. Watson C.W. Multiculturalism. - Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 2000.
14. Todd E. Inventarea Europei. - Timişoara, 2002.
15. Pond E. Renaşterea Europei. – Bucuresti, Editura PANDORA-M, 2003.
16. Compagnon A., Seebacher J. Spiritul Europei. Vol.I. Date şi locuri. Vol.II. Cuvinte şi lucruri. Vol.III. Gusturi şi maniere. – Iasi, Polirom, 2002.
17. Ţapoc V. Disertaţia ştiinţifică. Iniţiere în cercetarea ştiinţifică şi filosofia succesului. - Chişinău, USM, 2000.

18. Bache I., George S. Politica în Uniunea Europeană. - Chişinău, Editura Epigraf, 2009.
19. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. - Москва: Международные Отношения. 2003.
20. Studii Europene în Republica Moldova: Colecţie de programe analitice. Coordonator Gr.Vasilescu. - Chişinău, ISPRI, 2005.

Prezentat la redacţie
la 26 septembrie 2015

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ SI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

ANALIZA COMPARATIVĂ A PRACTICILOR EUROPENE DE DISCRIMINARE POZITIVĂ PRIVIND REPREZENTAREA POLITICĂ DE GEN

Cristina LAZARIUC
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea Tehnică a Moldovei, Catedra Stiințe Socio-Umane.
Lector, magistru în ştiinţe politice

Throughout history, women represented the object of political, economic and social discrimination. The global transition process to democracy has altered political life in many countries. However, extensive women's participation in the decision making process, especially in politics, as equal partners with the men, has not been achieved. In Moldovan society there is a noticeable discrimination against women's involvement in administrative bodies and upper-level research and academic circles. Affirmative action or positive discrimination is the policy of favoring members of a disadvantaged group who suffer from discrimination within a culture. Several different studies investigated the effect of affirmative action on women. Affirmative action is intended to promote the opportunities of defined minority groups within a society to give them equal access to that of the majority population.

De-a lungul istoriei, în orice societate au existat grupuri sociale care au fost şi cu părere de rău rămân a fi discriminate sau defavorizate şi în privinţa cărora au existat şi persistă şi astăzi stereotipuri şi prejudecăţi. Un exemplu în acest sens sunt africanii, care, mai ales pe timpurile colonialiste, erau consideraţi oamenii de „calitatea a doua", buni numai pentru muncă fizică grea. Un alt grup discriminat chiar şi în zilele noastre sunt romii, care frecvent sunt etichetaţi drept „şarlatani", „hoţi" şi „ghicitori", buni numai la dansat, cântat şi furat. Femeile, considerate „sexul slab", inferior bărbaţilor, rămân şi ele a fi un grup social defavorizat, fiind asociate treburilor casnice şi îngrijirii copiilor. Toate aceste stereotipuri şi prejudecăţi secole întregi au dominat opinia publică şi au influenţat destine a milioane de oameni din toată lumea. Odată cu dezvoltarea civilizaţiei oamenii au ajuns să înţeleagă că toţi sunt egali în dreptul lor de a trăi o viaţă bună şi fericită. 2015 marchează cea de-a 65-a aniversare a Convenţiei europene a drepturilor omului, care prevede, la articolul 14, o interdicţie a discriminării, precum şi cea de-a 15-a aniversare a adoptării a două texte fundamentale în domeniul combaterii discriminării la nivelul UE – Directiva privind egalitatea de tratament între

persoane, fără deosebire de rasă sau origine etnică şi Directiva de creare a unui cadru general în favoarea egalităţii de tratament în ceea ce priveşte încadrarea în muncă şi ocuparea forţei de muncă. Însă ca această egalitate să nu rămână doar o egalitate formală, este necesară o egalitate conştientizată, reală, echitabilă, care să garanteze că toţi oamenii efectiv beneficiază de oportunităţile de dezvoltare şi drepturile lor fundamentale.

Ce folos să susţii că nimeni nu pune bariere femeilor să ocupe funcţii înalte de stat şi de conducere, dacă deciziile privind aceste funcţii sunt luate tot de bărbaţii, care preferă să promoveze bărbaţii? Egalitatea în drepturi este principiul constituţional potrivit căruia cetăţenii, fără deosebire de rasă, naţionalitate, origine etnică, limbă, religie, **sex**, opinie sau apartenenţă politică, pot participa în egală măsură la viaţa politică, economică, socială şi culturală, fără privilegii şi fără discriminări [1, p.209]. Dacă examinăm conţinutul acestui principiu, observăm că unul din cele trei aspecte ale acestuia este **egalitatea femeilor cu bărbaţii** – „oportunităţi egale în exercitarea drepturilor, participare egală în toate sferele vieţii". Mai ales în contextul mondial revine astăzi în actualitate întrebarea referitoare la raportul dintre drepturile omului şi cele ale femeilor, aşa cum sunt ele înscrise şi în Pactul Naţiunilor Unite (1966) şi în Convenţia Europeană privind Drepturile Omului (1950) şi, de asemenea, dacă drepturile sociale (Consiliul Europei, 1961, ONU, 1966) pot însemna pentru femei altceva decât pentru bărbaţi [15, p.7]. Din acest motiv, la sfârşitul anilor '70 se lansează două noi concepte, complementare – **discriminare pozitivă** şi **acţiune afirmativă (măsuri pozitive)**.

Discriminarea pozitivă desemnează ansamblul măsurilor ce vizează sporirea avantajelor pe care membrii unui grup minoritar, care a fost victima unei discriminări, le au de pe urma unei anumite politici sociale, instituind sau nu un tratament preferenţial. Discriminarea pozitivă a pornit din Statele Unite şi era un tratament preferenţial aplicat unor minorităţi rasiale sau sexuale. În Statele Unite, beneficiarii evidenţi sânt indienii, primii locuitori ai continentului, şi oamenii de culoare. În trecut, aceştia au suferit sistematic de discriminare, în învăţământ sau atunci când trebuiau să-şi găsească un loc de muncă. Prima lege de acest tip a fost introdusă în 1961, în Statele Unite de către preşedintele Kennedy. În 1968, legea a fost extinsă pentru a acoperi şi femeile. Cu toate acestea, sistemul nu e lipsit de ambiguităţi, întrucât legislaţia Statelor Unite interzice aplicarea unor cote precise. În Europa, discriminarea pozitivă este aplicată în special femeilor. În multe ţări, precum în ţările scandinave, femeile beneficiază de un tratament preferenţial atunci când candidează pentru un post în instituţiile statului, inclusiv în poliţie, armată şi învăţământ.

În ultimii ani, problema diminuării discriminării a devenit extrem de importantă pentru asigurarea unui climat propice pentru dezvoltarea multiculturalismului. Grupurile minoritare au obţinut eliminarea oricărei forme de discriminare le-

gală sau formală. Însă decizia de a scoate în afara legii discriminarea lor nu a însemnat şi schimbarea stării de fapt în societate. Unele grupuri minoritare au continuat totuşi să rămână la periferia societăţii, de unde cu greu puteau trece de barierele culturale, educaţionale sau de mentalitate ale grupurilor majoritare. În aceste condiţii, s-a pus problema iniţierii unor măsuri active de susţinere şi de încurajare a acestor grupuri, cu scopul de le oferi şanse egale cu majoritatea populaţiei. Aceste măsuri sunt văzute în special ca o depăşire a efectelor discriminării din trecut, fapt ce trebuie sa aibă efecte mai vizibile decât simpla pedepsire a discriminării. Principiul se numeşte acţiune afirmativă.

Acţiunea afirmativă este o politică socială ce presupune un set de măsuri speciale, cum ar fi finanţarea unor instituţii educative sau a unor locuri în administraţie, până la introducerea de cote în ocuparea funcţiilor în stat sau a locurilor în şcoli, toate acestea în favoarea unor grupuri sociale dezavantajate. Totodată, acţiunea afirmativă poate presupune o gamă largă de activităţi pe care instituţiile publice şi private le demarează voluntar, şi care au scopul de a creşte diversitatea, echitatea şi oportunităţile. Se urmăreşte astfel crearea unei societăţi care să respecte diversitatea şi diferenţele dintre oameni. Pe scurt, principiul acţiunii afirmative duce, în planul politicilor publice, la o discriminare pozitivă a grupurilor dezavantajate, cu scopul de a le integra în societate, prin ieşirea din imaginarul discriminant, şi pentru a realiza o egalitate concretă a şanselor.

Directivele europene privind nediscriminarea interzic tratamentul diferenţiat bazat pe anumite „criterii protejate”, care cuprind o listă fixă şi limitată de **criterii protejate**, printre care şi **sexul**: *Directiva de aplicare a principiului egalităţii de tratament între femei şi bărbaţi privind accesul la bunuri şi servicii şi furnizarea de bunuri şi servicii* şi *Directiva privind punerea în aplicare a principiului egalităţii de şanse şi al egalităţii de tratament între bărbaţi şi femei în materie de încadrare în muncă şi de muncă (reformată)*. Este de la sine înţeles în ce constă **discriminarea pe criterii de sex**, ea referindu-se la discriminarea care se bazează pe faptul că o persoană este femeie sau bărbat. Acesta reprezintă aspectul cel mai dezvoltat al politicii sociale a UE şi este considerat de multă vreme un drept fundamental. Elaborarea protecţiei în privinţa acestui criteriu a avut un dublu scop: mai întâi un scop economic, prin faptul că a contribuit la eliminarea denaturării concurenţei pe o piaţă care devenise tot mai integrată şi, în al doilea rând, la nivel politic ea a oferit Comunităţii o faţetă destinată progresului social şi îmbunătăţirii condiţiilor de viaţă şi de muncă. În consecinţă, protecţia faţă de discriminarea bazată pe sex a fost şi a rămas o funcţie fundamentală a Uniunii Europene. Documente legislative şi non-legislative asumate de Uniunea Europeană (*Decizia Consiliului European de la Madrid din 1995 cu privire la monitorizarea anuală a implementării Platformei de Acţiune Beijing adoptate în cadrul celei de-a 4 Conferinţe ONU privind Femeile desfăşurată la Beijing în 1995, Pactul european pentru egalitatea de gen adoptat de Consiliul European în 2006 şi*

reînnoit în 2010, Carta drepturilor fundamentale a Uniunii Europene, Strategia UE 2020 pentru dezvoltare inteligentă, sustenabilă şi incluzivă, Strategia Europeană pentru egalitatea între femei şi bărbaţi 2010-2015, Pactul European pentru Egalitate de Gen 2011-2020, Concluziile Consiliului EPSCO şi comunicările Comisiei Europene invitând la promovarea şi consolidarea egalităţii dintre femei şi bărbaţi în diverse domenii sau Rapoartele anuale ale Comisiei Europene privind progresele înregistrate în domeniul egalităţii între femeii şi bărbaţi, etc.) consacră egalitatea de gen ca un principiu fundamental al Uniunii Europene, subliniind că o participare echilibrată pe criterii de gen la deciziile majore adoptate în domeniile politic şi social este vitală pentru dezvoltarea unei reale democraţii şi contribuie la creşterea economică. Prin Tratatul UE de la Amsterdam semnat pe 2 octombrie 1997 este consolidat principiul egalităţii între femei şi bărbaţi la locul de muncă. Este introdus conceptul de discriminare pozitivă, în baza căruia Statele Membre pot întreprinde acţiuni pentru favorizarea femeilor în vederea echilibrării situaţiei în domeniile de lucru.

Participarea echilibrată a femeilor şi bărbaţilor în procesul de luare a deciziilor în domeniul politic şi cel al vieţii publice reprezintă o parte componentă a drepturilor omului şi un element al echităţii sociale, la fel şi o condiţie necesară pentru funcţionarea mai eficientă a unei societăţi democratice. În condiţiile **democraţiei reprezentarea la putere şi în structurile administrative ţine nemijlocit de rezultatele procesului electoral.** Anume acest proces trebuie să constituie un punct de reper, pe de o parte, şi un moment demonstrativ, pe de altă parte, pentru tentativa de a arunca puţină lumină asupra unei verigi a lanţului explicativ al sub-reprezentării femeilor, în cazul dat, în sfera politico-administrativă. Analiza procesului de luare a deciziilor din perspectiva egalităţii de gen prevede examinarea problemei participativităţii şi reprezentativităţii. Deseori, presupusa „comunitate a intereselor“ între bărbaţi şi femei, a nevoilor şi opiniilor acestora este folosită pentru justificarea prezenţei majoritare a bărbaţilor în structurile decizionale la nivel naţional. Dar opiniile şi nevoile bărbaţilor şi femeilor nu coincid întotdeauna. Reprezentativitatea femeilor este extrem de importantă pentru ca interesele acestei jumătăţi a populaţiei să fie tratate adecvat.

În analizele care au fost efectuate la nivel european cu privire la participarea femeilor şi a bărbaţilor la procesul decizional, se scot în evidenţă mai multe cauze care pot justifica sub-reprezentarea femeilor în poziţii decizionale: întâi de toate, stereotipurile de gen şi discriminarea precum şi segregarea în educaţie şi pe piaţa muncii. Urmează apoi lipsa politicilor care să faciliteze accesul femeilor la poziţii decizionale, să evidenţieze şi promoveze echilibrul corect dintre viaţa profesională şi viaţa familială şi să "spargă" distribuţia inechitabilă a sarcinilor casnice şi familiale. La final, urmează mediul socio-cultural neprietenos, cultura corporatistă şi atitudinea media ce sunt încă nefavorabile femeilor.

De-a lungul timpului, „politicul” a fost şi spre regret, încă mai rămâne a fi, considerat tradiţional „regatul celor puternici” – prerogativa bărbaţilor, iar interesul manifestat de femei pentru acest domeniu, şi mai cu seamă, etalarea unor intenţii şi opţiuni, sunt oarecum sufocate prin educaţie, socializare de gen, stereotipuri şi prejudecăţi. Astfel pentru a asigura o adevărată egalitate, se impune adoptarea unor măsuri speciale, supranumite „acţiuni pozitive”, care au drept scop crearea condiţiilor echitabile de start pentru femei în vederea egalării oportunităţilor lor de dezvoltare. Legea Republicii Moldova cu privire la asigurarea egalităţii defineşte măsurile pozitive ca pe acţiuni speciale provizorii luate de autorităţile publice în favoarea unei persoane, unui grup de persoane sau a unei comunităţi, vizând asigurarea dezvoltării lor fireşti şi realizarea efectivă a egalităţii acestora în raport cu celelalte persoane, grupuri de persoane sau comunităţi.

Participarea femeilor în politică este compusă din mai multe acţiuni şi strategii. Ea include participarea la alegeri (votarea) şi educaţia pentru aceasta, participarea în calitate de candidate pentru alegerile locale şi parlamentare, acordarea suportului candidaţilor care propun platforme sensibile la dimensiunea de gen, campanii împotriva celor ale căror politici sânt „anti-femei” şi „anti-egalitate” pentru integrarea unor agende pentru drepturile femeii în platformele candidaţilor sau partidelor politice. Mărturiile femeilor politice prezintă reacţiile paternaliste ale colegilor lor bărbaţi, curtoazia lor condescendentă, maniera în care ele sunt apreciate mai curând ca nişte femei, decât ca nişte veritabili responsabili politici, la care se adaugă şi obstacolele pe care trebuie să le treacă în momentul candidaturii şi învestirii la alegeri. Aceasta se întâmplă, deoarece bărbaţii „ignoră” faptul că în timp ce experienţa femeilor variază în diferite ţări, regiuni şi sisteme politice în funcţie de clasă, rasă, vârstă sau etnie, responsabilitatea lor în politică creşte odată cu angajarea lor în această sferă [19, p.18], ceea ce permite articularea intereselor în procesul de luare a deciziilor şi implementarea ulterioară a politicilor elaborate.

Vorbind de Republica Moldova nu putem afirma că femeile sunt absolut excluse din structurile decizionale. Atât în ţara noastră, cât şi în alte state, se observă următorul tablou: cu cât este mai înalt organul puterii, cu atât mai slab sunt reprezentate femeile, ele fiind lipsite de posibilitatea de a împărţi în mod egal puterea cu bărbaţii. Încă mai persistă, şi aceasta trebuie s-o recunoaştem în special, în perioada de după 1991, un mare obstacol: atitudinea absolut negativă a unor bărbaţi faţă de femeia în politică, femeia – lider; desemnarea de către ei „a unor categorizări stricte unde femeia ar putea executa funcţii decizionale [12, p.49]. Aceste restricţii sunt, de obicei, îmbrăcate în hainele frumoase ale democraţiei. Constituţia şi Codul Electoral garantează drepturi egale pentru femei şi bărbaţi [3, p.4]. Potrivit art.3 din Codul Electoral „cetăţenii Republicii Moldova pot alege şi pot fi aleşi fără deosebire de rasă, naţionalitate, origine etnică, limbă, religie, **sex,** opinie, apartenenţă politică, avere sau origine socială”. *Legea privind*

partidele şi alte organizaţii socio-politice menţionează că partidele şi organizaţiile socio-politice trebuie să promoveze principiul egalităţii între femei şi bărbaţi în organele decizionale la toate nivelurile [6].

Cu toate acestea, nu există demersuri active sau o proporţie stabilită în reprezentarea femeilor. În pofida eforturilor autorităţilor publice, partenerilor de dezvoltare şi a organizaţiilor societăţii civile, progreselor de aproape un deceniu de la adoptarea legii cu privire la asigurarea egalităţii de şanse între femei şi bărbaţi, marele probleme structurale ce afectează disproporţional femeile şi bărbaţii încă mai persistă: (I) nivelul de reprezentare al femeilor în forurile decizionale a rămas practic neschimbat; (II) femeile au continuat să fie discriminate pe piaţa muncii şi suprareprezentate în cele mai prost plătite sectoare ale economiei; (III) femeile continuă să îngrijească disproporţional de mult de copii, cu implicarea minimă a taţilor, aceste realităţi fiind determinate de politici publice şi societate; (IV) numărul victimelor violenţei domestice continuă să crească.

Deşi unii pot considera că ei nu sunt oarecum atinşi de influenţa partidelor politice, totuşi acestea (partidele politice) sunt cruciale pentru schimbarea echilibrului între sexe. Faptul că partidele politice au un cuvânt greu de spus în ceea ce priveşte echilibrul dintre sexe, poate fi observat în ţările care au utilizat legile referitoare la cotele electorale pentru a determina schimbarea obligatorie în reprezentarea partidelor alese. Am putea să afirmăm că realitatea nivelului de discriminare pe baza apartenenţei sexuale dintr-o ţară, poate fi observată la nivelul clasei politice ale respectivei ţări. Cu cât numărul femeilor şi al locurilor destinate sau accesibile lor este mai restrâns în viaţa politică, cu atât există şansa ca această proporţionalitate scăzută să se regăsească în majoritatea numărului de poziţii de conducere.

Aşadar, pentru a reliefa specificul promovării femeilor la posturile de decizie în cadrul procesului electoral după aproape 24 de ani de independenţă şi democraţie a Republicii Moldova, este necesar de a analiza comparativ manifestarea acestui fenomen la alegerile parlamentare. Aşadar, la scrutinul parlamentar din 1998 au pretins 1374 de candidaţi, inclusiv 209 femei (15,35%). În 2001, femeile au reprezentat 18,1% dintre candidaţi, însă au fost adeseori plasate pe poziţii inferioare pe listele de partid. Pe de altă parte, conform înregistrării partidelor din 1998, e necesar să constatăm faptul că a crescut considerabil ponderea femeilor în partidele politice (în unele până la 45%) [9, p.35]. Pe listele electorale de asemenea s-a majorat numărul femeilor, dar în primii zece candidaţi erau doar una sau cel mult, trei [11, p.158]. Deşi partidele nu aveau o strategie de asigurare a echităţii genurilor, în ultimii ani, în special în toiul alegerilor parlamentare din 2005, mai multe partide au întreprins paşi concreţi în ceea ce priveşte prezenţa femeilor în actul politic. La alegerile parlamentare din 2005, femeile au reprezentat 28,4% din candidaţii înscrişi pe listele partidelor şi blocurilor electorale [2, p.144]. Doar un singur partid, Partidul Popular Creştin Democrat, a asigurat o

participare egală în alegerile parlamentare pentru candidaţii de genul feminin şi masculin. Ponderea femeilor a fost de asemenea ridicată pe listele de candidaţi depuse de Partidul Republican din Moldova (53%) şi Uniunea Muncii "Patria–Rodina" (40%). În afară de Partidul Ţărănesc Creştin Democrat şi Uniunea Centristă din Moldova, nici un partid nu a nominalizat mai puţin de 20% femei [7, p.10]. Iată de ce, în 2005 alegerile au avut un rezultat pozitiv: femeile au obţinut 21 de mandate în Parlament din cele 101, reprezentând astfel 20,7% din numărul total de mandate. Pornind de la faptul că dimensiunile care îi dau putere unui grup, ca să aibă un cuvânt de spus în deciziile care se iau la nivelul întregului, ar trebui să reprezinte nu mai puţin de 30%, constatăm că acest procentaj (20,7%) este încă insuficient.

Astfel, observăm că, alegerile parlamentare din 2005 au demonstrat că **problemele de gen încep să devină o prioritate** pentru partidele politice, deşi programele electorale ale majorităţii concurenţilor implicaţi în scrutinul respectiv nu au inclus prevederi sub aspectul egalităţii de gen, excepţie făcând Blocul Electoral „Moldova Democrată" în programul căruia găsim următoarele: „*Va garanta şanse egale pentru încadrarea în câmpul muncii, salarizare şi promovarea în funcţii de conducere a femeilor. Va organiza cursuri gratuite de calificare, de la bugetul asigurărilor pentru şomaj, pentru femeile angajate, care revin din concediul de îngrijire a copilului*" [8]. Astfel, la 9 februarie 2006 Parlamentul Republicii Moldova a adoptat *Legea nr.5 cu privire la asigurarea egalităţii de şanse între femei şi bărbaţi*, lege care a intrat în vigoare la 24 martie 2006 o dată cu publicarea ei în Monitorul Oficial Nr.47-50. Conform art.7, alin.2 al *Legii cu privire la asigurarea egalităţii de şanse între femei şi bărbaţi*„ partidele şi alte organizaţii social-politice sunt obligate să contribuie la realizarea egalităţii de drepturi şi de şanse între membrii săi femei şi bărbaţi prin „asigurarea reprezentării în organele lor de conducere a componenţei de femei şi bărbaţi şi a reprezentării în listele de candidaţi a femeilor şi bărbaţilor fără discriminare după criteriul de sex" [5]. Orice lege de acest tip prezintă riscul de a rămâne o simplă declaraţie de bune intenţii dacă nu conţine măsuri concrete şi verificabile, dar şi sancţiunile aferente pentru cei care o încalcă. În caz contrar este formă fără fond, hârtie. Acest lucru este confirmat prin faptul că prezenta lege nu conţinea prevederi specifice cu privire la cota de reprezentare (deşi proiectul iniţial prevedea asemenea măsuri). Scrutinele electorale, care au urmat au demonstrat că sporirea participării şi reprezentării femeilor fără introducerea cotei este imposibilă.

Astfel**,** la scrutinul parlamentar din 5 aprilie 2009 doar câteva partide politice au respectat integral sau parţial prevederile legislative naţionale şi angajamentele internaţionale în ceea ce priveşte egalitatea genurilor. Două partide, Partidul Social Democrat din Moldova şi Partidul Liberal Democrat din Moldova, au stipulat în Statutele lor cota de reprezentare de cel puţin 30% pentru femei şi băr-

baţi. Acest angajament, *„partidul pledează pentru oportunităţi egale pentru ambele genuri, promovând în proporţie de* ***cel puţin 30 la sută*** *reprezentarea în organele de conducere a componenţei de femei şi bărbaţi precum şi în listele de candidaţi pentru funcţii elective”*, nu a fost respectat de către PLDM, dat fiind faptul că din numărul total de 103 de candidaţi pe listă, doar 18 erau femei, ceea ce reprezintă doar 17,47%. În ceea ce priveşte PSDM, care are o reprezentare a femeilor pe lista de candidaţi în proporţie de 21,35%, nu putem vorbi despre nerespectarea acestei cote, deoarece prevederea conţinea sintagma „de regulă”: *„În componenţa Consiliilor de toate nivelele şi în listele eligibile se asigură,* ***de regulă****, reprezentarea ambelor genuri proporţional cu ponderea acestora în partid, dar* ***nu mai puţin de 1/3****”* [14] (sperăm să nu însemne „niciodată”). Astfel, putem constata că în Statutele sau în Programele partidelor politice dimensiunea de gen este reflectată diferit prin angajamente de recunoaştere şi susţinere a rolului femeii în familie şi societate şi stabilirea principiilor de constituire a organizaţiilor de femei în cadrul partidelor sau, în cazul PPCD care are un angajament în Programul Politic, care specifică în mod explicit despre *„asigurarea practică a dreptului femeii şi la alte activităţi decât cele casnice, pentru neadmiterea discriminării (...) inclusiv în politică şi pentru promovarea ei în funcţii de conducere*” [10].

Din cele 15 partide politice, înscrise pentru cursa electorală aprilie 2009, doar 8 aveau în liste mai mult de 30% femei. Astfel, cel mai înalt grad de reprezentare a femeilor pe lista electorală se atestă la Partidul Ecologist ”Alianţa Verde” din Moldova (PE”AV”M) – 45 de femei (46,39%) din 97 de persoane. Pe locul al doilea se înscrie Partidul Dezvoltării Spirituale ”Moldova Unită” (PDS”MU”) cu 41 de femei (41,4%) din 99 de persoane, Partidul pentru ”Neam şi Ţară” (P”NŢ”) (37,7%), Partidul Republican din Moldova (PRM) (36,06%), Partidul Popular Creştin Democrat (PPCD) (34,95%), Partidul Conservator (PC) (34,65%), Uniunea Muncii ”Patria Rodina” (UM”PR”) (30,18%) şi Partidul Comuniştilor din Republica Moldova (PCRM) (30,09%). Nici unul din partidele sus-menţionate nu aveau angajamente statutare cu privire la cota de reprezentare a femeilor şi bărbaţilor pe liste. În ceea ce priveşte Partidul Democrat din Moldova, care, deşi se angajase în statutul său să creeze *„mecanisme de asigurare a* ***parităţii de gen*** *în structurile de luare a deciziei de toate nivelurile”* [13, p.14], la aceste alegeri a avut o rată de reprezentare de doar 29,1%. La rândul său, PPCD, care în 2005 a aplicat la întocmirea listei de candidaţi *principiul „zebra”* de reprezentare, fapt ce merită apreciere, la alegerile parlamentare din 5 aprilie 2009, cu părere de rău, nu a mai făcut acest lucru. În acelaşi timp, dintre partidele parlamentare, PPCD avea cea mai mare rată de reprezentare a femeilor pe listă, iar în programul său se menţiona că PPCD respectă *„dreptul femeilor de a se implica la egalitate cu bărbaţii în viaţa politică, socială, profesională, ştiinţifică, artistică şi culturală fără nici un fel de discriminare*”.

În cursa electorală din iulie 2009, s-au înscris doar 10 concurenţi electorali, dintre care doi s-au retras din competiţie. Din cele 8 partide politice rămase, doar 4 aveau în liste mai mult de 30% femei. Astfel, cel mai înalt grad de reprezentare a femeilor pe lista electorală se atestă din la PE”AV”M – 24 de femei (36,92%) din 65 de persoane, urmat de PDM cu 36 de femei (34,95%) din 103 de persoane, PCRM cu 34 de femei (33%) din 103 de persoane şi PPCD cu 33 de femei (32,03%) din 103 de persoane. Mai puţin de 30% femei regăsim în listele electorale ale PL (28,43%), AMN (27,18%), PSD (24,48%) şi PLDM (18,62%).

La alegerile parlamentare din 2010 din cele 20 partide politice, înscrise pentru cursa electorală, doar 9 aveau în liste mai mult de 30% femei. Astfel, cel mai înalt grad de reprezentare a femeilor pe lista electorală se atestă la Partidul Muncii (PM) – 25 de femei (45,45%) din 55 de persoane, Partidul Conservator (PC) – 29 de femei (43,93%) din 66 de persoane, Mişcarea „Ravnopravie” (MR) – 30 de femei (37,97%) din 79 de persoane, AMN – 38 de femei (36,89%) din 103 de persoane, Partidul Naţional Liberal (PNL) – 37 de femei (36,63%) din 101 persoane, PDM – 35 de femei (34,31%) din 102 persoane, Partidul „Patrioţii Moldovei” (PPM) 33 de femei (32,35%) din 102 persoane Partidul Republican din Moldova (PRM) – 32 de femei (31,68%) din 101 de persoane şi PE”AV”M – 32 de femei (31,06%) din 103 de persoane. Mai puţin de 30% femei regăsim în listele electorale ale următoarelor partide politice: PSD (28,71%), Mişcarea „Acţiunea Europeană” (MAE) (26,21%), PL (25,24%), PLDM (25,24%), PCRM (23,3%), Partidul „Pentru Neam şi Ţară” (PpNŢ) (22,33%), Partidul „Moldova Unită” (PMUEM) (21,78%), Partidul Umanist din Moldova (PUM) (20,59%), Partidul Popular Republican (PPR) (20,21%), PPCD (18,63%) şi Mişcarea Romilor din Republica Moldova (MRRM) (16,5%).

La alegerile parlamentare din 2014 din cele 19 partide politice şi un bloc electoral, înscrise pentru cursa electorală, doar 10 concurenţi electorali aveau în liste mai mult de 30% femei. Astfel, cel mai înalt grad de reprezentare a femeilor pe lista electorală se atestă la Partidul „Democraţia Acasă” (PDA) - 43 de femei (48,86%) din 88 de persoane, PpNŢ - 22 de femei (41,51%) din 53 de persoane, Partidul Renaştere - 41 de femei (40,2%) din 102 de persoane, Partidul Verde Ecologist (PVE) - 32 de femei (40%) din 80 de persoane, PLDM - 37 de femei (36,63%) din 101 de persoane, PDM - 35 de femei (35,71%) din 98 de persoane, Partidul Liberal Reformator (PLR) - 35 de femei (41,51%) din 100 de persoane, PL - 34 de femei (33,01%) din 103 de persoane, Partidul „Acţiunea Democrată” (PAD) - 27 de femei (31,4%) din 86 de persoane şi Partidul Popular din Republica Moldova (PPRM) - 32 de femei (31,07%) din 103 de persoane. Plus la aceasta Partidul „Democraţia Acasă” (48,86%) şi Partidul Verde Ecologist (40%) au aplicat la întocmirea listei de candidaţi *principiul „zebra”* de reprezentare, fapt ce merită apreciere. Mai puţin de 30% femei regăsim în listele electorale ale următoarelor partide politice: Mişcarea Populară Antimafie (29,41%), PNL (28,15%),

PCRM (27,18%), PPCD (25,88%), Partidul Forţa Poporului (25,24%), Partidul „Patrioţii Moldovei" (PPM) (21,57%), Partidul Socialiştilor din Republica Moldova (PSRM) (21,36%), Partidul Comunist Reformator (21,31%), Blocul electoral „Alegerea Moldovei – Uniunea Vamală" (BeAMUV) (20%) şi Uniunea Centristă din Moldova (UCM) (16,98%).

În 2005, doar o singură femeie – lidera Partidului Republican – a fost plasată prima pe lista candidaţilor la funcţia de deputat în Parlamentul Republicii Moldova. De menţionat că la dezbaterile TV şi radio, partidul respectiv a fost reprezentat permanent de un bărbat şi nu de persoana care era prima pe listă. În ceea ce priveşte alegerile parlamentare din 2009, atestăm deja două femei – lidera Partidului Conservator (Natalia Nirca) şi lidera Partidului Dezvoltării Spirituale "Moldova Unită" (Ana Tcaci) – care au fost plasate primele pe listele de candidaţi. La alegerile parlamentare din 2010 atestăm din nou două femei în capul listelor electorale în calitate de lider de partid: Natalia Nirca – Partidul Conservator şi Vitalia Pavlicenco – Partidul Naţional Liberal. Aceeaşi situaţie găsim şi la scrutinul parlamentar din 2014, când din nou două femei sunt plasate pe prima poziţie din listele electorale: Vitalia Pavlicenco – în calitate de preşedinte a PNL şi Zinaida Greceanâi ca candidat numărul unu la funcţia de deputat în viitorul legislativ din partea PSRM.

În ceea ce priveşte reprezentativitatea femeilor printre concurenţii electorali independenţi atestăm următorul tablou: comparativ cu cursa electorală din 2001, când din 10 candidaţi independenţi, a fost doar o singură femeie (10%) şi din 2005, când din 12 candidaţi independenţi, doar 2 erau femei (16,6%), în 2009 acest procentaj creşte de două ori în raport cu numărul total de candidaţi independenţi (care scade de două ori), constituind 33,3% (2 femei (Valentina Cuşnir şi Tatiana Ţîmbalist) din 6 candidaţi independenţi). La alegerile parlamentare din 28 noiembrie 2010 acest procentaj scade constituind 25% din numărul total de candidaţi independenţi (din 20 candidaţi independenţi, 5 erau femei: Maia Laguta, Tatiana Ţîmbalist, Elena Burghilă-Leonte, Valentina Cuşnir, Natalia Axenova), pentru ca la alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014 să devină 0% (nici o femeie printre cei 4 candidaţi independenţi) [20].

În condiţiile în care pragul electoral pentru partide politice a variat de la un scrutin parlamentar la altul (aprilie 2009 - 6%, iulie 2009 - 5%, noiembrie 2010 - 4% şi noiembrie 2014 - din nou 6%), în medie de 5%, cel puţin primii cinci candidaţi de pe listă puteau obţine un loc sigur în Parlament. Analizând listele electorale ale partidelor politice care au trecut pragul electoral în urma ultimilor patru scrutine parlamentare, constatăm următorul tablou:

- La **alegerile parlamentare din 5 aprilie 2009** observăm că AMN era unicul partid care nu a inclus nici o femeie-candidat la funcţia de deputat în primele cinci locuri de pe listă, iar PL, PLDM şi PCRM – au inclus doar câte o femeie.

- La **alegerile parlamentare anticipate din 29 iulie 2009** situaţia rămâne aceeaşi: PCRM, PLDM şi PL incluzând câte o femeie în primele cinci locuri de pe listă, iar AMN nici una. Pragul electoral la acest scrutin a fost trecut şi de PDM care îşi modificase esenţial componenţa listei electorale în condiţiile introducerii unor candidaţi electorali noi şi în urma migraţiei candidatului electoral Marian Lupu din PCRM în PDM. Astfel dacă în primele cinci poziţii din lista electorală a PDM la scrutinul din aprilie se regăsea Valentina Buliga, la cel din iulie aceasta coboară pe locul 12.

- La **alegerile parlamentare anticipate din 28 noiembrie 2010** PCRM a inclus în primele cinci locuri din lista electorală 2 femei, PLDM şi PL 1 femeie, iar PDM din nou nici una.

- La **alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014** se atestă o creştere a numărului de femei plasate în primele cinci poziţii a listelor electorale ale PCRM şi PLDM câte 3 femei. La PL şi PDM situaţia rămâne din nou stabilă – o femeie şi, respectiv 0 femei. Partidul Socialiştilor din Republica Moldova (PSRM) care la fel a trecut pragul electoral a inclus la fel ca PL o singură femeie în primele cinci locuri din lista electorală.

Astfel procentajul femeilor pe listele electorale a înregistrat o creştere continuă, cu un progres semnificativ de la scrutinul din 1998 (15,7% femei) către cel din 2005 (29% femei), şi cel din 2014 (30% femei), când procentajul femeilor pe liste practic s-a dublat. Creşterea numărului de femei candidate în listele electorale, a dus, evident, şi la o sporire a numărului de femei deputaţi. Dacă în anul 1994, din cei 101 deputaţi – 5 erau femei (4,95%), numărul acestora a crescut la 9 femei-deputat (8,91%) în 1998, 16 femei-deputat (15,84%) în 2001, 21 femei-deputat (20,79%) în 2005 şi 24 femei-deputat (23,76%) în aprilie 2009, 25 femei-deputat (24,75%) în iulie 2009. În urma alegerilor parlamentare anticipate din 2010 numărul femeilor-deputat a scăzut de la 25 la 19 femei-deputat (18,81%), pentru ca în 2014 să crească din nou la 21 femei deputat, adică 20,79%. Sub aspect comparativ în România doar 14% dintre parlamentari sunt femei. Totuşi s-a înregistrat un uşor progres al prezenţei femeilor în Parlament comparativ cu legislativul anterior, în care ponderea femeilor era de doar 9,65%.

Deşi procentajul femeilor pe listele electorale a înregistrat o creştere continuă, aceasta nu se datorează totuşi unor politici consecvente, fie naţionale sau de partid, care ar asigura o creştere stabilă şi garanţii pentru realizarea egalităţii de gen. În practica internaţională există, însă, o gamă largă de măsuri speciale pozitive pentru promovarea diferitor grupuri vulnerabile. După obligativitatea lor, există trei tipuri de măsuri:

– *măsurile obligatorii* stabilite prin lege;

– *măsurile recomandate* stabilite prin lege, încurajate prin careva facilităţi din partea statului;

– *măsurile benevole*, adoptate de instituţii şi organizaţii individuale sau uniuni ale acestor instituţii sau organizaţii.

După mecanismul de funcţionare, cele mai simple şi cunoscute tipuri de măsuri speciale sunt **cotele**, adică locurile rezervate reprezentanţilor unui grup vulnerabil concret, în cazul nostru femeilor. Experienţele statelor dezvoltate ne arată că procentul femeilor angajate în forurile decizionale ale instituţiilor politice şi publice nu va creşte fără ajutorul unor măsuri specifice, precum **cotele de reprezentare**, însoţite de campanii de promovare a participării active a femeilor la bunul mers al societăţii. Cotele pot fi exprimate în *valori absolute* – de exemplu, un număr minim X de reprezentanţi ai grupului vulnerabil vizat – sau în *valori procentuale* – procentajul minim al reprezentanţilor grupului vulnerabil vizat.

Cotele minimale de gen, sub diversele lor forme, sunt practici deja legiferate în state europene ca **Belgia, Franţa, Spania, Norvegia, Finlanda sau Slovenia**, iar **cote stabilite în statutul partidelor politice** găsim în state precum **Germania, Suedia, Polonia sau Marea Britanie.** În acest sens devine importantă analiza experienţei implementării sistemului de cote în ţările Uniunii Europene, precum şi ţările membre ale OSCE. Analiza experienţelor de introducere a sistemelor de cote arată că statele membre ale OSCE au introdus cote procentuale de 30% (Armenia (15%), Italia (25%), Albania, Kirgistan, Serbia, Uzbekistan şi Macedonia (30%)), în timp ce majoritatea statelor UE care au introdus cote au optat pentru un procent mai mare de 30% (Portugalia (33%), Polonia şi Slovenia (35%), Spania (40%), Belgia, Franţa şi Grecia (50%).

Astfel, experienţa altor state de introducere şi implementare a sistemului de cote arată că există anumite precondiţii care ar determina succesul cotelor în sporirea numărului de femei în poziţiile decizionale. În pofida faptului că reprezentarea femeilor în organele elective a crescut, rata de prezenţă a femeilor în Parlamentul Moldovei este mai mică decât media statelor membre ale Uniunii Europene, statelor membre OSCE şi media globală. În ceea ce priveşte Republica Moldova trebuie de remarcat că în septembrie 2010, un grup de deputaţi au elaborat un proiect de lege care prevede modificarea Codului Electoral prin introducerea unei cote obligatorii de minim 30% pentru reprezentanţii celor două categorii de sex în listele de candidaţi pentru fiecare tip de alegeri. În cadrul şedinţei din 19 ianuarie 2011, Guvernul a aprobat pozitiv avizul privind proiectul de lege. Avizul Guvernului specifica, printre altele, că aprobarea acestui proiect de lege rămânea la discreţia Parlamentului. Cu toate că reprezentanţii societăţii civile reunite în cadrul Consiliul Naţional pentru Participare, Consiliul Naţional al ONG-urilor din Moldova, Coaliţia Civică pentru Alegeri Libere şi Corecte şi Alianţa ProGen au solicitat conducerii Parlamentului organizarea dezbaterilor pe marginea proiectului de decizie, solicitarea a fost ignorată de către comisia de specialitate a Parlamentului. În martie 2014 iniţiativa de a aproba prin lege **cota de 40%** a femeilor cu funcţii de stat a fost aprobată de majoritatea membrilor comisiei

guvernamentale pentru problemele egalităţii de gen. Chestiunea respectivă a fost examinată la comisie sub preşedinţia vicepremierului Tatiana Potîng. S-a propus ca să fie introduse modificările de rigoare la Legea nr.5 din 09.02.2006 cu privire la asigurarea posibilităţilor egale pentru bărbaţi şi femei, dar până astăzi acestea nu au fost votate în lectură finală.

Un alt indicator ce îşi impune importanţa în stabilirea cotelor legislative reprezintă **stipularea modului de poziţionare a femeilor pe liste**. Experienţa altor state arată că majoritatea ţărilor care au introdus un sistem de cotă prevăd multiple opţiuni de plasament. Doar Grecia, Uzbekistan, Slovenia, Albania şi Franţa, nu au stipulat încă în Legislaţie modul de repartizare a cotei de reprezentare în baza de gen. Astfel, Armenia, Macedonia, Serbia au pledat pentru plasarea candidaţilor la fiecare a 4-a sau a 10-a poziţie din listă, sau numărul de poziţii care pot separa candidaţii de sex opus (Kîrgîzstan - nu mai mult de 3 poziţii pot separa bărbaţii si femeile). Italia a stipulat explicit faptul că femeile si bărbaţii candidaţi vor apărea alternativ în cadrul listei partidului la fiecare scrutin. În Armenia prevederile cotei stipulează că cel puţin fiecare a 10-a poziţie din listă trebuie să fie a candidatul din grupul de sex minoritar. În Serbia s-a optat pentru introducerea alternanţei locurilor de reprezentare la fiecare al 4-lea candidat de pe listă. Macedonia a prevăzut ca cel puţin un candidat la 3 locuri din listele candidaţilor trebuie să fie din altă categorie de sex.

Cel mai recent exemplu de adoptare a cotei este în **Polonia**, care a specificat că cel puţin o femeie trebuie să figureze în primii 3 candidaţi din orice listă. În **Portugalia**, în circumscripţiile electorale listele nu pot avea mai mult decît 2 candidaţi consecutivi de acelaşi sex. În cazul **Belgiei** s-a optat doar pentru următoarea precizare: cele 2 poziţii de top ale candidaţilor din lista candidaţilor nu pot fi deţinute de candidaţi de acelaşi sex. În **Bosnia şi Herţegovina** Codul Electoral prevede că în primele două poziţii din lista de candidaţi trebuie să figureze un candidat din categoria de sex care este subreprezentată. Printre primele cinci poziţii de pe lista electorală cel puţin două locuri trebuie să fie deţinute de persoane de sex diferit, iar în primele opt locuri de pe lista electorală cel puţin 3 candidaţi trebuie să fie de alt sex. În Spania cotele sunt aplicabile nu doar pentru întreaga lista a partidului, ci pentru fiecare 5 poziţii din listă. Proiectul de introducere a sistemului de cote din Moldova nu prevede asemenea specificări.

Analiza experienţei din scrutinele ultimilor 10 ani arată că prezenţa femeilor pe locurile eligibile este foarte redusă. Fără introducerea prevederilor cu privire la poziţionare în listele electorale, utilitatea introducerii cotelor va fi una foarte mică. Dacă în cadrul Alegerilor Parlamentare din 2014 s-ar fi aplicat o cota similară cu a Italiei de 25% şi/sau aceiaşi o poziţionare a femeilor în cadrul listei ca în Portugalia, adică (nu mai mult decît 2 candidaţi consecutivi de acelaşi sex) atunci am avea 33 de femei în Parlament (32,7 %) şi nu 21 cum sunt de fapt, adi-

că aproape cu 12% mai mult. Astfel spus poziţionarea pe listă contează la fel de mult ca şi cota procentuală.

Un alt tip de măsuri pozitive sunt **stimulentele financiare,** care se pot manifesta în formă de alocaţiuni financiare suplimentare pentru cei care promovează grupul vulnerabil vizat, în formă de credite sau împrumuturi în condiţii avantajoase sau alte forme de avantaje financiare. De exemplu, proiectul de lege privind finanţarea publică a partidelor politice în Republica Moldova prevede un mecanism de alocaţiuni bugetare suplimentare pentru partidele politice, care promovează femeile pe listele de candidaţi la alegerile parlamentare şi locale. În alte state, femeile care candidează la alegeri, pot obţine împrumuturi în condiţii avantajoase (în comparaţie cu candidaţii bărbaţi) pentru campania electorală. În cadrul procesului electoral, ca formă de măsură pozitivă, în câteva ţări femeile sunt scutite de obligaţia depunerii unui gaj electoral (suma de bani care garantează seriozitatea intenţiilor candidatului), sau suma acestuia pentru femei este mult mai redusă.

Încă un tip de măsuri pozitive sunt **stimulentele nefinanciare**, care iau forma unui acces facilitat sau preferenţial, scutirii de unele obligaţiuni. De exemplu, în unele ţări în cadrul campaniilor electorale femeile şi reprezentanţii grupurilor vulnerabile, care candidează la alegeri, pot obţine un timp de antenă în volum sporit, în comparaţie cu ceilalţi candidaţi.

O altă modalitate de prezentare a măsurilor pozitive sunt **sancţiunile** pentru nerespectarea proporţionalităţii în implicarea grupurilor vulnerabile. În Franţa, de exemplu, partidele politice care nu promovează femeile în mod paritar sunt lipsite de o bună parte de finanţare de stat. Majoritatea statelor, care au adoptat un sistem de cote, au introdus şi **prevederi ce specifică sancţiuni pentru încălcarea prevederilor referitor la cote.** Sancţiunile introduse de aceste ţări pot fi împărţite în două categorii:

- *sancţiuni de ordin financiar*: Spre exemplu, în Albania partidul care nu respectă Legea va primi cu 10% mai puţin din contribuţia de la stat pentru Campania electorală; în Croaţia partidele care au mai multe femei alese în Parlament vor primi cu 10% mai multe fonduri, iar în Franţa dacă diferenţa dintre numărul de bărbaţi şi femei este mai mare decât 2%, partidului sau grupului i se va micşora subsidiile cu 75%.

- *sancţiuni privind participarea în cursa electorală:* spre exemplu, în Armenia, dacă partidele nu respectă compoziţia de gen a listelor electorale, ele nu sunt înregistrate în calitate de concurenţi electorali. De asemenea, în Belgia, Macedonia, Serbia, Slovenia şi Spania, listele care nu vor întruni cerinţele de cotă vor fi respinse de către Comisia Electorală. În Spania însă, partidelor le este oferită o perioadă scurtă de timp pentru modificarea listei.

În contextul electoral din Moldova, sancţiunile trebuie aplicate de către Comisia Electorală Centrală în cazul alegerilor parlamentare şi de către Consiliile

Locale de Circumscripţie în cazul alegerilor locale - prin refuzarea de a înregistra lista de candidaţi. Codul Electoral trebuie modificat pentru a permite concurenţilor electorali să modifice lista pentru a se putea conforma prevederilor cotei. Totodată, acei concurenţi care modifică lista de candidaţi după ce au fost înregistraţi trebuie să se conformeze prevederilor cotei pe tot parcursul campaniei electorale.

Astfel în virtutea aplicabilităţii măsurilor pozitive în statele europene în vederea garantării reprezentării politice de gen, conform Raportului Global al Echilibrului de Gen 2014 pe primele poziţii în ceea ce priveşte egalitatea de gen se regăsesc aşa ţări europene ca: Islanda, Finlanda, Norvegia, Suedia, Danemarca, Irlanda, Olanda şi Germania. Dintre acestea Suedia (57%) şi Finlanda (50%) ocupă locul 1 şi 2 ca prezenţă a femeilor în fotolii de ministru, urmate de Franţa (49%), Norvegia (47%), Olanda (47%) Danemarca (45%), Elveţia (43%), Belgia (42%), Bulgaria (41%), Islanda (38%) şi Germania (33%). Nu în zadar Danemarca, Norvegia, Suedia, Finlanda si Islanda au fost primele state care au acordat pe continentul european drepturi politice femeilor, Prima femeie parlamentar a fost aleasă în Finlanda în 1907, la un an după ce Finlanda a fost primul stat european care a permis votul pentru femei.

Astfel, conform Raportului Global al Echilibrului de Gen 2014, din 142 de ţări analizate, Republica Moldova ocupă locul 59 în ceea ce priveşte egalitatea de gen în viaţa politică, poziţionându-se pe locul 36 ca prezenţă a femeilor în fotolii de ministru (28%) şi pe locul 81 în privinţa numărului de femei prezente în Parlament (19%) [17]. Procentul cel mai mare de femei în Parlament este deţinut de Rwanda (64%), Cuba (49%) şi Suedia (45%). Rwanda este lider mondial la acest capitol fiind o ţară care implementează sistemul cotelor atât la nivel constituţional, cât şi prin legea electorală. Reprezentarea femeilor în Rwanda este asigurată prin structurile electorale (garantarea unui număr de locuri în structurile guvernamentale) şi prin sistemul cotelor: cel puţin 30% din posturile existente în toate organele de decizie sunt destinate femeilor.

În top 20 se mai regăsesc şi o serie de ţări din Africa şi America Latină (Africa de Sud (45%), Nicaragua (42%), Mozambic (39%), Argentina (37%), Tanzania (36%). Ţările din nordul Europei (Finlanda (43%), Islanda (40%), Norvegia (40%), Danemarca (39%), Olanda (39%)) se află printre primele poziţii (locurile 6-15), cu peste 38% femei în Parlament. Media europeană este 22% femei în Parlamentele naţionale, iar media mondială: 20,8% femei în Parlamentele naţionale. Cel mai slab poziţionate ţări membre din UE sunt România (14% femei în Parlament), Cipru (13% femei în Parlament) şi Ungaria (10% femei în Parlament), aflate pe locul 101, locul 106, și, respectiv, locul 119. În mediu, reprezentarea femeilor în parlamentele statelor europene variază între 44,7% şi 8,7%.

Un argument în plus al impactului pozitiv al principiului discriminării pozitive asupra reprezentării politice de gen în spaţiul european este faptul că în Europa sunt cele mai multe state care au fost sau sunt conduse de femei. Iată femei-

le care au deschis drumul european al preşedinţiilor cu tocuri. Prima femeie-preşedinte din Europa a fost **Vigdís Finnbogadóttir**, preşedintele **Islandei** între 1980 şi 1996. A doua a fost **Agatha Barbara**, preşedintele **Maltei** între 1982 şi 1987. Înaintea unificării Germaniei, şef de stat în fosta RDG a fost **Sabine Bergmann-Pohl. Mary Robinson** a fost preşedintele **Irlandei** între 1990 şi 1997. Ea a fost urmată de **Mary McAleese**, preşedintele **Irlandei** începând cu 1997 până în 2011, prima femeie preşedinte care a urmat unei alte femei preşedinte. **Ruth Dreifuss** a fost preşedintele **Elveţiei** între 1999 şi 2000. Prima femeie preşedinte a unei ţări foste comuniste a fost Vaira Vike-Freiberga, aleasă de parlamentul Lituaniei în 1999 pentru un mandat de 4 ani. În 2000 a fost aleasă pentru prima dată o femeie în calitate de preşedinte a **Finlandei – Tarja Kaarina Halonen**, fiind realeasă şi în 2006 pentru al doilea mandat. Până a accede la funcţia supremă, doamna Halonen a fost parlamentar, Ministru al Problemelor Sociale, al Cooperării Nordice şi al Afacerilor Externe. În 2010 Parlamentul elveţian a ales-o pe ministrul Economiei, Doris Leuthard, în funcţia de şef al statului pentru anul 2010, fiind pentru prima dată când toate cele trei braţe ale guvernului federal elveţian au fost conduse de femei. O altă femeie de succes în politică este **Dalia Grybauskaitė**, prima femeie care ocupă postul de preşedinte al Lituaniei din 12 iulie 2009 şi până în prezent, În anul 2013 i s-a decernat Premiul Carol cel Mare pentru merite în unificarea europeană. Cea mai puternică femeie din lume potrivit revistei Forbes Magazine (2009) este Angela Merkel care din 2005 până în prezent deţine funcţia de cancelar federal al Germaniei. În 2008 i s-a decernat Premiul Carol cel Mare pentru contribuţia sa de importanţă istorică la unificarea europeană, iar în 2010 i-a fost acordat titlul de Doctor Honoris Causa al Universităţii "Babeș-Bolyai" din Cluj pentru rolul de importanţă mondială jucat în înnoirea cooperărilor internaţionale.

În Moldova, de asemenea, a existat o tentativă de alegere a unei femei în calitate de preşedinte. După alegerile din 5 aprilie 2009, Partidul Comuniştilor din Republica Moldova care a preluat guvernarea, a propus-o pe fostul premier, Zinaida Greceanîi, la funcţia de preşedinte al Republicii Moldova. Pentru liderul comuniştilor, Vladimir Voronin, Zinaida Greceanîi era candidatul ideal: „onestă, corectă, destoinică şi un bun economist” [18, p.1]. Pentru opoziţie însă, candidatura nu era cea mai potrivită, ceea ce s-a evidenţiază în cadrul primei încercări a comuniştilor de a alege preşedintele, care a suferit eşec. Zinaida Greceanîi a obţinut 60 de voturi (fiind necesare 61 de voturi pentru a fi aleasă) din partea deputaţilor PCRM, iar Stanislav Groppa, contracandidatul său, – 0 voturi, partidele de opoziţie – PL, PLDM şi AMN – neparticipând la procedura de votare a preşedintelui.

Astfel, slaba reprezentare femeilor pe listele de candidaţi şi apoi în rândul aleşilor se datorează în mare parte factorului politic. Astfel spus, comparativ cu alţi factori (predilecţia electoratului de a vota bărbaţi, factorul de autolimitare a

femeilor), bariera cea mai mare în participarea echitabilă a femeilor în viaţa politică sunt partidele politice. Dacă problema de bază a participării scăzute a femeilor se află în interiorul partidelor politice, şi dacă acestea nu au reuşit să se reformeze, atunci introducerea cotelor minime de reprezentare constituie cea mai eficientă metodă de reformare a partidelor politice în acest sens. Proiectul de lege cu privire la introducerea cotelor minime de reprezentare este un pas pozitiv, însă pentru ca acesta să fie eficient, este necesar ca sistemul de cote să fie fortificat. Totuşi, considerăm că e greşit să credem că doar o parte este de vină, adică doar partidele politice. La fel şi femeile prezente acum în politică trebuie să se genereze, să susţină proiecte politice care să se refere concret, la creşterea numărului lor, la accesul femeilor la decizie. Femeile rămân într-adevăr vitale în mobilezarea eforturilor de ajutorare şi de realizare a campaniilor, dar rareori deţin funcţii de vârf în partid. Reformarea internă a partidelor este un factor esenţial pentru succesul realizării *de facto* a egalităţii de gen în luarea deciziilor la toate nivelurile politice. Cu părere de rău, societatea moldovenească tinde încă să reacţioneze şi să funcţioneze într-o „matrice de tip Caragiale“, atunci când vorbim de rolul public al femeii: ea exercită o influenţă politică majoră, dar întotdeauna în spatele scenei.

În anul 2014 clasa politică a dat dovadă de lipsă de voinţă politică, a demonstrat că valorile Europene precum egalitatea de gen şi nediscriminarea sunt doar nişte slogane deşarte fără să urmeze şi acţiuni concrete. Două proiecte de lege vizând cota de gen de reprezentare şi introducerea concediului paternal au zăbovit pe agenda Parlamentului timp de mai multe luni. După multe proteste şi acţiuni civice din partea societăţii civile, inclusiv întâlniri cu aproape toţi liderii fracţiunilor partidelor din Parlament, clasa politică şi-a asumat public votarea şi adoptarea celor două pachete de legi. În Iulie, aceste două pachete au fost votate în prima lectură şi apoi, au rămas în aer: nu s-au regăsit pe agenda Parlamentului din toamnă şi, respectiv, prevederile din aceste documente n-au fost aplicate la Alegerile din 30 Noiembrie. Lipsa de voinţă politică deranjează şi îngrijorează societatea civilă şi pune serios la dubiu angajamentele declarate Europene ale clasei politice. Mai mult ca atât, în toamna anului 2014 au avut loc 5 Forumuri naţionale ale femeilor: Forumul femeilor Primari, Forumul Femeilor Avocate, Forumul Femeilor cu Dizabilităţi, Forumul Femeilor din Business şi Forumul Femeilor Lidere din Comunităţile Rurale. La toate aceste evenimente, femeile au declarat cu o voce importanţa principiului egalităţii de gen şi au cerut de la clasa politică respectarea angajamentelor Europene pe care le-a făcut cea din urmă.

În contextul specific al Republicii Moldova, cât şi analiza de implementare a altor state, arată că un sistem de cote va deveni unul eficient dacă: se va introduce o cotă procentuală mai mare de 30%, se vor include specificări cu privire la poziţionarea femeilor în cadrul listelor şi se vor prevede sancţiuni aplicabile pentru concurenţii electorali care încalcă prevederile impuse de cote. Aşadar este ne-

cesar introducerea unor prevederi privind repartizarea politică a funcţiilor înalte în stat (Preşedinte, Speaker al Parlamentului, Prim-Ministru) într-un mod în care cel puţin la una dintre aceste funcţii să fie desemnată o femeie. Plus la aceasta, criteriul reprezentării echitabile a femeilor şi bărbaţilor e necesar să fie aplicat şi în cadrul algoritmului de desemnare de către partide a tuturor funcţiilor cu caracter politic, atât în Parlament (Vice-preşedinţii, preşedinţii comisiilor parlamentare, Biroul permanent, şefii delegaţiilor), Guvern şi alte poziţii – cum ar fi Agenţiile Subordonate Parlamentului sau Guvernului, cât şi la desemnarea ambasadorilor. De asemenea, societatea civilă trebuie să solicite Legislativului să adoptate cât mai urgent în lectură finală proiectul de lege cu privire la introducerea cotei minime de reprezentare. Legea adoptată trebuie să conţină următoarele prevederi minime: (I) cota minimă de 40%, (II) cota să fie aplicată pe fiecare 5 locuri din lista de candidaţi, (III) CEC şi instituţiile electorale la nivel raional şi local să nu înregistreze listele de candidaţi care nu respectă aceste cerinţe, (4) prevederile date să fie aplicabile următoarelor alegeri parlamentare. Toate aceste iniţiative sunt lăudabile, dar fără o schimbare a mentalităţii în ceea ce priveşte discriminările de gen şi fără exercitarea de fapt a drepturilor înscrise în legi, nu se va ajunge la o *Democraţie,* din perspectiva egalităţii între femei şi bărbaţi. În acest sens este necesară instituţionalizarea educaţiei de gen la toate nivelurile prin adoptarea programelor educaţionale menite să cultive sentimentul demnităţii personale şi să contribuie la depăşirea stereotipurilor privind rolul şi locul femeii în societate şi să cultive sentimentul de solidaritate a femeilor în viaţa economică, socială şi politică. La modul general, sunt trei paliere pe care femeile ar trebui să lucreze şi să fie sprijinite, pentru a îmbunătăţi reprezentarea lor pe scena politică: **capacitatea de a intra în politică**; **oportunitatea de a fi aleasă ca candidată** (de către partidul din care face parte); **şansa de a fi votată.**

Integrarea Republicii Moldova în Uniunea Europeană presupune multe rigori şi condiţii, iar una dintre acestea este asigurarea de şanse egale pentru bărbaţi şi femei şi eliminarea discriminării de gen. Pentru a asigura realizarea acestor prevederi, este necesară modificarea *Legii Egalităţii de Şanse* prin introducerea unor cote de reprezentativitate, sunt necesare modificări ale Codului Penal (cu prevederi de sancţiune penală în cazuri de discriminări pe criteriu de gen şi hărţuire sexuală la locul de muncă) şi ale Codului Muncii. În concluzie, fără măsuri pozitive progresarea spre valorile egalităţii, echităţii şi ale drepturilor omului va fi foarte lentă şi nesemnificativă. Prin urmare, este important de stabilit nu doar scopul, ci şi mijloacele acţiunilor afirmative. În acest context, este extrem de important pentru ţara noastră să se alăture celor mai bune practici internaţionale din acest domeniu şi astfel să creeze oportunităţi egale de dezvoltare şi participare în viaţa social-politică pentru femeile din Moldova, care sunt şi femeile de etnie romă, găgăuză, ucraineană şi bulgară, femeile cu dezabilităţi şi femeile ce se identifică cu altă religie decât cea majoritară, ortodoxă. Femeile nu trebuie să fie

competitive în relaţiile lor cu bărbaţii, ci complementare, genurile creând împreună un echilibru prin păstrarea specificului lor.

Bibliogafie

1. Azarov A., Reuther K. & Cârnaţ T., Moşneaga V., Rusnac Gh., Saca V. Drepturile omului: mecanisme de protecţie (internaţionale şi din Republica Moldova). - Chişinău, UNESCO, 2005.
2. Bodrug-Lungu V., Mardarovici E. Egalitatea genurilor în viaţa publică din Republica Moldova. // Barometru de gen 2006. Republica Moldova: rezultate şi studii în baza sondajului de opinie. Centrul „Parteneriat pentru Dezvoltare”. – Chişinău, 2006.
3. Codul Electoral al Republicii Moldova. Nr.1381-XIII din 21.11.1997. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. Nr.81/667 din 08.12.1997. – Chişinău, 2008.
4. Cotele de reprezentare: cazul Moldovei: cauze, mituri şi opţiuni de implementare, http://progen.md/files/9798_cotele_de_reprezentare_ro.pdf (accesat la 02.02.2015)
5. Legea cu privire la asigurarea egalităţii de şanse între femei şi bărbaţi în Republica Moldova. Nr.5 din 09.02.2006. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.47-50/200 din 24.03.2006. http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=315674 (accesat la 02.02.2015)
6. Legea privind partidele şi alte organizaţii socio-politice. Nr.718–XII din 17.09.1991. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.026 din 13.02.2004. http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313279&lang=1 (accesat la 02.02.2015)
7. Misiunea Internaţională de Observare a Alegerilor. Alegeri Parlamentare, Republica Moldova – 6 martie 2005. Comunicat privind constatările şi concluziile preliminare. – Chişinău, 2005.
8. Platforma electorală a Blocului „Moldova Democrată”, http://www.alegeri2005.md/opponents/bemd/program/ (accesat la 11.03.2015)
9. Problemele de gen în contextul Obiectivelor de Dezvoltare ale Mileniului în Republica Moldova. Fondul Naţiunilor Unite pentru Femei. Programul Naţiunilor Unite pentru Dezvoltare. – Chişinău, 2007.
10. Programul Partidului Popular Creştin Democrat, http://ppcd.md/page.php?modul=HTMLPages&pid=9 (accesat la 01.04.2015)

11. Saca S., Rbec P. Integrarea genurilor în societate în contextul transformărilor democratice. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVII. - Chişinău, USM, 2001.
12. Saca V., Gorea I. Sistemul instituţional şi legislativ de realizarea a egalităţii genurilor în Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). nr.3 (XXX). - Chişinău, USM, 2005.
13. Statutul Partidului Democrat din Moldova. // Partidul Democrat din Moldova. Alături de oameni, împreună cu ei. – Chişinău, 2008.
14. Statutul Partidului Social Democrat din Moldova. – Chişinău, 2007, http://www.psd.md/?lang=ro&menu_id=13&PHPSESSID=aa809897ba9723a7fcafe03605964a58 (accesat la 19.03.2015)
15. Studii Gender. – Chişinău, nr.1, 2001.
16. Terzi-Barbaroşie D. Participarea femeilor în viaţa publică şi politică din Republica Moldova. Raport elaborat în cadrul Parteneriatului Estic de Facilitare al Consiliului Europei, 2013.
17. The Global Gender Gap Report 2014, http://www3.weforum.org/docs/GGGR14/GGGR_CompleteReport_2014.pdf (accesat la 25.03.2015)
18. "Timpul". Anul VIII-82(1056). Joi 21, 2009. – Chişinău, 2009.
19. Who Answers to Women? Progess of the Word's Women 2008/2009. Gender & Accountability. – New York, 2009.
20. http://www.e-democracy.md/elections/parliamentary/ (accesat la 25.03.2015)

Prezentat la redacție
la 2 octombrie 2015

COMPARTIMENTUL
SOCIOLOGIA POLITICĂ

DEPĂŞIREA UNOR TENDINŢE NEGATIVE PRIVIND AFIRMAREA STATULUI SOCIAL ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Grigore PIRŢAC
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Ştiinţe Politice şi Administrative, Departamentul Ştiinţe Politice şi Administrative
Doctor în ştiinţe politice, conferenţiar

In this article the author perfoms an interconnection between the phenomenon of social state, state of law and democracy in the process of European integration of Moldova. They are highlighted several negative trends on reforms in the process of European Integration of Moldova and the position of european officials with reference to them.

In conclusion author comes with some recommendations for overcoming existing situation for building a social state in the process of European Integration of Moldova.

Procesul de integrare europeană a Republicii Moldova presupune prin definiţie promovarea unor politici, ce ar permite afirmarea statului de drept. În acest context, în ţara noastră este necesară promovarea reformelor în diverse domenii ale vieţii sociale,aceasta avînd drept scop racordarea legislaţiei naţionale la standardele europene, reforma justiţiei, modernizarea economiei, atragerea investiţiilor străine implementarea noilor tehnologii, crearea noilor locuri de muncă, ridicarea nivelului de trai al populaţiei etc.

Vis-a-vis de statul de drept de o importanţă majoră în societatea contemporană este fenomenul statului social.Existî mai multe abordări ale statului social, dar generalizând se poate concluziona că acesta este societatea, ce are menirea să asigure fiecărui cetăţean condiţii demne de viaţă, protecţie socială, coparticipare în sfera producerii, iar în sens ideal şanse egale de viaţă, posibilităţi pentru autorealizarea personalităţii.

Experienţa istorică a formării statului social de drept în ţările occidentale înalt dezvoltate (SUA, Germania, Anglia, statele scandinave) permite de a face unele concluzii despre condiţiile, necesare pentru formarea statului social:

1. În primul rând, statul social apare şi se formează în baza unei politici judicioase promovate de către guvernanţi.

2. În al doilea rând, premisele necesare devenirii statului social în orice ţară se prezintă a fi consolidarea juridică a proprietăţii private, a principiilor economiei de piaţă, a libertăţii sociale şi politice, a democraţiei.

3. În al treilea rând, aşa cum esenţa statului de drept se exprimă în asigurarea binelui comun şi a bunăstării fiecărui om în parte, aceasta condiţionează principii generale de organizare şi activitate a acestui stat, anume: transparenţa puterii de stat, democratismul şi liberalismul ei, promovarea dreptăţii sociale şi solidarităţii, acordarea tuturor posibilităţilor egale, o protecţie socială largă pentru populaţie.

În practica occidentală se disting trei tipuri de bază a statului social: conservator, liberal, social-democrat. Delimitarea acestor tipuri se realizează în baza următorilor indicatori:

1. Măsuri privind protecţia populaţiei cu nivel insuficient de venit.
2. Capacitatea drepturilor sociale şi subsidiarităţii / susţinerea celor mai vulnerabile grupuri sociale.
3. Ponderea crescîndă a contribuţiilor private alocate, direcţionate spre sistemul de asigurări, plata pensiilor, asigurarea medicală şi alte necesităţi sociale a populaţiei în raport cu transferurile oficiale din bugetul de stat. Dimensiunile individuale şi colective de finanţare a programelor sociale şi necesităţilor, inclusiv depozitele individuale şi colective a populaţiei în statul social.
4. Sporirea capacitaţii privind diferenţa şi organizarea sistemei asigurărilor sociale conform grupurilor profesionale şi grupurile sociale de risc, incluzând riscurile sociale ce ţin de şomaj, vîrstă etc.
5. Creşterea fondurilor de redistribuire a politicii sociale, ce se formează din plata impozitelor şi fondurile asigurărilor sociale ce vin de la întreprinzători.

Pentru ca societatea să se bazeze în mod real pe o organizare democratică şi o conducere politică democratică, în organizarea ei trebuie să fie respectate cu stricteţe cel puţin următoarele principii şi norme fundamentale:

a) existenţa unei legislaţii, inclusiv a Legii fundamentale, care să prevadă principalele drepturi şi libertăţi ale cetăţenilor la organizarea liberă, exprimarea voinţei în toate problemele legate de funcţionarea vieţii societăţii;

b) separarea puterilor de stat în legislativă, executivă şi juridică;

c) existenţa unui mecanism politic care ar asigura libertatea tuturor cetăţenilor de a alege şi a fi aleşi în organele de administrare centrală şi locală; votul direct şi secret; organele locale ale puterii fiind create în baza alegerilor libere;

d) libertatea organizaţiilor politice şi obşteşti. Pluripartidismul este o condiţie indispensabilă de organizare democratică a societăţii

e) libertatea mijloacelor de informare în masă, lipsa cenzurii, responsabilitatea în faţa legii a mijloacelor de informare în masă pentru veridicitatea informaţiei publicate;

f) contrapunerea poziţiilor politice cu privire la organizarea şi conducerea ţării, precum şi la alte probleme, să se efectueze pe calea dialogului;

g) folosirea tradiţiilor democratice şi promovarea valorilor democratice trebuie să aibă scopul de a crea un climat politic sănătos pentru realizarea politicii de creştere permanentă a bunăstării materiale şi a culturii spirituale a cetăţenilor;

h) între drepturile, libertăţile şi obligaţiunile cetăţenilor, între libertatea şi responsabilitatea lor trebuie să existe o corelaţie justă, astfel încât realizarea drepturilor, libertăţilor și responsabilităților să se efectueze în cadrul legii;

i) organizarea şi conducerea democratică trebuie să cuprindă toate sferele vieţii societăţii, atât la nivel macrosocial, cît şi microsocial.

Robert Dahl, în lucrarea „Democraţia şi criticii ei" (1989), apreciază că democraţia modernă se caracterizează prin următoarele trăsături:

1. instituirea reprezentării (un corp electoral alege o adunare prin scrutin periodic, secret, adunare care reprezintă poporul în exercitarea puterii);
2. extensia „demos"-ului la aproape întreaga populaţie adultă;
3. limitarea democraţiei directe, care nu se mai poate practica oricând în noile dimensiuni ale statului-naţiune;
4. diversitatea vieţii politice, exprimată prin multitudinea de interese ce sunt promovate de partide şi alte formaţiuni politice;
5. clivajul politic şi concurenţa dintre forţele politice;
6. apariţia poliarhiei, respectiv formarea unui număr foarte mare de instituţii necesare promovării vieţii democratice;
7. pluralismul social, exprimat prn existenţa a numeroase organizaţii cu autonomie relativă (societatea civilă);
8. multiplicarea drepturilor şi libertăţilor individuale garantate prin prevederi constituţionale.

Dezvoltarea istorică din perspectiva democraţiei moderne s-a concretizat în promovarea unui nou sistem de valori şi norme prin afirmarea libertăţii omului şi conştiinţei naţionale pe plan juridic, politic, cultural şi moral. Ca rezultat, democraţia contemporană conexează şi integrează libertatea şi egalitatea ca valori politice şi juridice ce asigură participarea oamenilor în sfera socialului.

Un guvernamânt democratic exprimă faptul că cetăţenii au influenţă asupra decizilor legate de guvernare. Totodată, una dintre condiţiile de funcţionare a democraţiei o constituie libertatea circulaţiei şi obţinerii informaţiilor, precum şi libertatea schimbului de opinii – garanţie a bunei funcţionalităţi a întregului sistem democratic.

Diverse forme ale opoziţiei politice, cetăţeneşti concretizate în opoziţia parlamentară sunt mecanisme sociale care facilitează funcţionarea democraţiei semnificând faptul că puterea constituie o funcţie socială care se exercită pentru comunitatea şi interesul acesteia. Asemenea mijloace sunt: alegerile, manifesta-

rea opiniei publice, activitatea unor colectivităţi sociale şi politice independente, a unor grupuri de interese şi de presiune ş.a. ce participă la funcţionalitatea sistemului democratic şi a societăţii civile. Funcţionarea sistemului democratic necesită, de asemenea, o cultură politică specifică.

Democraţia este autentică în cazul cînd adaptează funcţionalitatea mecanismelor sale la coordonatele societăţii contemporane În această perspectivă cadrul instituţional-juridic al democraţiei: instituirea statului social de drept; separarea puterilor în stat; delimitarea clară a sferei atribuţiilor parlamentului, guvernului şi a puterii judecătoreşti; crearea consiliilor de administrație ca organisme de conducere şi decizie în unităţi economice social-administrative.

La etapa actuală este evident,că afirmarea statului social în Republica Moldova presupiune expres aprofundarea relațiilor economice cu Comunitatea Europeană, aceasta presupunînd promovarea următoarelor acțiuni:

- mărirea exportului produselor moldovenești pe piața europeană (experții economici prognozeaza marirea exportului cu 15% în urmatorii 2-3 ani);
- accelerarea relațiilor economice dintre Republica Moldova și Comunitatea Europeană prin modernizarea economiei, înbunătățirea calității mărfurilor exportate pe piața europeană, ridicarea calității serviciilor.

Semnarea Acordului de asociere politică cu UE și liberalizarea pieții europene au condiționat modificarea structurii exportului mărfurilor produse în Republica Moldova. Spre comparație, dacă în anul 2001 exportul în statele CSI constituia 60,9% iar în statele UE 32,3%, atunci în anul 2014 în statele CSI exportul produselor moldovenești a constituit 32,9% iar pe piața europeana 52,2%. Pentru prima jumătate a anului 2015 observăm că exporturile către statele CSI din nou au înregistrat o decădere, respectiv pentru Țările Uniunii Europene o evoluție considerabilă. Astfel pentru luna ianuarie-august anul 2015 în statele CSI exportul produselor moldovenești a constituit 25,6% iar pe piața europeana 61,9%.

Evoluția proceselor economice integraționiste dintre Republica Moldova și Comunitatea Europeană este însoțită și de asistenta financiară, de care beneficiază țara noastră.

Astfel dacă în anul 2007 UE a acordat sprijinul financiar Republicii Moldova în modernizarea economică în sume de 40 mln euro, atunci în 2014 suma deja a constituit 131 mln euro.

Respectiv, după semnarea Acordului de Asociere cu Uniunea Europeană la 27 iunie 2014, s-a creat impresia că actuala guvernare pro-europeană este dispusă să aprofundeze caracterul reformelor, însă drumul nostru către Uniunea Europeană a stagnat şi acest lucru este confirmat de către mai mulți oficiali străini de rang înalt. În acest sens prezintă interes poziția oficialilor europeni cu referire la realizarea năsurilor convenite între Republica Moldova și Comunitatea Europeană conform prevederilor Acordului de asociere.

Astfel, Secretarul General al Consiliului Europei, Thorbjorn Jagland, fost prim-ministru al Norvegiei în cadrul unui interviu, accentua că: ,,Fosta republică sovietică dintre România şi Ucraina, Republica Moldova se află la intersecţia dintre Estul şi Vestul Europei. Tot el susţine că: ,,În ultimii şase ani, s-a făcut foarte puţin pentru dezvoltarea economiei ţării şi instituţiilor statului. Ceea ce este important e că trebuie să efectuaţi reforme, fără ele Republica Moldova nu poate intra în Uniunea Europeană. La sfârşitul anului trecut, un miliard de dolari a dispărut din trei bănci din ţară. Scandalul a ajuns să reprezinte eşecul statului de a proteja interesele cetăţenilor. Puţini cred că cei responsabili vor fi traşi la răspundere sau că banii vor fi returnaţi. Valoarea monedei naţionale a scăzut, ratele dobânzilor au explodat, iar recesiunea s-a conturat [1].

Despre impasul în care s-a pomenit ţara noastră vorbeşte şi şeful delegaţiei Uniunii Europene la Chişinău, Pirkka Tapiola: „Noi nu vedem îmbunătăţiri concrete în sectorul Justiţiei, adoptarea finală a proiectului de lege cu privire la Procuratură este în aşteptare, Comisia Naţională de Integritate nu a fost reformată, corupţia în sistemul judiciar este endemică” [2].

O altă opinie aparţine excelenţei sale Ingrid Tersman, Ambasadoare a Regatului Suediei la Chişinău: ,,Din păcate, în ultimii ani am văzut foarte multă instabilitate politică, care a avut un efect negativ asupra dezvoltării societăţii, luptele dintre diverse forţe politice au avut de asemenea un impact negativ. Toate aceste efecte au fost amplificate de un nivel foarte înalt de corupţie pe care îl vedem în foarte multe instituţii” [3].

Fostul ambasador al Statelor Unite ale Americii la Chişinău, William Henry Moser a declarat următoarele: „Corupţia reprezintă problema majoră care împiedică evoluţia Republicii Moldova până la un stat prosper şi democratic, iar reforma justiţiei este crucială în lupta cu acest flagel.Vrem să vedem că Republica Moldova duce la bun sfârşit reformele necesare pentru a se integra în Uniunea Europeană şi credem că acest lucru reprezintă prioritatea numărul unu pe agenda viitoarei guvernări. De asemenea, în paralel, ne aşteptăm la continuarea reformei din justiţie, reforma sectorului bancar, astfel încât să nu mai vedem probleme financiare cu care s-au confruntat cei de la Unibank, Banca de Economii sau Banca Socială, probleme regretabile” [4].

Actualul ambasador al Statelor Unite ale Americii la Chişinău, James Pettit afirmă că: „Cea mai importantă problemă a Republicii Moldova este problema corupţiei. Sper foarte mult că reforma justiţiei va continua pentru că este un domeniu foarte important care are nevoie de reformă. Şi criza în sectorul bancar este o demonstraţie a ceea ce se poate întâmpla în lipsa reformelor” [5].

Expertul Institutului pentru Studii de Securitate al Uniunii Europene, cu sediul la Paris, Nicu Popescu afirma: ,,Instituţiile statului în acest moment se află într-o criză gravă de credibilitate în faţa propriilor cetăţeni” [6].

Tergiversarea procesului de realizarea a reformelor de către actuala guvernare a generat o serie de nemulţumiri din partea partenerilor noştri europeni, cât şi popuaţiei Republicii Moldova. Poziția critică a oficialilor europeni este completată cu o serie de recomandări.

Fostul ambasador al Statelor Unite ale Americii la Chişinău, William Henry Moser accentua că pentru a mişca trenul din loc: Republica Moldova are nevoie de mai multă democraţie, însă cheia este în mâna cetăţenilor activi. Activismul civic nu începe şi nu se termină odată cu alegerile parlamentare, trebuie manifestat zilnic. Când cetăţenii se vor implica şi vor monitoriza ce se întâmplă în Parlament şi în societate, lucrurile se vor schimba. Acest aspect este unul crucial pentru dezvoltarea Republicii Moldova ca democraţie" [7].

De aceiaşi părere este şi actualul ambasador al Statelor Unite ale Americii la Chişinău, James Pettit: „Dacă populaţia este dezamăgită de guvern, ea trebuie să spună acest lucru şi o poate face prin intermediul mass-media şi a societăţii civile. Eu înţeleg frustrarea oamenilor, ei au ales reprezentanţi, promisiunile nu sunt îndeplinite, deci ei trebuie să responsabilizeze guvernarea [8].

Fostul ambasador al Germaniei la Chişinău, Matthias Meyer menţiona că „Politicienii nu trebuie să se ascundă după deget şi nu trebuie să joace teatru în faţa oamenilor. Oamenii nu sunt proşti. Mulţi politicieni cred oamenii nu ştiu nimic, dar nu e aşa, oamenii înţelg foarte bine ce se întâmplă în Republica Moldova, văd cum unii se îmbogăţesc, ştiu cine sunt corupţi. Trebuie să înţelegeţi că, dacă vreţi în Europa, aceste lucruri trebuie să se termine", a subliniat Meyer [9].

Tot el menţionează: „Autorităţile trebuie să combată corupţia, dar nu să ne convingă pe noi că luptă cu corupţia. De fapt, vom fi convinşi de aceasta când vom vedea condamnări ale unor înalţi demnitari", a declarat ambasadorul Germaniei [10].

Europarlamentarul Monica Macovei susţine că: Republica Moldova are nevoie de o nouă clasă politică, iar cetăţenii trebuie să protesteze în stradă până când le vor fi îndeplinite toate revendicările [11].

Excelenţa sa Ingrid Tersman, Ambasadoare a Regatului Suediei la Chişinău, consideră că scandalul din sistemul bancar poate fi rezolvat doar dacă: ,,Cetăţenii ar face presiuni asupra Guvernului ca această problemă acută din sistemul bancar să fie soluţionată sub monitorizarea organismelor internaţionale, inclusiv FMI" [12].

Vizavi de soluţia problemelor din sistemul bancar sa expus şi Alex Kremer, directorul Băncii Mondiale în Moldova: ,,Noi recomandăm autorităţilor ca cele trei bănci aflate în prezent sub administrare specială – Banca de Economii, Banca Socială şi Unibank – să fie lichidate [13].

Ambasadorul Cehiei la Chişinău susţine că: „Până la urmă, va fi nevoie ca Republica Moldova să se hotărască singură cui vrea să aparţină" [14].

Ultimul sondaj de opinie realizat de Asociația Sociologilor și Demografilor printre protestatari, experți dar și în rândul populației „pasive” încearcă să schițeze un răspuns, care s-ar putea rezuma în „pierderea încrederii” sau absența unei „perspective”.

Aproape 80% din cei intervievați sunt de părere că țara merge în direcția greșită. 60% sunt de părere că viața este mai proastă decât acum doi ani (opinie care nu este împărtășită de experți). 55% se declară oricum neinteresați de politică și peste 46% nu ar ști cu cine să voteze sau nu ar vota la următoarele alegeri.

Sondajul realizat de Asociaţia Sociologilor şi Demografilor confirmă tendinţe negative surprinse şi de un alt sondaj realizat recent de CBS-AXA şi anume nemulțumirea în creştere a cetățenilor cauzată de situaţia în ţară, neîncrederea tot mai pronunţată în politicieni, partide şi instituţii ale statului şi dezamăgirea faţă de actuala guvernare [15].

În concluzie se poate de menționat, că monitorizarea procesului de implementare a prevederilor Acordului de Asociere politică cu Uniunra Europeană, de realizare promtă a reformelor ce ar avea drept scop edificarea statului social de drept și apropierea de Comunitatea Europeană ne demonstrează elocvent sprijinul constant de care benefeciază Republica Moldova din partea partenerilor de dezvoltare. La etapa actuala țara noastră este supusă testului de rezistenţă pentru care nu s-a pregătit temeinic. Traversăm o perioadă destul de dificilă în realizarea cursului proeuropean (aprofundarea crizei economice, proliferarea corupției, furtul miliardului, deprecierea monedei naționale, eșecul negocierilor cu donatorii externi, protestele organizate de opoziție etc.), aceasta presupunănd că guvernanții la etapa actuală sunt obligați să depună eforturi conjugate pentru a salva destinul proeuropean al Republicii Moldova, aceasta presupunînd:

1. Garantarea respectării drepturilor și libertăților fundamentale ale omului.
2. Restabilirea încrederii populației vizavi de actul de guvernare.
3. Implicarea experților europeni în procesul de realizare a reformelor în cele mai importante domenii.
4. Asigurarea separării efective a puterilor legislativă, executivă și judecătorească și a colaborării dintre ele.
5. Asigurrea funcționalității democratice a instituțiilor statului.
6. Reformarea sistemului judecătoresc și a structurilor de forță confoirm standardelor europene.
7. Asigurarea unui climat investițional favorabil.
8. Restabilirea și consolidarea relațiilor cu instituțiile financiare internaționale.
9. Creșterea nivelului de trai al populației.

10. Elaborarea și aplicarea programului de depășire a crizei social-economice.

11. Gestionarea corectă, onestă și transparentă a finanțelor publice.

12. Optimizarea cheltuielilor bugetare și reorientarea lor către sfera socială.

13. Asigurarea autonomiei administrației publice locale în conformitate cu standardele europene.

Bibliografie

1. http://www.nytimes.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=1
2. http://www.investigatii.md/index.php?art=827
3. http://www.zdg.md/editia-print/exclusiv/in-5-ani-s-au-schimbat-6-guverne-si-3-presedinti-moldova-are-nevoie-de-stabilitate
4. http://www.europalibera.org/content/article/26793729.html
5. http://www.europalibera.org/content/article/26848558.html
6. http://www.europalibera.org/content/article/27022129.html
7. http://www.europalibera.org/content/article/26793729.html
8. http://www.jurnal.md/ro/politic/2015/6/2/ambasadorul-sua-la-jurnal-tv-problema-nr-1-a-rm-este-coruptia-reformele-sunt-lente-iar-oamenii-isi-pierd-rabdarea/
9. http://adevarul.ro/moldova/politica/matthias-meyer-fostul-ambasador-germaniei-moldova-politicienii-nu-trebuie-joace-teatru-sa-i-creada-oameni-prosti-1_53db21590d133766a8ea582a/index.html
10. http://ipn.md/ro/integrare-europeana/61196
11. http://www.jurnal.md/ro/politic/2015/9/1/monica-macovei-cetatenii-rm-trebuie-sa-protesteze-si-sa-ramana-in-strada-pana-cand-dna-trece-prutul-interviu/
12. http://www.zdg.md/editia-print/exclusiv/in-5-ani-s-au-schimbat-6-guverne-si-3-presedinti-moldova-are-nevoie-de-stabilitate
13. http://www.infotag.md/press_release-ro/205101/
14. http://www.europalibera.org/content/article/25409255.html
15. http://www.europalibera.org/content/article/27302406.html

Prezentat la redacție
la 14 septembrie 2015

ALEGERILE PARLAMENTARE DIN 30 NOIEMBRIE 2014 ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Constantin SOLOMON
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Istorie şi Filozofie, Departamentul Istoria Românilor, Istoria Universală şi Arheologie
Doctor habilitat în ştiinţe politice, professor

Gheorghe RUSNAC
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Politice şi Economice Europene, Facultatea Relaţii Internaţionale si Ştiinţe Socio-Umane
Doctor habilitat în ştiinţe politice, professor, academician

The article analyzes the parliamentary elections in Moldova November 30, 2014. It examines the work of the election administration, election platforms of candidates and election monitoring by international and national observers. They are also widely studied types of electoral campaign in activities during the election campaign and election coverage in the media.

They deal with candidates in the election campaign slogans and voter reaction on these slogans. It makes the conclusion that the parliamentary elections of 2014 have shown that the problem of Moldovan political system transformation into a democratic party system is not removed from the agenda. Even if the pro-European parties won them ost votes and seats (55) and had enough votes to elect the President of Parliament, but they have failed to obtain there quired number of mandates independently to solve all problems (Head choice State changes and amendments in the Constitution etc.).

Politica are implicaţi pentru fiecare cetăţean, indiferent de faptul că participă sau nu la procesul politic, întrucât prin activităţile pe care le desfăşoară, dincolo de limitele vieţii private, oamenii rezolvă şi probleme ale vieţii publice.

Alegerile sunt definitorii pentru politic, îndeosebi în noile democraţii. Alegerile structurează procesul politic şi reprezintă punctele cruciale în evoluţia societăţii şi a statului. Desemnarea de către popor a reprezentanţilor săi este una din paradigmele democraţiei contemporane. Alegerile sunt una din condiţiile existenţei şi funcţionării regimului politic democratic. Pentru popor alegerile reprezintă unicul mijloc eficient de a influenţa guvernanţii şi de a se face auzit. Pentru formaţiunile şi liderii politici alegerile întruchipează momente cruciale ale evoluţiilor pe arena politică. Ele oferă unica posibilitate de a accede la putere, dar sunt şi cele care pot scoate concurenţii din circuitul politic. Alegerile rep-

rezintă o modalitate de selectare și desemnare a actorilor ce concurează pentru obținerea funcțiilor publice politice.

Alegerile parlamentare reprezintă modul de selecție a persoanelor pentru Parlament de către cei care sunt calificați, prin regulile unui sistem politic, să-și exprime opțiunea privind candidații.

E cert faptul că Parlamentul reprezintă instituția politică de bază a unui stat de drept și de aici, odată cu evoluția, dezvoltarea multilaterală a statului, trebuie să evoluționeze și parlamentarismul axându-se pe modele contemporane de organizare a activității autorității legislative [1, p.8].

Sistemul pluripartidist din Republica Moldova a fost influențat de sistemul electoral proporțional, utilizat în mod constant în ultimele opt campanii electorale. Una din cauzele trecerii, în 1994, de la sistemul majoritar la cel proporțional, a rezultat din nemulțumirea liderilor politici, pentru că după alegerile din 1990 un segment masiv de deputați a preferat să se detașeze de structurile politice care i-au promovat, afirmând că „reprezintă poporul" și nu structurile pe platformele politice ale cărora au candidat și obținut mandatele de deputați. În consecință am obținut fragmentarea excesivă a corpului de deputați și respectiv, randamentul nesatisfăcător al forului legislativ, care a fost pus pe seama sistemului electoral majoritar.

La 30 noiembrie 2014 au avut loc alegerile în Parlamentul Republicii Moldova de legislatura a XX-a.

Campania electorală a început oficial când Parlamentul decide la 28 mai 2014 că alegerile parlamentare vor avea loc la 30 noiembrie 2014 [2, p.3].

Alegerile au fost administrate de administrația electorală la trei niveluri: Comisia Electorală Centrală (CEC), 35 Consilii Electorale de Circumscripție (CEdC) și 2073 de Birouri Electorale ale Secțiilor de Votare (BESV), inclusive 95 amplasate peste hotarele țării. Administrația electorală include reprezentanți ai partidelor politice, proporțional reprezentării acestora în Parlament.

Pentru monitorizarea alegerilor parlamentare din 30 noiembrie 2014 CEC a acreditat 810 observatori internaționali din partea a 58 de instituții, iar CEdC au acreditat 9405 observatori naționali [3, p.357-366].

Din 1997, când a fost adoptat până în anul 2014, adică în decurs de șaptesprezece ani Codul Electoral a fost modificat de 35 de ori [4].

Codul Electoral a fost modificat de la ultimele alegeri, cele mai recente modificări fiind operate în aprilie 2014. Modificările au inclus ridicarea pragurilor electorale: 6% pentru partidele politice, 9% pentru un bloc electoral format din 2 partide politice, 11% pentru un bloc electorale format din 3 sau mai multe partide și 2% pentru candidații independenți, implementarea unui Registru de Stat a Alegătorului (RSA), oprirea utilizării pașapoartelor de tip sovietic și abrogarea instruirilor obligatorii pentru personalul de votare.

Deşi a fost stabilit un nou cens electoral nici unul din concurenții electorali (nici formațiunile politice, nici candidații independenți), n-au sesizat specificul acțiunii acestui nou cens electoral.

Parlamentul unicameral a Republicii Moldova cu 101 locuri este ales prin reprezentare proporțională într-o singură circumscripție la nivel național.

La alegerile pentru Parlamentul Republicii Moldova din 30 noiembrie 2014 au participat 24 de concurenți electorali, dintre care 19 partide politice, 1 bloc electoral și 4 candidați independenți [5]. Dat fiind faptul că alegerile parlamentare s-au desfășurat în baza sistemului electoral proporțional deplin (o țară, o circumscripție electorală), formațiunile politice și candidații independenți au fost introduși în același buletin de vot, cetățenii având dreptul la o singură opțiune.

În Codul bunelor practici în materie electorală al Comisiei de la Veneția pentru democrație prin drept a Consiliului Europei, adoptat în 2002 şi Documentul Reuniunii de la Copenhaga a Conferinței pentru dimensiunea umană a OSCE din 29 iunie 1990, la care Republica Moldova a aderat la 10 decembrie 1991 sunt stipulate principiile care stau la baza unor alegeri libere şi corecte şi anume:

- asigurarea unui climat de campanie nemarcat de violențe;
- lipsa tentativelor de intimidare sau împiedicare a candidaților de a-şi prezenta programele politice;
- egalitatea șanselor candidaților electorali, care impune printre altele o atitudine neutră din partea autorităților de stat în ceea ce privește campania electorală;
- accesul nediscriminatoriu la mass-media al concurenților electorali şi reflectarea neutră a alegerilor de către mijloacele de informare în masă;
- libertatea mass-media;
- libertatea alegătorilor de a-şi forma o opinie;
- acuratețea listelor electorale;
- separarea clară între partid şi stat, care nu ar permite utilizarea de către cei aflați la guvernare a resurselor publice în interese de partid în cadrul campaniilor electorale.

Articolul 47(1) din Codul Electoral specifică: „Cetățenii Republicii Moldova, partidele şi alte organizații social-politice, blocurile electorale, candidaţii şi persoanele de încredere ale candidaților au dreptul de a supune discuţiilor libere şi sub toate aspectele programele electorale, calitățile politice, profesionale şi personale ale candidaților, precum şi de a face agitație electorală în cadrul adunărilor, mitingurilor, întâlnirilor cu alegătorii prin intermediul mijloacelor de informare în masă, prin expunerea de afișe electorale sau prin intermediul altor forme de comunicare [6, p.54].

Campania electorală s-a axat pe chestiuni geopolitice cum ar fi: integrarea în Uniunea Europeană și Uniunea Vamală euro-asiatică, precum și pe figuri po-

litice în parte. Câteva partide majore au făcut campanie pe chestiuni sociale și economice, cum ar fi: angajarea în câmpul muncii, pensiile și anticorupție.

În perioada campaniei electorale pentru alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014 au fost utilizate mai multe tipuri de activități de agitație electorală ca: acțiuni de tip ,,de la ușă la ușă", internetul şi agitația telefonică, autovehicule cu publicitatea audio şi vizuală, afișaj electoral, distribuire de pliante informative şi ziare de partid, întâlniri cu alegătorii, petreceri pentru tineri, publicitate în mass-media, publicitate stradală.

Campania ,,de la ușă la ușă" este unul din tipurile fundamentale ale agitației intermediare efectuată de membrii echipei, partidului (candidatului). Această campanie propune vizitarea apartamentelor şi locuințelor alegătorilor, întâlnirea cu aceștia, distribuirea materialelor propagandistice. Aceasta este o agitație nemijlocită a alegătorilor la locul de trai în susținerea propriului partid (candidat). În cadrul acestei campanii se realizează ,,prezentarea" partidului (candidatului). Este vorba despre informarea alegătorilor despre data alegerilor, amplasarea secțiilor de votare, modalitățile şi regulile de completare a buletinului de vot. De fapt, este o campanie în cadrul căreia partidul colectează problemele stringente care-l preocupă pe alegător.

În afară de aceasta, efectul mobilizator al agitației personale permite lărgirea cercului de activiști ai campaniei electorale a partidului. O parte dintre aceștia sunt gata benevol să-şi asume îndeplinirea unor funcții ca: transmiterea ziarului de partid vecinului său, să anunțe Staff-ul despre apariția unei noi foi volante a oponenților.

Acțiuni de tip ,,de la ușă la ușă" s-au desfășurat în municipiile Chișinău, Bălți, în orașele, raioanele şi comunele republicii. În acest aspect s-au evidențiat îndeosebi Partidul Socialiștilor din Republica Moldova (PSRM), Partidul Democrat din Moldova (PDM), Partidul Liberal Democrat din Moldova(PLDM), Partidul Comuniștilor din Republica Moldova (PCRM), Partidul Liberal (PL), Mișcarea Populară Antimafie.

În cadrul acțiunilor ,,de la ușă la ușă" au fost distribuite materiale agitaționale propagandistice ale partidelor: foi volante şi ziare ale partidelor în care se arătau avantajele partidului în raport cu oponenții săi, materiale cu argumente contra oponenților. Alegătorii care au manifestat simpatii față de partid, candidat, au fost rugați să-şi convingă vecinii, rudele, prietenii să voteze pentru partid (candidat) şi să vină în mod obligatoriu la alegeri.

Internetul este foarte comod pentru plasarea programelor şi a declarațiilor electorale ale partidului (candidatului). Având acces la internet şi folosind-ul corect liderul partidului (candidatul) poate să fie sigur, că declarația sa nu va fi denaturată sau va fi însoțită de o imagine indecentă.

Toate partidele, candidații independenți au utilizat Web site-urile în timpul campaniei electorale. Alegătorii au fost familiarizați cu viziunile şi ideile parti-

dului (candidatului). De asemenea, a fost favorizată formarea imaginii partidului, a avut loc recrutarea voturilor, precum şi prezentarea inițiativelor politice şi a programelor partidului (candidatului).

Agitația telefonică este, de facto, o formă a comunicării anonime care, într-o formă simplă şi clară, permite familiarizarea alegătorului cu ideile de bază şi cu imaginea partidului (candidatului). Agitația telefonică este una din metodele contemporane de agitație foarte eficientă. Această formă de activitate a fost utilizată de PSRM, PLDM, PDM, Mișcarea Populară Antimafie şi altele.

O formă eficientă şi ingenioasă de agitație electorală este publicitatea pe transportul urban. Autovehicule cu publicitate vizuală au fost observate în raionul Briceni - concurentul electoral PDM, în raionul Ungheni - PSRM, în municipiul Chișinău - PLDM, PDM, PSRM.

O altă formă de agitație electorală este afișajul electoral. Conform Regulamentului CEC privind panourile publicitare în perioada electorală, se interzice amplasarea afișelor electorale în încăperile în care sunt amplasate consiliile şi birouri electorale şi la o distanta de 50 de metri de la acestea. În campania electorală, însă, s-a constatat afișaj electoral neautorizat în nemijlocita apropiere de Birouri electorale ale secțiilor de votare (BESV) în cel puțin 6 Secții de votare (SV) 3 Rîşcani, Alexandreşti (Rîşcani), SV 11 Baccealia, SV 36 Constantinovca, SV 25 Caşcalia, SV 3 Căuşeni, SV 143 Chișinău). Afișele electorale neautorizate depistate erau în favoarea PDM, PSRM, PLDM, Partidul Liberal Reformator PLR [7, p.12].

Cercetările demonstrează că un partid (candidat), puţin cunoscut, doar distribuind pliante, foi volante şi ziare de partid, fără desfăşurarea altor acţiuni electorale poate obţinepână la 5% din voturi. Foile volante, pliantele, ziarele mai ales dacă sunt executate calitativ, atrag atenţia alegătorului şi pot fi citite practic de toţi alegătorii. Conform sondajelor sociologice, mai mult de 50% din alegători fac cunoştinţă cu ideile de bază ale platformelor electorale ale candidaţilor anume din aceste surse, primite din centrele de difuzare a ziarelor partidelor, prin poştă sau difuzate în stradă.

Materialele electorale variate (fulare, pixuri, calendare sau fîşii parfumate pentru autovehicule) au fost distribuite de concurenţii electorali PDM, PLDM, PCRM, PSRM, precum şi de candidaţii independenţi Valeriu Pleşca şi Oleg Cernei.

Una din cele mai răspândite şi eficiente tehnologii electorale este întâlnirile cu alegătorii. Întâlnirea candidatului cu alegătorii este cel mai eficient şi puternic mijloc de agitaţieşi are cel mai înalt randament. Întâlnirea candidatului cu alegătorul este un eveniment, mai cu seamă pentru alegător, care va împărtăşi impresiile cu familia, colegii, prietenii.

Întâlnirile cu alegătorii s-au desfăşurat pe parcursul întregii campanii electorale, din momentul înregistrării candidaţilor, până în ultima vineri înainte de

alegeri. La întâlnirile cu alegătorii au fost abordate probleme sociale şi economice care-i preocupă pe alegători.

În perioada campaniei electorale s-au organizat şi alte activități de agitaţie electorală ca: petreceri pentru tineri, concerte (municipiul Chișinău - concurenții electorali PDM, PLDM, PCRM, PSRM); (oraşele Orhei, Rîşcani, Căuşeni – concurenții electorali PDM, PLDM, PCRM, PSRM); corturi de publicitate electorală - concurenţii electorali PSRM, PDM, PLDM, PL, PLR.

O condiție importantă ce influențează perceperea mesajelor electorale este încrederea în organele mass-media. Astfel, în noiembrie 2014, Institutul de Politici Publice a publicat rezultatele unui sondaj de opinie. La întrebarea: „Care este cea mai importantă sursă pentru informarea Dvs?”, răspunsurile au fost următoarele: televiziunea – 82% din respondenţi; radioul – 39%, internetul – 20%, ziarele – 17% [8, p.28].

În Republica Moldova, mass-media numără 64 de posturi de televiziune (5 cu acoperire națională), 57 stații de radio, circa 400 de publicații scrise şi numeroase mass-media online. [9, p.6]

Mass-media aflată sub jurisdicția Republicii Moldova a reflectat campania electorală pentru alegerile parlamentare în conformitate cu prevederile Constituției Republicii Moldova, Codului Electoral, Codului Audiovizualului, Legii Presei, Legii cu privire la asigurarea egalităţii de şanse între femei şi bărbaţi şi actelor internaționale la care Republica Moldova este parte.

Audiovizualul. Ținând cont de impactul major pe care îl are audiovizualul asupra creării opiniei publice şi de credibilitatea mare a acestuia în rândul populaţiei, s-a urmărit identificarea unghiurilor de abordare şimodalităţilor de prezentare a subiectelor relevante.

Televiziunea reprezintă cea mai importantă sursă de informaţii, în special în afara capitalei. Menţionăm că 11 televiziuni din republică au difuzat un număr de ştiri electorale semnificative, iar televiziunea publică *Moldova 1* a fost una dintre cele mai influente instituţii media. În timpul campaniei electorale, 4 televiziuni – *Prime TV, Publika TV, Canal 2* şi *Canal 3,* au mediatizat masiv un singur concurent electoral – PDM, plasându-l deseori în context pozitiv şi favorizându-l. Totodată, 2 televiziuni - *Accent TV* şi *Jurnal TV,* au mediatizat masiv concurentul electoral PDM, plasându-l, preponderent, în context negativ şi defavorizându-l, iar *TV 7* şi *TV N4* au favorizat într-o anumită măsură concurentul electoral Partidul Liberal Democrat din Moldova (PLDM) şi pe liderii acestuia. Posturile de televiziune au difuzat împreună 80 de emisiuni cu caracter electoral în cadrul cărora au fost mediatizaţi 17 concurenţi electorali din totalul de 24. Cei mai mulţiconcurenţi electorali au fost mediatizaţi la *TV 7* (20), iar cei mai puţini la *În profunzime* de la *Pro TV Chişinău* (6). Patru concurenţi electorali PLDM, PSRM, PL şi candidatul independent Oleg Cernei au plasat publicitatea electorală la posturi de televiziune.

În cele mai multe cazuri, moderatorii au avut un comportament adecvat față de concurenţii electorali. Totuşi, la postul public de televiziune s-au înregistrat abateri în acest sens, moderatorii dezbaterilor electorale de la *Moldova 1* au continuat şi în ultimele zile de campanie să ignore principiul echidistanţeişi al corectitudinii, adoptând o atitudine mai degrabă defavorizată faţă de concurenţii electorali.

Cea mai mare vizibilitate prin intermediul spoturilor electorale a avut-o PDM, iar cea mai mică - Blocul electoral „Alegerea Moldovei - Uniunea Vamală" şi Partidul Politic „Forţa Poporului" (PPFP).

Adică, în timpul campaniei electorale, televiziunile au continuat politicile editoriale anterioare, iar o parte din posturile de televiziune au continuat să favorizeze anumiţiconcurenţi electorali şi / sau să-i defavorizeze pe alţii, în detrimentul informării adecvate a electoratului [10, p.4].

Radioul. Datorită faptului că alegătorul modern citeşte mai puţin presa, creştepotenţialul radioului ca sursă alternativă de informare. În timpul campaniei electorale şi, mai ales, în ultima săptămână de campanie, unii radiodifuzori (Radio Moldova, Vocea Basarabiei) au alocat spaţiu pentru reflectarea subiectelor electorale atât în buletinele de ştiri, cât şi spoturilor de educaţie electorală, dar şi dezbaterilor şipublicităţii electorale, iar alţii s-au limitat la difuzarea spoturilor de educaţie electorală şi a publicităţiiconcurenţilor în alegeri (*Radio Noroc, Radio Plai*). Cele mai multe şi diverse ştiri au fost difuzate de radiodifuzorul public naţional Radio Moldova (207), iar cele mai puţine – de postul de *Radio Noroc* (28). *Radio Moldova* s-a evidenţiatşi prin difuzarea unui număr mare de spoturi de educaţie electorală, dar şi prin organizarea emisiunilor de dezbateri cu participarea unui număr mare şi divers de concurenţi electorali.

Posturile de radio au reflectat campania preponderent în materiale simple, rata ştirilor conflictuale fiind mică (aproximativ 5%). O mare parte a ştirilor controversate au fost dezechilibrate (57%), iar atitudinea autorilor a fost corectă şi nepărtinitoare în marea majoritate a cazurilor (97%). Cele mai multe materiale dezechilibrate au fost înregistrate la *Vocea Basarabiei* şi *Russkoe Radio* (câte 7 şi respectiv 5).

Majoritatea posturilor de radio au citat preponderent funcţionari de stat şi ştirile relevante, excepţie făcând *Vocea Basarabiei* şi *Radio Moldova* care au asigurat o diversitate mai mare a surselor. Totodată, din punctul de vedere al raportului gender al surselor citate, s-a constatat un dezechilibru masiv în defavoarea surselor de sex feminin (10% *versus* 90% surse de sex masculin). Una din cauzele principale este faptul că femeile nu dispun de resurse financiare „saci cu bani" cu care pot să vină şi să le verse pe masa liderilor de partide [11].

Radio Moldova, Vocea Basarabiei şi *Russkoe Radio* au asigurat accesul unui număr mare de concurenţi electorali atât în ştiri, cât şi în emisiunile de dez-

bateri, în timp ce *Radio Noroc* şi *Radio Plai* au oferit cuvânt unui număr infim de concurenţişi n-au reflectat campania electorală în ştiri.

Judecând după frecvenţaşi contextul apariţiilor concurenţilor electorali, se poate afirma că la *Radio Moldova* şi *Russkoe Radio* nu s-a constatat favorizarea sau defavorizarea clară a vreunui concurent electoral. Postul de radio *Vocea Basarabiei* a continuat să favorizeze PLDM prin numărul mare de intervenţii directe şi menţiuni în context pozitiv. Celelalte posturi de radio – *Radio Noroc* şi *Radio Plai* – nu au avut suficiente ştiri referitoare la concurenţii electorali pentru a putea fi evaluat comportamentul acestora.

La 7 noiembrie 2014, Consiliul Coordonator al Audiovizualului (CCA) a prezentat primul raport de monitorizare a mass-mediei pentru perioada 20-29 octombrie. În baza constatărilor, CCA a emis avertizări publice în adresa a trei posturi de radio pentru acoperirea preferenţială a anumitor concurenţi.

Mass-media online. Portalurile de asemenea au reflectat pe larg campania electorală. Numărul materialelor cu caracter electoral direct şi indirect, publicate de cele 10 portaluri monitorizate de Coaliţia Civică pentru Alegerile Libere şi Corecte, Asociaţia Presei Independente şi Centrul pentru Jurnalism Independent în săptămâna 23-30 noiembrie 2014 a crescut foarte mult, aproape dublându-se faţă de săptămâna precedentă (1160 ştiri electorale pe o suprafaţă de peste 2 milioane de semne).

Printre portalurile cu cele mai multe materiale relevante se numără *Realitatea.md* (152), *Deschide.md* (150), *Politik.md* (135) şi *Unimedia.info* (129) [12]. A crescut şi numărul materialelor de educaţie electorală, în total fiind publicate 35 de articole de acest fel, cele mai multe pe *Realitatea.md* (11) şi *Moldova 24.info* (10).

Tendinţa de prezentare dezechilibrată a părţilor în materialele de conflict s-a păstrat la majoritatea portalurilor. Astfel, peste 71% din totalul celor 153 de materiale controversate au citat o singură parte în conflict. Cea mai mare cotă a ştirilor dezechilibrate din totalul materialelor conflictuale au fost înregistrate la *Noi.md* (36 din cele 38 ştiri care au abordat un conflict au fost dezechilibrate – 94,7%), *Jurnal.md* (94,1%), *Deschide.md* (65%), *Moldova 24.info* (73,9%) şi *Moldova.org* (88%, notă: în cazul acestui portal numărul materialelor de conflict a fost mai mic).

Majoritatea materialelor (81,7% din ştiri, cu excepţia materialelor de educaţie electorală) au fost nepărtinitoare, în celelalte însă poziţia autorului a fost evidentă. La *Unimedia.info* au fost nepărtinitoare toate materialele, cu o singură excepţie. Portalurile *Omg.md, Noi.md, Politik.md* şi *Jurnal.md* au înregistrat cele mai mari discrepanţe dintre numărul de materiale nepărtinitoare şi cele care au transmis opinia / poziţia autorului faţă de subiectul abordat.

În calitate de surse de informaţie, portalurile online au recurs de cele mai multe ori la politicieni (40,8% din cele 872 de surse), experţi (25,8%) şi funcţionari de stat (16,7%), ponderea cetăţenilor simpli fiind mult mai mică.

Ca şi în perioadele precedente, ştirile electorale au fost puternic dezechilibrate din punctul de vedere al raportului gender, marea majoritate a surselor citate fiind de sex masculin (91,6%). Cel mai bun indicator de reprezentare a genurilor a fost înregistrat de *Jurnal.md* (27 surse feminine sau 21,4% din total). Portalul *Moldova24.info* nu a avut în perioada de referinţă nicio sursă de gen feminin.

Majoritatea portalurilor au reflectat preponderent subiecte despre partidele parlamentare din coaliţia de guvernare şiopoziţia parlamentară, iar partidele extraparlamentare, la fel ca şicandidaţiiindependenţi, au fost reflectaţi mai puţin sau deloc.

După spaţiul alocat, frecvenţaşi contextul apariţiilor directe şi a menţiunilor protagoniştilor, la *Deschide.md* s-a remarcat o uşoară favorizare a PL, iar *Moldova.org* a favorizat uşor PLRşi PDM prin numărul mai mare de apariţii şi menţiuni în context pozitiv.

În materialele publicate de portalul *Moldova24.info* este evidentă defavorizarea PLDM, iar *Noi.md* a favorizat concurentul electoral PCRM prin numărul mare de menţiuni, majoritatea în context neutru şi pozitiv, dar şi o suprafaţă mare pentru intervenţii directe. Totodată, concurenţii electorali Partidul Politic Partidul Popular din Moldova (PPRM) şi PSRM au fost mai curând defavorizaţi prin numărul mare al prezentărilor în context negativ.

Jurnal.md a favorizat PLR prin prezentarea aproape exclusivă în context pozitiv şisuprafaţa mare alocată pentru intervenţiile directe ale reprezentanţilor acestui concurent electoral. Ca şi pe întreaga perioadă a monitorizării, PDM a apărut aproape de fiecare dată în context negativ (de 53 de ori). În context preponderent negativ, dar mult mai rar decât PDM, a fost prezentat concurentul electoral PPRM, uneori PLDM, PSRM şi PCRM.

Omg.md a continuat să mediatizeze doar câţivaconcurenţi electorali, favorizând masiv concurentul electoral PPRM, prin suprafaţa alocată apariţiilor directe / citate şiapariţii în context neutru şi pozitiv. În acelaşi timp, PDM şi PLDM, mai rar PCRM, au fost criticaţi dur şidefavorizaţi prin prezentarea frecventă în context negativ, iar *Newsmaker.md* a favorizat PPRM, prin mediatizarea frecventă (46 de apariţii, inclusiv 10 în context pozitiv şi 34 în context neutru) şi o suprafaţă foarte mare pentru intervenţii directe.

Politik.md a favorizat concurenţii electorali PPRM şi PSRM, prin numărul mare de apariţii preponderent în context pozitiv şisuprafaţa pentru intervenţii directe. La celelalte portaluri nu s-au evidenţiattendinţe clare de favorizare sau defavorizare a vreunui concurent electoral.

Presa scrisă. În prezent, pe piaţainformaţională autohtonă activează 12 agenţii informaţionale, care pot fi considerate principalii furnizori de ştiri ai presei scrise. Agenţiile de presă se prezintă ca un organism integru care dă tonul presei moldoveneşti, influenţând modul de selectare a subiectelor. Doar două agenţii de ştiri – *Moldopress* şi *Infotag* au difuzat 600 de ştiri timp de două luni (28 septembrie-28 noiembrie 2014) cca. 60% din ele revenind agenţiei *Infotag*. Agenţia informaţională de stat *Moldopress* a difuzat multe ştiri care i-au pus în lumină pozitivă pe liderii PLDM, PDM, PL, în calitatea lor de preşedinţi ai formaţiunilor politice.

În anul 2014 în Republica Moldova s-au editat 230 ziare, inclusiv 45 raionale şi de teritoriu, cu un tiraj de peste 32 milioane exemplare[1].

În perioada campaniei electorale a sporit considerabil interesul cititorilor faţă de informaţiile din presă şi s-a majorat tirajul ziarelor care număra peste 40 de milioane de exemplare. De altfel, în această perioadă au fost publicate şi suplimente ale unor ziare cu tiraj deosebit de mare.

Numai pe parcursul unei luni (în perioada 28 octombrie-28 noiembrie 2014) presa scrisă, inclusiv agenţiile de presă şi portalurile web, au publicat în total peste 4560 de materiale, precum şiştiri, articole de opinie, publicitate electorală, interviuri şi alte materiale din categoria programelor electorale, sondaje de opinie etc. Specificăm că concurentul electoral PSRM a difuzat în toată republica ziarul „Socialiştii" (în limbile română şi în rusă) cu un tiraj de peste 900.000 de exemplare[2].

În campania electorală PSRM a criticat dur Acordul de Asociere cu Uniunea Europeană, atenționând că acesta va duce economia Moldovei la o catastrofă din cauza pierderii celor mai importante piețe de desfacere – din Rusia și CSI. PSRM a atenționat că Republica Moldova este o țară ortodoxă. Acordul cu UE și legile complementare adoptate de eurounioniști contribuie la distrugerea tradițiilor noastre multiseculare, favorizând homosexualitatea și alte „valori" străine poporului nostru. Uniunea Vamală este garanția păstrării credinței noastre, a istoriei, culturii și tradițiilor [13, p.5].

Ziarele din republică au publicat în campania electorală peste 1000 de articole care au vizat direct sau indirect alegerile. Cele mai multe materiale relevante au apărut în *Moldova Suverană* (84) şi*Nezavisimaia Moldova* (72). Menţionăm că 75% din articole au fost din categoria ştirilorobişnuite, iar 25% au abordat un subiect controversat în contextul electoral. Mai puţin de 15% din articole consacrate temei electorale au fost nepărtinitoare, celelalte au relatat despre alegeri şiconcurenţii electorali prin prisma autorului şi opinia acestuia.

---

[1] *Datele au fost furnizate de Camera Naţională a Cărţii din Republica Moldova la 15 decembrie 2014.*
[2] *Datele au fost calculate de către autor conform tirajului.*

Cotidianul *Nezavisimaia Moldova* a continuat să favorizeze masiv PCRM, care a fost prezentat aproape exclusiv în context pozitiv. PLDM, PDM, PL, mai rar PSRM şi PPRM, dimpotrivă, au fost defavorizaţi prin prezentarea aproape de fiecare dată în context negativ.

Principiul egalităţii de gen a fost în mare parte neglijat. În ziarul *Nezavisimaia Moldova* doar 8% din surse au fost femei, iar *Moldova Suverană* nu a citat nicio sursă de gen feminin în articolele despre campania electorală. Una din cauzele principale este faptul că femeile nu dispun de resurse financiare „saci cu bani" cu care pot să vină să le verse pe masa liderilor de partide. Ziarele *Moldova Suverană* şi *Nezavisimaia Moldova* nu s-au preocupat de educaţia electorală a cititorilor săi, în total fiind publicate în ambele publicaţii doar 7 materiale de acest gen. Cotidianul *Timpul* a favorizat concurentul electoral PL care a fost menţionat de mai multe ori în context pozitiv, iar PSRM şi PCRM, dimpotrivă, au avut cele mai multe apariţii în context negativ. *Jurnal de Chişinău* nu a favorizat vreun concurent electoral, iar PSRM şi PCRM au fost menţionaţi preponderent în context negativ. *Komsomoliskaia Pravda v Moldove a* scris doar în context neutru, iar *Vesti Găgăuzii*, practic, nu s-a referit la concurenţii în alegeri.

Cotidianul *Panorama* a favorizat clar concurentul electoral *Partidul Politic Partidul „Renaştere-Vozrojdenie„* (PPP„Renaştere"), care a apărut în temei în context pozitiv şi i s-a oferit un spaţiu relativ mare pentru intervenţii directe. În schimb PDM a fost defavorizat masiv, prin prezentarea frecventă în context negativ. Totodată *Ziarul Naţional* a defavorizat masiv PPRM prin prezentarea frecventă în context negativ (de 15 ori). Concurentul electoral PLDM, dimpotrivă, a fost favorizat, fiind unicul partid prezentat în context pozitiv.

În multe articole din ziare se accentuează faptul că transparenţa financiară prin care să fie informaţi alegătorii cu privire la cei care sprijină financiar n-a fost asigurată. Drept confirmare sunt aduse un şir de cazuri de finanţare ilegală a campaniei electorale. Corupţia parlamentară a servit drept teren rodnic pentru finanţarea ilegală a partidelor politice, fapt ce antrenează cheltuieli serioase din resurse de stat şi împiedică funcţionarea normală a instituţiilor democratice. Aceasta are loc din cauza lipsei unei legislaţii care ar permite un control riguros al finanţării participanţilor la scrutinele electorale şi al securităţii financiare a statului în special.

Apropo, cu patru zile înaintea alegerilor, (CEC) a propus să excludă din campania electorală Partidul Politic „Patria" condus de Renato Usatîi. Decizia CEC a venit în urma unei sesizări a Inspectoratului General de Poliţie care a acuzat acest partid că ar fi folosit în campania electorală resurse financiare din străinătate - 430 000 de euro [14]. Renato Usatîi însă a declarat că toate aceste acuzări sunt „fabricate politic" şi înscenate de către angajaţii Inspectoratului General de Poliţie.

Reprezentanții CEC au declarat că au acționat conform legii, iar ambasada SUA în Moldova s-a autosesizat în privința deciziei de a exclude Partidul Politic „Patria" din lista electorală. Într-un comunicat de presă, reprezentanții misiunii diplomatice se arătau îngrijorați de felul în care se respectă supremația legii în țara noastră.

De altfel, potrivit unui sondaj publicat la 23 noiembrie 20014, cinci formațiuni politice puteau intra în Parlament în urma alegerilor din 30 noiembrie 2014 din Republica Moldova:

- PCRM – 19,6%;
- PLDM – 17,2%;
- Partidul Politic „Patria" – 8,7%;
- PL – 8,5%;
- PSRM – 5,3% [15].

Adică, este clar de înțeles că participarea în campania electorală a Partidului Politic „Patria" făcea bătăi de cap, griji unor concurenți electorali și liderilor acestora.

Majoritatea partidelor politice, lansate în cursa electorală pentru parlamentarele din 30 noiembrie 2014, şi-au făcut public sloganurile electorale cu care au mers în campanie. Unele au promovat combaterea corupţiei, altele au ţinut să-şi exprime poziţia privind vectorul politicii externe sau chiar să-şi scoată în prim-plan liderii.

Cele mai multe partide au promovat dezvoltarea Republicii Moldova. PDM s-a lansat în campanie cu sloganul „Creştem Moldova!" [16, p.8]. PPP „Renaştere" – cu sloganul „Să renaştem Moldova împreună!", PPRM – cu sloganul „E timpul să întoarcem Moldova poporului!" [17, p.2]. PSRM şi-a exprimat opţiunile pentru Rusia în sloganul „Moldova are nevoie de altceva!" [18, p.10-16].

PLR şi Partidul Politic „Patria" au avut mesaje de luptă cu corupţia. Sloganul de campanie al PLR a fost „Pentru Moldova fără oligarhi!", iar al Partidului Politic „Patria" – „Moldova fără corupţie!". Cu un slogan similar a mers în campanie şiMişcarea Populară Antimafie – „Nicio obligaţiune în afara interesului public!"

PLDM a promovat apropierea de Uniunea Europeană – „Înainte, spre un viitor european!", iar PL a adăugat şi aderarea la NATO – „Cu PL în familia NATO şi UE!" Partidul Naţional Liberal (PNL) a transmis un mesaj proeuropean, dar şi unionist – „În Europa – prin România!", iar PCRM şi-a promovat nu doar denumirea, ci şi numele liderului lor prin intermediul sloganului – „Doar PCRM! Doar Voronin!" [19, p.2].

Toate sloganurile reprezintă rezultatele unei activităţi migăloase a partidelor pe parcursul a câtorva ani. Şi PDM, şi PLDM, şi PLR, şi PL, şi PSRM, şi PCRM şi-au testat aceste mesaje prin măsurarea opiniilor, opţiunilor, aşteptări-

lor, atitudinilor electorilor fideli, dar ele, totodată, reflectau şiintenţia partidelor de a-şi lărgi aria votanţilor lor.

Sloganurile electorale au fost adresate în mare parte acelor cetăţeni care nu se orientează în procesele politice din Republica Moldova. Această categorie de cetăţeni nu cunoaşte cine se află în spatele liderului, prin ce s-a manifestat echipa aceasta în trecut, care au fost poziţiile respectivului concurent electoral pe diferite probleme cu care s-a confruntat societatea noastră până în prezent. Ele permit totuşi alegătorului să se identifice cu o anumită formaţiune politică. Aceste mesaje trebuie percepute critic, întrucât ţara nu se guvernează prin sloganuri, cu atât mai mult că e vorba de coaliţii aflate la putere. Adică, alegătorul trebuie să aibă o percepere critică faţă de tot ce ni se pune la dispoziţie de către concurenţii electorali ca să nu fie sensibil faţă de sloganul formaţiunii pentru care va opta la alegeri.

În mesajele partidelor democratice din mass-media a fost promovată pe larg ideea integrării europene, care reprezintă o prioritate a politicii interne şi externe a Republicii Moldova. Platformele electorale ale partidelor democratice, în special, PLDM, PDM, PL, PLR şi altele subliniază „Cursul spre Europa”. Implementarea reformelor interne în domeniul consolidării democraţieişi statului de drept, în conformitate cu standardele europene, reprezintă o condiţie de maximă importanţă pentru integrarea europeană.

De remarcat, în context, că cea mai reuşită campanie mediatică de promovare a ideii de integrare europeană au desfăşurat-o în timpul campaniei electorale posturile publice *Moldova 1, Radio Moldova, Vocea Basarabiei,* posturile TV private cu acoperire naţională *Prime TV, 2 Plus* precum şi posturile *Publika TV* şi *Jurnal TV*.

Ziarele cele mai insistente în reflectarea problemei integrării europene au fost *Timpul, Jurnal de Chişinău* şi *Ziarul de Gardă*.

Menţionăm, însă, că opţiunea europeană spune mult şi nimic electoratului autohton. Pe fondul unei sărăcii generale a cetăţenilor moldoveni, mult mai concrete şi atractive devin mesajele şi sloganurile referitoare la salarii, pensii, fiscalitate, ocrotirea sănătăţii, învăţământ, îndemnizaţii pentru naşterea, creştereaşi îngrijirea copiilor şi altele.

De altfel, alegătorii nu apreciază activitatea unui partid după vectorul politicii externe al acestuia, după promisiuni goale, ci după nivelul de trai. Dacă în timpul URSS, 80% din cetăţenialcătuiau clasa de mijloc şi care trăiau bine, aveau locuri de muncă, salariu, acces la învăţământ gratuit etc., în prezent clasa de mijloc alcătuieşte doar 8-10%, cetăţeni care trăiesc normal nu se gândesc ce va fi mâine, deoarece sunt asiguraţi. Actualmente, 80-85% sunt oameni care cu greu supravieţuiesc şi care au grija cum se vor alimenta a doua zi, nemaivorbind de condiţiile de viaţă.

De menționat că odată cu apropierea alegerilor parlamentare unele partide politice au încercat să demonstreze că se deosebesc de celelalte. În acest sens s-a remarcat PDM, anunțând că va organiza alegeri interne pentru desemnarea candidaților. Această declarație a fost oarecum curioasă, fiindcă mecanismul de desemnare a candidaților n-a fost elucidat. Pretențiile că era vorba despre un lucru absolut inovator în Republica Moldova sunt doar pe jumătate adevărate, fiindcă și alte partide au organizat alegeri interne pentru desemnarea liderilor de partid.

Chiar organizând aceste „alegeri interne democratice" pentru desemnarea candidaților și desfășurând una dintre cele mai masive campanii de agitație în republică, în consecință PDM a avut priză minimă din partea electoratului.

La alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014 rata de participare a alegătorilor a fost de 57, 28%, ceea ce constituie mai mult 1/3 din numărul de persoane înscrise în listele electorale și este suficient pentru a considera alegerile parlamentare valabile [3, p.668].

Rezultatele scrutinului au arătat că cinci partide au reușit să treacă pragul electoral: PSRM (20,5% - 25 mandate), PLDM (20,16% - 23 mandate), PCRM (17,48 – 21 mandate), PDM (15,8% - 19 mandate), PL (9,67% - 13 mandate) [20].

Într-o declarație de presă transmisă după încheierea scrutinului Jan Petersen, șeful misiunii OSCE de observare a alegerilor din Republica Moldova a declarat că: „într-un context politic divizat alegerile au fost administrate în mod profesionist" și a subliniat existența unor probleme în ceea privește transparența surselor de finanțare a partidelor politice și modul în care televiziunile private au redat informații cu privire la candidați și procesul electoral [21].

În context specificăm că o analiză atentă a rezultatelor scrutinului arată că partidele pro- ruse au câștigat alegerile de la 30 noiembrie 2014. PCRM, PSRM, PCRM (Partidul Comunist Reformator din Moldova) și Blocul electoral „Alegerea Moldovei – Uniunea Vamală" au acumulat împreună 741 083 voturi spre deosebire de partidele pro-europene care au acumulat 729.208 sufragii [20]. Rezultatele alegerilor din 2014 pot fi văzute și ca o consecință a unei inginerii electorale menită să favorizeze forțele pro-europene care a însemnat: scindări și imposibilitatea creării unei coaliții pre-electorale între forțele pro-ruse, creșterea pragului electoral de la 4% la 6% pentru partide și eliminarea din cursa electorală a Partidului Politic „Patria". Din 2014 din PCRM s-a desprins Partidul Comunist Reformator, care a acumulat aproape 5% din voturi, nereușind să treacă pragul electoral de 6%. După cum declara Vladimir Voronin, PCR a fost creat special pentru a lua o parte din voturile PCRM [22, p.12-13]. Cel mai probabil alegătorii în vârstă care au votat pentru PCR nu și-au dat seama că de fapt îl - confundă cu PCRM. Partidul Politic „Patria", PSRM și PCRM au refuzat să încheie alianțe pre-electorale, deși aveau deziderate politice similare. În plus Vla-

dimir Voronin a dat un interviu în care i-a criticat dur pe Igor Dodon și Renato Usatîicu doar o săptămână înainte de scrutin.

Totodată, alegerile parlamentare din 2014 au demonstrat că problema transformării sistemului politic moldovenesc într-un sistem democratic de partid nu este scoasă de pe ordinea de zi. Chiar dacă cele trei partide pro-europene PLDM, PDM şi PL au câştigat cele mai multe voturi şi mandate (55) și dețineau suficiente voturi pentru a alege președintele Parlamentului, însă nu au reușit să obțină numărul necesar de mandate pentru ca să rezolve de sine stătător toate întrebările (alegerea Șefului statului, schimbările și modificările în Constituție etc.)

La 23 ianuarie 2015, după 7 săptămâni de negocieri a fost creată o coaliție minoritară a PLDM și PDM (susținută de PCRM), situație care a semnalat eșecul în crearea unei majorități pro-europene care să includă și PL. Cu toate că acordul de constituire a Alianței Politice pentru o Moldovă Europeană menținea cel puțin formal deziderațul cu privire la integrarea europeană a Republicii Moldova, noua coaliție a fost primită cu rezerve sau criticată dur de vocile societății civile și presei [23, p.2]. Experții au pus sub semnul întrebării procesul de integrare europeană a Republicii Moldova.

De menționat că contextul în care s-a desfăşurat procesul electoral, durata negocierilor și crearea unei coaliții cu viitor incert, demonstrează faptul că Republica Moldova se află în fața unei opțiuni cruciale care înseamnă stagnarea în situația actuală a reformelor foarte limitate sau relansarea acestora ca unică perspectivă de a obține un parcurs european.

Bibliografie

1. Popa V. Dreptul parlamentar al Republicii Moldova. - Chișinău, ULIM, 1999.
2. Monitorul Oficial al Republicii Moldova 2014, Nr.152.
3. Electorala 2014: 30 noiembrie 2014. Documente și cifre cu privire la alegerile parlamentare de legislatura a 20-a. Partea I. - Chișinău, 2015.
4. Emisiunea „Sinteza săptămânii” din 02.02.2014, www.prime.md/rom/shows/item4/.
5. Alegerile parlamentare în Moldova din 30 noiembrie 2014, www.alegeri.md (accesat 22.01.2015).
6. Codul Electoral. - Chișinău, 2010.
7. Coaliția Civică pentru Alegerile Libere și Corecte, Asocia Promo-Lex. // Raport privind monitorizarea alegerilor din 30 noiembrie 2014.
8. Barometrul Opiniei Publice. Institutul de Politici Publice, noiembrie 2014. – Chisinau, 2014
9. Biroul OSCE pentru Instituții Democratice şi Drepturile Omului, Misiunea de Observare a alegătorilor. // Raport interimar 24 octombrie – 11 noiemb-

rie 2014 privind alegerile parlamentare din 30 noiembrie 2014. - Chişinău, 2014.
10. Monitorizarea mass-media în campania electorală pentru alegerile parlamentare 2014. Concluzii generale. Raport nr.6, 23-30 noiembrie 2014, p.4.
11. Alegeri 2014: cât de reprezentativi sunt reprezentanţii poporului? Interviul postului de Radio Europa Liberă cu analistul politic Igor Boţan din 15 noiembrie 2014, http:www.alegeri.md/?p=2088 (accesat 22.01.2015).
12. Monitorizarea mass-media în campania electorală pentru alegerile parlamentare 2014. Raport nr.6, 23-30 noiembrie 2014, www.alegeliber.md, www.media-azi.md, www.apel.md (accesat la 22.01.2015).
13. Ortodoxismul și sistemul unic de valori. // Socialiștii, 18 octombrie 2014.
14. www.publika.md/cum-a-reacţionat-renato-usatîi-când-a-auzit-că-partidul-patria-a-fost-exclus-din-cursa-electorală_2170191.html (accesat la 22.01.2015).
15. www.hotnews.ro/stirea-esențial-18672692-moldova-partidul-patria-putea-exclus-din-alegeri-inregistrare-audio-seful-acestuia-renato-usatii-admitind-primeste-ordine-fostul-kgb.htm (accesat la 22.01.2015)
16. Partidul Democrat din Moldova în campania electorală. // „Săptămâna", 21 noiembrie 2014.
17. Partidele în competiţia electorală, la nivel de sloganuri. // „Jurnal de Chişinău", 28 octombrie 2014.
18. Platforma electorală a PSRM. // "Socialiştii", 18 octombrie 2014.
19. Partidele în competiţia electorală, la nivel de sloganuri. // „Jurnal de Chişinău", 28 octombrie 2014.
20. Alegerile parlamentare în Moldova din 30 noiembrie 2014. // www.alegeri.md (accesat la 22.01.2015).
21. Elections in Moldova were generally well administered, in a campaign influenced by geopolitical aspirations, say international observers, http://www.osce.org/odihr/elections/128526 (accesat 22.01.2015)
22. Voronin V. Aș vrea să fie deschise hotarele cu toate țările din UE și UV. // „Timpul", 25 decembrie 2014.
23. Tănase S. Monstruoasa coaliție sau cum antieuropenii au preluat puterea în Moldova. // „Timpul", 30 ianuarie, 2015.

Prezentat la redacție
la 21 iulie 2015

РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО СТИЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

Валентина СТАН
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский Государственный Университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, департамент политических и административных наук
Доктор политических наук, доцент

Юрий РАЙЛЯН
Республика Молдова, Кишинев, Европейский Университет Молдовы, факультет политических наук и международных отношений,
студент 3 курса

The key question that arises in the analysis of personal characteristics, is the conditions under which the personal characteristics of participants in the negotiations are the most important. The more clearly defined roles in the situation of the talks, the less influenced by personal factors on the course of negotiations. The more ambiguous negotiating situation, the greater the impact on the negotiation process have personal factors. From the above it can be concluded that personal style has more to do with the level at which negotiations are under way: the higher the level of negotiations, the independence of the participants in the decision, the less defined by their roles, and therefore more and more important their personal character. Therefore, issues related to the personal characteristics of the negotiation, particularly important for those cases where negotiations are taking place at high and top levels.

The negotiation process is an informal socio-psychological structure such as a set of different psychological types of personality, professionally prepared in different ways. In terms of individual psychological data typing possible physical constitution and characteristics of the nervous system. These include the traditional division into astenics, picnics and athletes, sanguine, choleric, phlegmatic and melancholic. There are many criteria for the classification of the individual.

Key words: *personal style, psycho, extroverted, introverted, sensing, intuit, logics, irrationals, raţionals*

Личностный стиль ведения переговоров складывается из оригинальных индивидуально-психологических и профессиональных характеристик каждого переговорщика [3, с.29].

Поведение каждого участника переговоров глубоко индивидуально: мера общения, способы подачи позиции, стилистика речи и особенности

риторики в дискуссиях, излюбленные тактические приемы и способы ухода – все это составляет представление о личностных особенностях переговорщика.

Персональные характеристики переговорщика – это те ведущие рычаги, которые влияют на исход переговоров. Данные характеристики измеряются такими понятиями как:

1. **Коммуникабельность -** умение устанавливать контакт с партнерами, вести конструктивный диалог, понимать партнера. Карнеги советовал соблюдать 12 правил общения в переговорах [4, с.295-521]:

- одержать верх в споре это уклонение от него;
- уважение к партнеру;
- признание своей неправоты;
- соблюдать дружелюбный тон;
- пусть большую часть времени говорит партнер;
- свои идеи должны подаваться эффектно;
- умейте бросать вызов;
- относитесь сочувственно к проблемам партнеров;
- направляйте партнеров на благородные мотивы;
- умение смотреть на вещи глазами партнера;
- пусть хорошая идея исходит от партнера;
- старайтесь, чтобы ваш партнер ответил «да» сразу.

2. **Волевые качества** – это гибкость, что очень важно для переговорщика.
3. **Компетентность,** которая измеряется высоким профессионализмом, знаниями и эрудицией.
4. **Моральный авторитет,** который предполагает репутацию и личную порядочность.

Умение владеть вышеназванными характеристиками во многом зависит и от психотипа переговорщика. Психологические типы по К.Юнгу выделяются в следующей таблице:

Таблица 1. Психологические типы К.Юнга [1, с.195]

Психотип		***Характеристика***
S	СЕНСОРИКИ	Прагматичны, скрупулезны, конкретны, пунктуальны, в процессе коммуникации стремятся точно выражать свои мысли, прирожденные практики.
N	ИНТУИТЫ	Обладают образным мышлением, склонны к интуитивным действиям, прирожденные теоретики

T	ЛОГИКИ	Ставят разум выше чувств, спорят ради истины, склонны критиковать недостатки оппонентов
F	ЭТИКИ	Склонны учитывать чувства других людей. Ценят гармонию в отношениях, деликатно ведут дискуссию
P	ИРРАЦИОНАЛЫ	Легко приспосабливаются к изменениям, способны гибко менять позицию в процессе общения. Чувствительны к атмосфере коммуникаций, склонны к спонтанным действиям
J	РАЦИОНАЛЫ	Дисциплинированны и организованны, склонны к порядку и расписанию, обсуждают проблемы последовательно и аргументированно, склонны к запланированным действиям
E	ЭКСТРАВЕРТЫ	Легко знакомятся и заводят разговор, одинаково открыты с приятелями и незнакомцами
I	ИНТРОВЕРТЫ	Обдумывают мысль, прежде чем ее высказать; прекрасные слушатели, подозрительно относятся к комплиментам, быстро устают в шумной компании

Личностный стиль переговоров складывается из оригинальных характеристик каждого переговорщика. В определенном смысле стиль есть выражение сущности самого человека; его индивидуальный психологический почерк. Исходя из психологических типов К.Юнга, учеными были выделены основные личностные стили ведения переговоров которые отражены в таблице 2.

Таблица 2 Основные личностные стили ведения переговоров [1, с.196]

Жесткие управленцы	**Мягкие управленцы**	**Гармонизаторы**	**Исследователи**
Жесткие переговорщики	Гибкие переговорщики	Конструктивные переговорщики	Этичные переговорщики
Маршал	**Политик**	**Новатор**	**Инициатор**
Стиль деятельно-реалистичный	Стиль спонтанно-игровой	Стиль азартно-изобретательный	Стиль гибко-инициативный

Администратор	**Энтузиаст**	**Предприниматель**	**Наставник**
Стиль ответственно-исполнительный	Стиль этически-ответственный	Стиль властно-инициативный	Стиль патерналистский
Инспектор	**Хранитель**	**Аналитик**	**Гуманист**
Стиль акцентированно-прагматичный	Стиль осторожно-консеративный	Стиль конструктивно-аналитический	Стиль гибко-интуитивный
Мастер	**Посредник**	**Критик**	**Романтик**
Стиль сдержанно-осмотрительный	Стиль деликатно-осмотрительный	Стиль критично-инициативный	Стиль нормативно-идеалистический

Каждый психотип имеет свои достоинства и недостатки.

A) К ПЕРВОЙ ГРУППЕ ОТНОСЯТСЯ ЖЕСТКИЕ ПЕРЕГОВОРЩИКИ

1. Маршал. На переговорах реалист, который никогда не станет обращать внимание на абстрактные предложения не имеющих отношение к делу.

Достоинства стиля. Маршал непревзойденный тактик: он быстро и точно реагирует на любую ситуацию. Гиперактивный лидер не испытывает страха перед новым и неизведанным, обладает высокими качествами коммуникабельности. Он остроумен, весел, легко устанавливает контакт [1, с.198].

Недостатки данного стиля. Маршалы не уделяют должного внимания планированию и подготовке переговоров. Они постоянно стремятся быть в центре внимания и пренебрегают нормами и правилами «игры».

Несмотря на указанные недостатки жесткий стиль наиболее эффективный в сложных, непредсказуемых переговорных ситуациях, особенно в условиях затяжного конфликта.

2. Администратор. Во время переговоров чувствует себя в своей стихии**.** Играет по правилам и чувствует себя на переговорах в своей стихии.

Достоинства стиля. Будучи экстравертом у него прослеживается тенденция навязывать свои суждения, правила и порядок ведения переговоров. Он легок в общении до тех пор, пока партнеры его слушают и соглашаются с ним.

Недостатки данного стиля. Администратор консервативен и привержен к испытанным методам и формам работы. Предсказуемость его поведения является главным недостатком данного стиля. Оппоненты очень легко могут предугадать их решение. Таких переговорщиков не стоит посы-

лать на сложные переговоры. Такой стиль может быть применен в стандартных переговорах.

3. Инспектор – выраженный прагматичный тип, интроверт достаточно настойчив и упрям.

Достоинства стиля. Он ничего не принимает на веру и не торопится делать предложения он очень требователен к партнерам, и склонен навязывать свои мнения. Другими качествами Инспектора являются объективность и материализм (логика) а также рациональность. Он обладает блестящими организаторскими способностями и изначально нацелен на результат. Он идеальный «солдат» и склонен к игре по правилам.

Недостатки данного стиля. Недостаточная гибкость, прямолинейность и нетерпимость к альтернативным подходам. Он неспособен тонко чувствовать атмосферу приговоров и психологию человеческих отношений. Сегодня данный стиль переговоров выбирает Хилари Клинтон, которая делает все так, как планировалось заранее.

4. Мастер. Один из самых сложных жестких переговорщиков.

Достоинства стиля. Данный стиль самый загадочный. Он получает удовольствие от немедленных результатов переговоров, получает быстро информацию и переходит к практическим аспектам переговоров, придавая особое значение личному пространству партнера.

Недостатки данного стиля. Склонность к риску и пониженное чувство опасности служат иногда Мастеру «медвежью услугу». Однако все новое, неисследованное и неожиданное ему интересно. Его хорошо посылать на сложные переговоры с новыми партнерами [1, с.204].

Б) ДРУГАЯ ГРУППА СТИЛЕЙ СОСТАВЛЯЮТ: ГИБКИЕ ПЕРЕГОВОРЩИКИ

1. Политик. Стиль спонтанно-игровой, экстравертный.

Достоинства стиля. Политик - блестящий тактик. Он является терпимым к людям, склонен избегать конфликтных ситуаций. Однако для него стол переговоров суть поле битвы. Он предпочитает игру без правил. Политик - яркий лидер, харизматик. Он проявляет терпимость к людям. Старается избегать конфликтов.

Недостатки данного стиля. Спонтанность за столом переговоров отсутствие планирования могут стать причиной стресса за столом переговоров. Спонтанно-игровой стиль эффективен против неуступчивых партнеров.

2. Энтузиаст. Экстраверт, рационален, привержен к традициям и ритуалам, распорядку и организации.

Достоинства стиля. Являются самокритичность и выраженный ориентир на высокие профессиональные стандарты за столом переговоров. Он

любит тщательную подготовку к переговорам. Его документы в идеальном порядке и чувство ответственности является определяющим [1, с.208].

Недостатки данного стиля. Стремление к гармонии и порядку энтузиасты упускают личные цели. Они жертвуют собственными интересами во имя нужд других людей. Обладатели такого стиля сильно переживают неудачи и промахи.

3. Хранитель – интроверт, осторожен и аккуратен, служение другим их смысл.

Достоинства стиля. Это стиль осторожно-консервативный, который характерен служением другим. Его выделяет выраженное чувство долга, пунктуальность, ответственность и обязательность. Его организованность и практичность, его чувство долга делают его чрезмерно осторожным. На переговорах такой стиль определяет спокойный и сдержанный климат.

Недостатки данного стиля. Осторожность и сдержанность во время переговоров партнеры делают его чрезмерно серьезным, и он медлит темп переговоров. Партнеры насторожены во время переговоров и критикуют его за затягивание переговоров.

4. Посредник. Интроверт, внимателен к людям.

Достоинства стиля. Посредник ценит гармонию за столом переговоров и никогда не вторгается в личное пространство партнеров. Он гибкий тактик, и нацелен на непосредственный результат. А также он без труда приспосабливается к меняющейся обстановке.

Недостатки данного стиля. Однако его достоинства могут сыграть с ним злую шутку, оставить многие вопросы нерешенными. Данный стиль хорошо работает с жестким переговорщиком, смягчая, и гибко корректируя его позицию [1, с.212].

В) ИНИЦИАТИВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЩИКИ

1. Новатор. Экстраверт, с тонким чутьем, инициативен и изобретателен.

Достоинства стиля. Это экстравертный интуитивный тип. Во время переговоров он ориентируется на возможности. Новатор мыслит глобально и удивляет партнеров своими оригинальными логическими построениями. За столом переговоров Новатор предпочитает активное общение, дискуссии и споры. Он не придает особое значение правилам и регламентам.

Недостатки данного стиля. Как большинство экстравертов, новатор сторонник новых идей. Такой стиль можно использовать в сложных, рискованных, где требуется постоянно искать выход из тупиковой ситуации.

2. Предприниматель - экстраверт, властно-инициативный стиль, за столом переговоров проявляется очень активно.

Достоинства стиля. Это властно-инициативный стиль и за столом переговоров проявляет себя активным и азартным переговорщиком. Предприниматель, обладает красноречием и яркими лидерскими качествами. Подобный переговорщик руководствуется формулой «Цель оправдывает средства» [1, с.214].

Недостатки данного стиля. Излишняя агрессивность и высокомерие способны испортить отношения с партнерами**.** Он может прервать переговоры и уйти. Высокое самомнение может привести к недооценки партнеров.

3. Аналитик. Интроверт, конструктивно-аналитический стиль.

Достоинства стиля. Аналитик обладает способностью к систематической и последовательной работе. Он способен одновременно видеть конкретную проблему и всю переговорную ситуацию.

Недостатки данного стиля. Аналитик может казаться холодным и недружелюбным что мешает созданию партнерских дружеских отношений [1, с.216].

4. Критик. Интроверт, склонен к молчаливым размышлениям и построениям концепций.

Достоинства стиля. Стремление к логичности, профессионализму и совершенству во всем Критик много времени уделяет подготовке и планированию переговоров.

Недостатки данного стиля. Критик за столом переговоров к партнеру относится лишь отрицательно. Он создает атмосферу критики партнера и относится к нему не как к партнеру, а как к врагу.

Г) ЭТИЧНЫЕ ПЕРЕГОВОРЩИКИ

1. Инициатор. Экстраверт, харизматичен, но не организован.

Достоинства стиля. Положительным качеством Инициатора является то, что он умеет видеть в партнере положительные качества и искренне похвалить за эти качества. За столом переговоров он увлекается новыми идеями и забывает о порядке ведения переговоров.

Недостатки данного стиля. Инициатор может потерять свое «я», поддерживая и сопереживая за других.

2. Наставник. экстраверт, рационален, прекрасный оратор и душа компании.

Достоинства стиля. Холерик, по сути, Наставник одарен богатой интуицией и очень вовремя может оценить ситуацию за столом переговоров. Он обладает чувством юмора и поэтому он становится душой кампании.

Недостатки данного стиля. Он принимает конфликтные ситуации очень болезненно. Способен затаить обиду и даже уйти с переговоров. Та-

кое поведение за столом переговоров чревато их срывом и разрушением отношений с партнерами.

*3. **Гуманист***. Интроверт, общение не его стихия. Поэтому за столом переговоров он не чувствует себя уютно.

Достоинства стиля. Это уравновешенный стиль, спокойный, корректен и иногда эти качества мешают Гуманисту открыться в обществе.

Недостатки данного стиля. Данному стилю общение дается с трудом, поэтому часто в процессе переговоров он может показаться отстраненным.

*4. **Романтик***. Интроверт, легкий тип, приятный партнер в общении.

Достоинства стиля. Его позитивными сторонами являются творческий подход, отвращение к шаблонам. Интуиция помогает Романтику самый широкий круг возможностей.

Недостатки данного стиля. Склонность к морализму заставляет Романтика принимать внутренние решения, не посоветовавшись с партнером, что может привести к конфликту. Такой стиль эффективен в сложных переговорах.

Представляет интерес деление, разработанное Юнгом на **экстравертов** (расположенных к общению) и **интровертов** (не склонных к общению). Наиболее практическое значение для международного общения имеет деление по темпераменту, под которым понимается определенное соотношение степени эмоциональной стабильности и ориентации либо на самого себя, либо на внешний мир [5, с.539].

У **холерика** нет устойчивых психических реакций. Он не усидчив, тороплив, для него характерна прямолинейность, находчивость в споре, но он не обидчив и не злопамятен. Отсюда следует, что он предрасположен к конфликтам, склонен к риску, не годится для рутинной работы с бумагами, требующими терпения и длительных переговоров. Его возможности в качества начальника ограничены, поэтому его заместителем должен быть флегматик.

В.Лавриненко рассматривает личностные качества следующих психотипов: **сангвиник:** начинает дело с увлечением, но редко доводит его до конца, легок в общении, не конфликтен, умеет слушать других людей. Он также не умеет кропотливо работать с деловыми бумагами, с персональными компьютерами. Сангвиник идеально подходит для работы в качестве заместителя.

Главное качество **флегматика** – ориентация на неодушевленные предметы, на самого себя. Он спокоен, хладнокровен, последователен в делах, терпелив. Надо помнить, что его реакция на изменяющуюся деловую ситуацию нередко запаздывает. Ему трудно установить эмоциональную связь с собеседником, а, следовательно, вести диалог. Он прагматик, и собеседник

ему интересен в том случае, если он заинтересован в нем. Флегматик незаменим в работе с документацией и идеальный бухгалтер.

Меланхолик обладает обостренной чувствительностью к окружающему миру, поэтому это качество прекрасно для художника или музыканта, но отрицательно сказывается в переговорном процессе. Он стеснителен, застенчив, обидчив, не верит в свои силы, склонен к подозрительности. Эти качества дополняются скрытностью, стремлением замкнуться в себе. Склонность к образному, а не понятийному мышлению затрудняет действие во время переговоров. Такие люди могут прекрасно пригодиться в области рекламы [6. с.167].

В связи с этим можно утверждать, что личностные особенности влияют на ход переговоров и их успешное завершение [1, с.197].

Основа успешных переговоров – это моральное воздействие, которое покоится на 7 особых добродетелях, а именно: правдивости, точности, спокойствии, ровном характере, терпении, скромности и лояльности. Такие личностные черты необходимы для ведения переговоров на разных уровнях.

Политические и дипломатические переговоры зависят от качества участвующих в них дипломатов: их образ мышления, характер, политические личные амбиции, эмоции. Все перечисленные качества, которые влияют на ход переговоров, дают возможность вести переговоры по-разному: в твердой манере, быть открытым, дружелюбным или достаточно замкнутым, но, тем не менее, оставаться профессиональным участником переговоров. В связи с этим трудно нарисовать портрет идеального переговорщика, потому что каждый исторический период требует своих, особых качеств от участников, да и оцениваются эти качества по-разному.

Ключевым вопросом, который возникает при анализе личностных особенностей, является то, при каких условиях личностные характеристики участников переговоров становятся наиболее значимыми. Чем яснее определены роли в ситуации переговоров, тем меньше влияния оказывают личностные факторы на ход переговоров. И чем более неоднозначна переговорная ситуация, тем большее влияние на процесс переговоров оказывают личностные факторы. Из вышесказанного можно сделать вывод, что личностный стиль в большей степени связан с тем, на каком уровне ведутся переговоры: чем выше уровень ведения переговоров, тем самостоятельнее участники при принятии решения, тем менее определены их роли, а, следовательно, большее значение приобретает их личностный характер. Поэтому вопросы, связанные с личностными особенностями ведения переговоров, особенно важны для тех случаев, когда переговоры проходят на высоком и высшем уровнях.

Одним из значимых проявлений личности на переговорах являются установки их участников. Они могут быть двух типов в зависимости от ориентации на ситуацию или на межличностные отношения.

Участники переговоров, ориентированные, главным образом, на **ситуацию**, действуют, мало обращая внимание на личностные особенности своего партнера. Они склонны видеть в переговорном процессе больше объективную сторону: соотношение сил, параметры, ситуации и т.д.

Другие, напротив, придают большое значение именно **межличностным отношениям** с партнером. Среди них, в свою очередь, выделяются те, кто ориентирован на сотрудничество и ждет аналогичного поведения от партнера, и те, кто предпочитает конкурентные отношения с противоположной стороной, т.е. в большей степени ориентирован на торг. Тип межличностной ориентации зависит в значительной мере от личностных характеристик участников переговоров и, в меньшей степени, – от конкретных переговоров [1, с.227].

Огромное значение в построении личностного стиля ведения переговоров имеет и имидж партнеров. Имидж внутренний и внешний составляет целостный облик человека. Внешний аспект очень легко решить с помощью стилиста. А внутренний аспект зависит только от самого человека. Личность это человек сознательный, носитель определенных свойств, вступая во взаимоотношения с другими людьми должен учитывать и личностные качество противоположной стороны.

Очень трудно вести переговоры людям с различной продуктивностью памяти. Например, для людей **мыслительного** типа характерна хорошая память, важнее прочесть, чем услышать. **Художественный** тип любит много впечатлений, знакомых. У него всегда в изобилии планы, образы, эмоции. Оптимальная нравственно-психологическая обстановка во время переговоров зависит от стиля взаимодействия. Существуют три основных стиля взаимодействия:

- директивный (авторитарный) при котором переговоры проходят под диктовку, всякая инициатива подавляется, не дают возможности личности самореализоваться;
- попустительствующий (либеральный) возникает при полном равнодушии к переговорах [1, с.195];
- демократический стиль появляется тогда, когда во время переговоров установлен благоприятный нравственно-психологический климат, ориентирующий на сотрудничество, оптимально используются способности и знания всех участников переговоров.

Следует иметь в виду, ориентация на объективные параметры ситуации или межличностные отношения не является специфически личност-

ной характеристикой. Она во многом зависит и от национальных особенностей.

Таким образом, исследование роли личностного фактора в процессе политических переговоров является весьма актуальным и значимым. Эффективность современных переговорных коммуникаций, в том числе и политических, во многом зависит от способности учитывать личностные особенности и психотипы переговорщиков.

Выбирая стратегию и тактику переговоров, необходимо учитывать индивидуальные, психологические и коммуникативные качества, профессионализм и опыт собеседников, их стиль общения и мера общения, стилистика речи и особенности риторики в переговорах. Эти знания помогают быстрее найти общий язык с партнерами по политическим переговорам и построить конструктивные взаимоотношения. Важным и перспективным представляется также дальнейшее изучение возможностей и путей совершенствования личностного переговорного стиля, с целью достойного участия представителей различных стран в международных политических переговорах и повышения престижа страны.

Переход к переговорам как к одной из главных форм международного политического диалога - выделяет личностный фактор как весьма актуальный и нужный элемент переговорного процесса.

Литература:

1. Василенко И. Международные переговоры. - Москва: Юрайт, 2012.
2. Василенко И. Искусство международных переговоров. - Москва: «Международные отношения», 2014.
3. Василенко И. Международные переговоры в бизнесе и политике: стратегия, тактика, технологии. - Москва: Восток-Запад, 2011.
4. Карнеги Д. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. - Москва: СЛГ, 1997.
5. Юнг К. Психологические типы. - Санкт-Петербург: Азбука Автор, 2001.
6. Лавриненко В. Психология и этика делового общения. - Москва: ЮНИТИ, 2000.

Поступила в редакцию
18 августа 2015

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

Николай ЦВЯТКОВ
Республика Молдова, Кишинэу, Академия наук Молдовы, Институт юридических и политических исследований, Центр политических исследований и международных отношений
Старший научный сотрудник, доктор политологии

Presently, migration is increasingly acquiring the features of a political category in the development of civil society. Understanding these interactions of socio-economic effects and migration processes from the political sphere can reveal the nature and direction of their influence, which becomes an important element in matters of public policy and security.

The links between migration and social change is becoming more complex as compared to previous historical stages. In the development of human society, migration has become a major factor for social transformation and development.

На современном этапе развития гражданского общества миграция всё больше приобретает черты политической категории. Понимание взаимодействия социально-экономических эффектов и миграционных процессов с политической сферой позволяет раскрыть сущность и направления их влияния, что становится важным элементом в вопросах государственной политики и безопасности.

Современные миграционные потоки в Республике Молдова формируются в результате завершения советской эпохи. Связи между миграцией и социальными изменениями становятся все более сложными по сравнению с предыдущими историческими этапами. В развитии человеческого общества миграция стала основным фактором для социальной трансформации и развития.

После объявления независимости страны, эмиграция из Молдовы прошла через несколько этапов. Так, вторая половина 1990-х годов была отмечена большими потоками легальной и нелегальной миграции. В начале 2000-х годов, на основе правил, введенных принимающими странами, приобретает динамизм сезонная миграция рабочей силы, сосредоточившись в основном на Россию и Италию. Во второй половине 2000-х годов легализация произвела скачок в числах официальной миграции рабочей силы. Примерно две трети эмигрантов – мужчины, тем не менее, выбор страны назначения указывает на устойчивое разделение мигрантов по по-

ловому признаку. Так, мужское население отдает предпочтение странам СНГ, в основном, России, где выполняют строительные работы (74% мигрантов мужского пола работаютименно в этом секторе). В то же время, женская часть выбирает Европейский Союз (в основном Италию) – исследования показывают, что мигранты, предпочитающие ЕС, в большинстве женского пола, а также более образованы и старше по возрасту, чем средний мигрант. Более половины женщин-мигрантов оказывают услуги частным лицам по домохозяйству или ухаживают за пожилыми людьми. Относительно большаядоля эмигрантов являются выходцами из сельской местности, а также из южной части Молдовы, которая сильнее была затронута эмиграцией, а также является самым бедным и обделённым регионом страны [1].

Социокультурные эффекты

Гастарбайтеры формируют запросы на стандарты жизни, которые превращаются в пункты предвыборных программ, становятся объектами электоральных баталий. Запросы гастарбайтеров попадают в поле зрения политических партий, государственных структур, академических кругов, общественных организаций.

Международная миграция имеет как негативные, так и позитивные последствия для развития экономики и населения. Негатив непосредственно связан с сокращением трудоспособного населения в стране, а в перспективе с сокращением текущей численности населения и рабочей силы, потому что эмигрируют в основном молодые люди, которые в этом возрасте создают семью и заводят детей, и, с другой стороны, имеют высокую производительность и приспособляемость к изменениям в жизни.

Положительные эффекты миграции могут быть экономического и социального характера. Экономические эффекты, связанные в первую очередь с получением денежныхкапиталов в страну (перевод денежных средств семьям и другим родственников в стране, прямые инвестиции в строительство, мелкий и средний бизнес). Посредством денежных переводов, как официальных, так и не официальных наша страна получает больше финансовых средств, чем от всех иностранных инвестиций в экономику вместе взятых. Конечно, денежные переводы не повышают благосостояния государства, но в серьёзной степени снимают социальное напряжение в обществе. Ещё одним положительным эффектом является низкий уровень безработицы внутри страны. Молдавские граждане имеют возможность обеспечить себя доходами за счёт иностранных трудовых рынков.

К отрицательным эффектам трудовой миграции чаще всего относятся проблемы социального характера: распад семей, дети, оставшиеся без присмотра родителей или на попечении других лиц, снижение рождаемости,

опустошение сёл, снижение деловой активности внутри страны, снижение качества образования. Это приводит к снижению экономического потенциала страны, ставит проблему подготовки специалистов в различных областях, что явно не способствует привлечению иностранных инвестиций, которые в современном мире являются важным фактором развития страны и общества.

Дефицит преподавательского состава остаётся одним из негативных последствий миграционных процессов. Образование остаётся областью, сильно затронутой миграцией, утечка преподавательского состава по-прежнему вызвана экономическими факторами. Данные, выявленные исследованием влияния миграции на преподавательский состав и научных работников в Республике Молдова, показывают, что низкие заработные платы в стране являются одним из основных факторов, подталкивающих преподавателей и научных работников к эмиграции. Даже при том, что в 2010 году преподавательскому составу значительно увеличили заработную плату, их зарплаты на 20% ниже, чем в среднем по стране. Эта проблема является достаточно острой среди молодых преподавателей и научных сотрудников.

Следует отметить, что государственная система социального обеспечения Республики Молдова не предполагает никаких условий, которые были бы выгодны мигрантам и их семьям. Доступ к системе предоставляется только тогда, когда соблюдены некоторые общие условия, а именно, отчисления на социальное страхование. Фактически, большинство работающих заграницей мигрантов не участвуют в системе социального обеспечения, что приводит к большему давлению и подрывает финансовую устойчивость системы [2, с.65].

Социальные и семейные структуры в некоторых случаях могут быть особенно чувствительны к миграции, в связи с длительным отсутствием главы или других членов семьи. Эмиграция имеет сильное воздействие и на семейные отношения. Так, в каждой пятой семьи с детьми за рубежом работает хотя бы один член домохозяйства. Дети подвергаются эмоциональному и психологическому воздействию в случае отъезда их родителей, особенно когда уезжают их мамы. Обычно, дети, чьи родители работают за границей, хуже питаются и успевают в школе, по сравнению с периодом, когда они проживали с родителями. Также у таких детей выше риск возникновения конфликтов с законом, они подвержены отрицательному влиянию со стороны маргинальных групп. Благосостояние пожилых людей также ослаблено, так как они обездолены вниманием со стороны своих детей, которые часто оставляют собственных детей на попечение пожилых родителей. Мужья, чьи жены работают за границей, часто не

справляются с обязанностями своих семейных партнеров, и большая часть из них злоупотребляют алкоголем [1].

В небольших странах, таких как Молдова, и малых обществах (Гагаузия), миграция также может иметь важные демографические последствия. В Гагаузии, например, несмотря на высокий уровень рождаемости, улучшение продолжительности жизни, наблюдаются умеренные темпы роста численности населения в последнее десятилетие, которое частично связано с миграцией.

Правительство Республики Молдова в последние годы инициировало большое количество программ по репатриации молдавских мигрантов, предназначены для использования их навыков и сбережений. Правительственная структура – Бюро по связям с диаспорой – достаточно активно занимается изучением жизни молдавских мигрантов за рубежом, их успехами и достижениями. Деятельность Бюро сыграло положительную роль в продвижении положительного образа молдавских мигрантов, как за рубежом, так и внутри страны [3]. Однако, несмотря на то, что доля мигрантов, желающих вернуться в страну происхождения велика, в реальной практике возвращение не происходит. Многие из вернувшихся мигрантов, даже если они приобрели новые и соответствующие навыки за рубежом, не проявляют особой заинтересованности в открытии новых рабочих мест и собственном трудоустройстве.

Политические эффекты

Сегодня, когда молдавское общество сталкивается с целым рядом проблем политического, экономического, социального характера, влияние на внутриполитические процессы в стране выглядит, как ещё одна возможность изменить ситуацию в лучшую сторону. Неразвитость гражданского самосознания в плане давления на власть в случае мигрантов имеет интересную особенность. Большинство граждан страны не ощущает себя в праве организованно оказывать давление на власть в качестве налогоплательщиков. А трудовые мигранты и те, кто получил образование за границей, таким консолидирующим самосознанием как раз обладает. Это приводит к расширению их участия в политических процессах.

Хотя миграционные процессы в Молдове имеют постоянный характер на протяжении всех лет с момента провозглашения независимости, можно выделить несколько этапов, которые имеют свои характерные особенности.

Миграция 1990-х годов. Миграция в ‘90-е годы была спровоцирована политическими преобразованиями и экономическими потрясениями, в результате которых Молдова потеряла свою миграционную привлекательность для немолдавских этносов. Этническая миграция проявляется в на-

чале ‘90-х гг., когда после снятия советских миграционных ограничений страну покидали немцы и евреи, переселявшиеся на историческую Родину. Результатом стало резкое сокращение доли этих этнических групп в общей численности населения Молдовы. На протяжении всего периода независимости наблюдается выезд русскоязычного населения в Россию и Украину. При этом не был отмечен обратный отток молдавской диаспоры, постоянно проживавшей в республиках бывшего СССР, на родину в Молдавию. С 2000-х гг. жители Молдавии выезжают в Россию по программам содействия репатриации, осуществляемым правительством Российской Федерации. В качестве этнической миграции следует признать расширяющийся в последние годы выезд в Румынию жителей Молдовы, признавших свою румынскую самоидентификацию [4].

Большое количество высококвалифицированных специалистов выехали из страны ввиду того, что один за другим закрылись промышленные гиганты, работавшие на советскую экономику. Десятки крупных заводов союзного значения прекратили своё существование, что лишило десятки тысяч высококвалифицированных работников – инженеров, технических специалистов, слесарей, механиков и т.д. – средств к существованию. В итоге одни из них перепрофилировались в соответствии с новыми реалиями молдавской экономики, а другие просто покинули страну.

Ещё одним мотивом покинуть страну стала привлекательность заграничного образования. Заграничные ВУЗы стали ещё и механизмом скрытой миграции. Студенты уезжали как подающие надежду для страны будущие специалисты, но по итогам учебы очень малая часть студентов возвращается в родную страну. С конца ‘90-х гг. увеличивается поток молодых жителей Молдовы, выезжающих за рубеж с целью получения образования. Таким образом, а также по ряду других причин, по разным оценкам за первые годы после провозглашения независимости страну покинуло более 300 тыс. граждан.

Трудовая миграция 2000-х годов. Мотив «зарабатывать деньги» постепенно начинает сочетаться с другими важными мотивами – профессиональная карьера как долгосрочный ресурс для личного благополучия и самоуважения. Мотив представляется важным не только для самого индивида, но с перспективами для следующего поколения.

Студенты, молодые рабочие, часто полны решимости искать возможности для личного благополучия и легальной работы за рубежом, т.е. эмиграция с середины 2000-х гг. приобретает типичное «молодое лицо». В этот период правительство активно работало над легализацией миграционных потоков, налаживало двустороннее сотрудничество со странами назначения по содействию трудовой миграции, совершенствовало институциональные рамки регулирования миграционных потоков в Молдову и из

нее. Позднее акцент был сделан на привлечение мигрантов обратно в Молдову (или, по крайне мере, привлечение их денег) с целью поддержания экономического роста страны [4].

Одним из важных документов, принятых молдавским Парламентом в этом вопросе, стала Национальная стратегия в области миграции и убежища (2011-2020 годы), которая признаёт, что «одной из основных проблем для Республики Молдова является временная эмиграция граждан за рубеж в целях поиска работы, которая по своему объему и качественным характеристикам отрицательно влияет в долгосрочной перспективе на экономическое, социальное и демографическое развитие страны» [5].

Данная Стратегия ставит перед молдавским государством и обществом следующие задачи:

- Обеспечение единства определений и понятий, используемых в национальном законодательстве, и приведение их в соответствие с законодательством Европейского Союза.
- Улучшение механизмов легального трудоустройства граждан за рубежом и оказания информационных услуг потенциальным мигрантам, в том числе посредством государственных учреждений.
- Укрепление национальной законодательной базы, в том числе и двусторонних соглашений в области обеспечения прав и доступа трудящихся-мигрантов к мерам социальной защиты.
- Развитие механизмов по обеспечению непрерывного учета мигрантов на всем протяжении периода миграции, получения информации от соответствующих органов стран пребывания о мигрантах из Республики Молдова и их правах на различные виды социальной помощи от соответствующих государственных структур.
- Создание путем переговорного процесса и подписанием двусторонних соглашений принимающими странами необходимых условий для передачи прав, достигнутых в области социального обеспечения по возвращении мигрантов в страну.
- Разработка механизмов по признанию компетенций и квалификаций, полученных за пределами страны, и поддержка инициирования частного предпринимательства при возвращении в страну.
- Укрепление механизмов управления накопленной информацией, касающейся миграции, усовершенствования механизмов мониторинга миграционных групп и потоков посредством определения миграционной специфики Республики Молдова, регулярного обновления данных о легальной и нелегальной миграции [5].

Из вышеизложенного, очевидно, что государство в случае мигрантов – занимает позицию менеджера-координатора, готового решать проблемы мигрантов в странах пребывания, чтобы повысить эффективность их дея-

тельности за рубежом. Такие меры демонстрируют высокую заинтересованность государства в массовом пребывании молдавских граждан за границей и использовании создавшейся ситуации в целях улучшения ситуации внутри страны.

Вопрос миграции в программах и платформах политических партий в Молдове

Трудовая эмиграция является неотъемлемой и глубоко укоренившейся чертой экономической и социальной жизни Республики Молдова. Молдавские диаспоры за рубежом часто рассматриваются в качестве источника капитала и предпринимательской деятельности для стимулирования развития Республики Молдова, а также в качестве важного источника голосов избирателей. Поскольку влияние миграции на экономику и избирательный процесс будет увеличиваться, следует проанализировать, как позиция различных партий по вопросам миграции эволюционировала на программном уровне [6].

В программных документах политических партий явление миграции не представлено достаточно широко. Тем не менее, их программы очень похожи и совместимы друг с другом. Это должно облегчить процесс принятия решений по проблемам миграции, ведь, с программной точки зрения, нет места для конфликта между правящей коалицией и оппозиционной партией при решении вопроса миграции. Поскольку программные цели, прежде всего, касаются зависимости миграции и развития, а также легализации мигрантов из Молдовы за рубежом: необходимо легализовать и защищать мигрантов, способствовать либерализации визового режима для поездки в ЕС, привлекать мигрантов и их деньги в страну в целях развития и т.д. Вопросы, связанные с иммиграцией, на данный момент не занимают важных мест в программах партий, или вообще в них отсутствуют [6].

Голоса мигрантов, особенно после 2009 года, стали предметом электоральных баталий. В своих заявлениях молдавские политики в период предвыборных кампаний старались привлечь мигрантов на свою сторону. Предвыборная кампания 2014 в Молдове проходила на фоне либерализации визового режима с ЕС и ужесточения миграционного контроля в России. Политические партии в зависимости от своих геополитических позиций по своему воспользовались этими обстоятельствами. В качестве примера можно взять заявление Партии социалистов: «Еще один важный итог визита лидеров ПСРМ в Москву – решение Федеральной миграционной службы Российской Федерации, согласно которому молдавские мигранты, у которых есть нарушения законодательства России по линии ФМС, могут в период с 5 по 30 ноября приехать в Молдову, а после вернуться в Россию и начать свою деятельность там с чистого листа. У 240 тысяч молдавских

граждан есть нарушения миграционного режима. Эти люди могут быть в любой момент депортированы. ФМС приняла историческое, беспрецедентное решение. То есть, все нарушения, которые у них были, аннулируются. Призываю всех граждан, которые входят в группу риска, воспользоваться этой уникальной возможностью, чтобы, наконец, встретиться со своими близкими и, может быть, даже принять участие в выборах» [7].

А вот как партии, ориентированные на западные страны, формулируют своё отношение к мигрантам: «Участники митинга призывают граждан Республики Молдова, включая тех, кто находится за границей, поддержать ЛПДМ на парламентских выборах, так как именно ЛДПМ является единственным гарантом европейского будущего Республики Молдова» [8].

Миграционные потоки на современном этапе несут в себе большие риски, и прежде всего – демографические. Республика Молдова не является исключением в мировых тенденциях повышения мобильности населения в связи с быстрым развитием технологий, доступного транспорта и коммуникаций. Демографическое развитие должно стать национальным и социальным приоритетом страны, что требует максимальной концентрации усилий, активной и последовательной государственной политики, а также унификации и координация действий органов власти, институтов и структур гражданского общества на центральном, региональном и местном уровне.

Несмотря на усилия, предпринимаемые центральными властями, чтобы помочь людям, возвращающимся после эмиграции, общей чертой нынешней миграционной политики Молдовы остается декларативный характер стратегий, планов действий, программ и отсутствия конкретных целей с соответствующими показателями их достижения. И еще одно, они не достаточно сосредоточены на поддержке возвратной миграции, учитывая гибкость и подвижность мигрантов, это решающий момент в формировании политики.

Для преодоления негативных последствий миграции необходим значительный экономический прогресс и высокие стандарты жизни для людей в Молдове. Для этой цели необходимо разработать стабильную и предсказуемую бизнес-среду, эффективную судебную систему, осуществить реформы в государственном секторе здравоохранения, образования и социальных услуг. Политика социальной защиты, направленная на уязвимые группы, должна быть улучшена, путём децентрализации системы управления.

На сегодняшний день можно констатировать, государственная политика в малой степени способствует сохранению человеческого капитала в стране. По различным оценкам, число молдаван за рубежом составляет от 700 тыс. до одного миллиона граждан. Они являются частью молдавской

нации, и подавляющее большинство из них желают внести свой вклад в её прогресс. Расширение участия молдавских граждан-мигрантов в решении проблем молдавского государства и общества является важным условием экономического благосостояния и ускорения демократического развития Молдовы.

Молдавские мигранты являются бесценным национальным капиталом, которым наша страна не уделяет необходимого внимания. Изменение этой ситуации позволит увеличить потенциал для более быстрого преобразования нашей страны в развитую демократическую и правовую страну с высоким уровнем жизни.

Литература:

1. Времиш М., Влэдическу Н. Социальные последствия эмиграции и сельско-городской миграции в Центральной и Восточной Европе. Резюме. - Кишинёв, 2012, file:///D:/%D0%A5%D0%B0%D0%B1/FCR_MD_ExSumm_RUS.pdf
2. Расширенный миграционный профиль Республики Молдова 2007–2012. - Кишинёв: МОМ в Молдове, 2013
3. Biroul pentru relații cu diaspora. http://www.cancelaria.gov.md/category.php?l=ro&idc=385
4. Кривенко А. Молдова: страна массовой трудовой эмиграции. http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php
5. Национальная стратегия в области миграции и убежища (2011-2020 годы). http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=340066&lang=2
6. Опруненко А. Вопрос миграции в программах и платформах политических партий в Республике Молдова. Пояснительная записка 12/39. - КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции, 2012. http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-39.pdf
7. В Москве Игорь Додон защищал и продвигал интересы Республики Молдова http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2014/docs/psrm/201411061/
8. Acţiunea „PLDM pentru Europa”. http://ziarulnational.md/live-text-actiunea-pldm-pentru-europa-vlad-filat-in-2020-r-moldova-va-fi-gata-pentru-a-adera-la-ue/

Представлен в редакцию
21 сентября 2015 года

COMPARTIMENTUL
RELAŢII INTERNAŢIONALE

GENERAL CONSIDERATIONS ON THE U.S. POLITICAL CRISIS MANAGEMENT IN THE ARAB WORLD (2010-2014)

Cristina EJOV
Republic of Moldova, Chisinau, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political Sciences and Public Administration, Department of International Relations
Ph.D., Associate Professor

Timur LUCHIN
Republic of Moldova, Chisinau, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political Sciences and Public Administration, Department of International Relations, American Studies
MA student

This article analyzes the U.S. involvement in the political crises in the Arab world in the period (2010-2014) and examines the U.S. rational actor model in decision-making process towards Arab crises. According to this model, the U.S. decision-making process is based on analysis of the objectives, the options, and the likely consequences of each. In this respect, U.S. did not have a universal approach to the political crises in the Arab world, but it often-varied and had multilateral lines.

Articolul analizează implicarea Statelor Unite ale Americii în crizele politice din lumea arabă în perioada (2010-2014) și examinează modelul actorului rațional a SUA în luarea deciziilor și stabilirea priorităților făță de crizele arabe. Conform acestui model, procesul de luare a deciziilor a SUA se bazează pe o analiza complexă a obiectivelor și opțiunilor, și pe o evaluare a consecințelor posibile. În acest sens, SUA nu au avut o abordare universală față de crizele politice din lumea arabă, ci una variată și multiaspectuală.

In 2010, the most complex and dynamic situation in Middle East and North Africa (MENA) region has been shattered by revolutionary movements under the flags of democracy, rule of law, social equity, political rights, etc. The socio-political uprisings, most commonly the so-called "Arab Spring", have produced the significant geopolitical reconfiguration of interests, powers and security mechanisms in the MENA region. They varied according to the socio-economic, political and environmental factors and the nature of each ruling

regime, as well as depended on the degree of civil society engagement. Major determinants and factors that triggered off the Arab Spring in MENA region were corruption, poverty, human rights violation and political issues [1, p.26].

The "contagion" began in the early of 2011 with the fall of Tunisian president Zine el Abidine Ben Ali. Then, the revolution has led to the removing of two long-standing dictators, a war in one country and serious violence coupled with severe instability in at least three others [6, p.15]. The Arab Spring has lead to the social unrest and prolonged political crises in MENA region, which has harmed U.S. national security interests in this region, and thus, it has produced new challenges to European security and stability. From security stand-point, the perpetuation of socio-political unrest in the region was unacceptable and the U.S. government was forced to adopt a series of measures in order to mitigate the conflict situation in MENA countries. It implies most complex approach in the decision-making processes, which is composed of: policies, strategies, mechanisms, leverages and instruments of influence in the Arab world. Also, the U.S. promotes its own interests in this turbulent region, which are determined from its geo-economic calculus. In this respect, according to the U.S. National Security Strategy (dated in 2010), the American interests include the following dimensions:

- "The security of the United States, its citizens, and U.S. allies and partners;
- A strong, innovative, and growing U.S. economy in an open international economic system that promotes opportunity and prosperity;
- Respect for universal values at home and around the world; and
- An international order advanced by U.S. leadership that promotes peace, security, and opportunity through stronger cooperation to meet global challenges" [10, p.7].

In 2010, President Barak Obama issued a five-page memorandum called "Political Reforms in the Middle East and North Africa" which aims at providing the full spectrum of problems in this region. Rather than being optimistic in achieving reforms, Obama was making to ascertain by measuring that progress toward political reforms and openness in the MENA region lags behind other regions, moreover, in some cases the reforms stagnating [3, p.171]. At the same time, the President Obama emphasizes the existence of large gap between citizens and authoritarian regimes that can lead to repression rather than reform [3, p.171-172]. This memorandum was elaborated to develop the pragmatic approach to regional instability and to evaluate the costs and benefits of undertaking a conservative approach to the region. So, the main objective of this document was to analyze the situation in the MENA countries through variety of lenses, and to evaluate the level of implementation of democratic reforms.

In order to emphasize all important aspects of the Arab political crises, we propose a classification of revolutionary countries in MENA region. The classification criteria are based on process of revolutionary transformation inside the Arab countries, and the influences/interests of the U.S. and its allies. According to this, we have identified three main categories of states: (1) states which successful displacement of authoritarian regime: Tunisia, Egypt and Libya, (2) restrained states with potential igniting of the rebellion: Yemen, Syria, Bahrain and Iraq, and (3) states which have implemented partial reforms in order to annihilate demonstrations: Jordan and Morocco, and with some distinctive lines for Saudi Arabia. (see Table nr.1).

Initially, the Arab Spring in Tunisia has been produced without implication of the U.S. The Ben Ali regime was stable partner and always open for cooperation, and the U.S. government had good relations with this regime. But, in the American geopolitical accounts, Tunisia did not play the significant role. That's why the Ben Ali removal in 2011 remained without alarm in Washington. Consequently, the U.S. adopted a pro-revolutionary approach and regular follow-up of democracy promotion to this country. Both approaches were adopted for another two, namely – Libya and Egypt. Therefore, the U.S. government exercised its role of voice-articulator and impactful conflict manager in promoting human rights and basic principles of democratic state. Afterwards, this kind of approach became a standard of relations with Tunisian, Libyan and Egyptian governments.

Yet, Libya represented a different case for the Obama administration. The demonstrations turned into confrontations which were met with armed forces, and the conflict soon became an armed rebellion at large scale against dictatorial regime of Qadhafi. After prolonged discussions and debates, the U.S. government rejected military intervention on the ground in favor of airstrikes. It was possible to realize by liberally interpretation of paragraph 9th of the UN Security Council Resolution 1970, which refers: "to take all necessary measures to protect civilians and civilian populated areas under threat of attack in the Libyan Arab Jamahiriya" [9]. Other steps taken by U.S. were unilateral sanctions on Libya and assistance to the rebel forces. As result, Qadhafi himself was killed by the rebel generals and the revolution has achieved its goal [4, p.35]. According to the regional context, the military intervention led by U.S. was very favorable. It is important to note that the U.S. has obtained the international consensus that Qadhafi should leave the rule of Libya. In a nutshell, the U.S. leadership has assured the political and military support of NATO allies, as well as the approval from the Arab League. Overall, military involvement of U.S. and its allies in Libya has changed the character of Arab revolutions – from "internal based factors" to "direct assistance" of rival party, and finally, the "foreign military intervention".

The Arab Spring led to regime change and democratic reforms, but in case of Syria, its "furious power" has set fire to the civil war at large scale. The main approaches of the U.S. toward this country could be resumed on two main points: the (1) pressure through political channels accompanied with sanctions; and the (2) military intervention after gas attack in the civilian district of Damascus. The U.S. decision to intervene militarily by translating the Syrian problem into "security approached dilemma" was stopped by counter initiative of Russian Federation to ensure the distraction of the Syrian chemical weapons. The Syrian case is different from the Libyan one because the Assad regime is gaining political support by a large segment of the Syrian military. Moreover, the Arab countries are not unified in matter of military intervention in Syria as a unique and viable solution in solving the aforementioned security issue. Yet, the Syrian case is closer to the fist group than to such countries as Yemen, Bahrain and Iraq, which have to endure counter revolution measures and has gained the partial reforms. Therefore, the Syrian case still remains unsolved and it constitutes the critical flashpoint for regional stability in the Middle East.

According to our classification, the last group of states (e.g. Jordan, Morocco, Saudi Arabia) must be seen in the large context of pro-Western oriented countries. Jordan and Morocco are considered two models that "did not miss the train" in the matter of successful reforms implementation [5]. Accordingly, the U.S. government provided important support in ruling political reforms in both countries. The U.S. geopolitical concerns toward Saudi Arabia are resumed on maintaining status quo and stability. The reasons of this approach take into account the high geo-economic and geopolitical importance of Saudi Arabia as greatest hydrocarbons supplier in the world.

Egypt represents a different case to U.S. policymakers. By population it is the biggest country in the Arab world. Also, Egypt holds a strategic position between Middle East and North Africa. The U.S. has close military relations with Egypt and provides annually Cairo with $1.55 billion in form of aid [8]. After the crucial events in Tunisia, the fire of revolutions quickly was spreading in Egypt. In the early of 2011, the young people in Egypt took their demands to the street by using new tool of contemporary revolution – social networks. In February 2011, President Hosni Mubarak stepped down and political power was passed to the Supreme Council of the Armed Forces (SCAF) headed by Field Marshall Mohamed Hussein Tantavi. This council took the responsibility to assure the transition of Egypt to democratic path [2, p.104]. However, the Egyptian revolution has degenerated in the confrontation between SCAF and Muslim Brotherhood-dominated parliament and president on the one hand, and between SCAF and protestors on the other end. In the period of transition, a kind of struggle has moved into the street, which was accompanied with large scale of repressions against peaceful protestors, and many deaths. Also, SCAF committed a

lot of abuses, violation of human rights, restrictions on free assembly, persecutions, etc.

In November 2011, the U.S. prompted criticism was addressed to ruling generals from SCAF in terms of condemnation the using of excessive force against protestors [7]. In this respect, Obama's statement emphasized three important demands: (1) to empower the new Egyptian government with real authority; (2) to continue transition to democracy and take all necessary measures to ensure security and prevent intimidation; and (3) to transfer the political power to a civilian government in a just and inclusive manner that will respond to the legitimate aspirations of the Egyptians (i.e. to set presidential elections), as soon as possible [7].

The central point which has marked the U.S. – Egypt relations during the transitional period was the crackdown on American non-governmental organizations (NGOs) involved in democracy promotion activities in Egypt. On December 29, 2011 Egyptian security forces organized raids in the offices of many American NGOs, which were accompanied with confiscation of equipment and arrests of some workers, many of them being the American citizens. Some prestigious NGOs like National Democratic Institute for International Affairs (NDI), International Republican Institute (IRI) and Freedom House were direct affected by these unprecedented arbitrary actions. Such abuses produced the strong reaction of condemnation by U.S. and international community.

During the Egyptian revolution, as well as the period after removal of Hosni Mubarak, the U.S.-Egypt relations experienced a negative trajectory. Yet, aforementioned analysis makes clear that Egypt is too important to ignore. As a rational actor in international relations, the U.S. acts to maximize the gains and minimize losses. That's why during the political crisis in Egypt, the U.S. has rewrote pragmatically and gradually the terms of its relationship with Egypt, protecting its security concerns and promotes regional stability. The U.S. has adopted the multifaceted and change oriented management strategy, which was designed to cooperate efficient with all succeeded governments of Egypt. The change oriented agenda refers specifically on following points: (1) holding Hosni Mubarak in power, and/or promoting the so-called "transition", (2) maintaining good relations with the Egyptian military government and promote transition to democratic path i.e. strong regime change approach, (3) dealing with Muslim Brotherhood government according to prior requirements, and finally, the period after second military coup which could be named: (4) collaborating with new Egyptian government.

In contrast to the Tunisian case, Western analysts consider that the Egyptian revolution is most complex with totally unexpected results. On the one hand, the Islamist organizations did not participate in the Egyptian revolution, adopting a kind of "wait and see" policy toward democratic changes. On the ot-

her hand, the position of military in the state is very strong. The military institution has its own "personality", and additionally, it is sustained by U.S. government through various programs, including the financial aid. In addition, the sectarian tensions in this Arab country could erupt into violence with totally unexpected consequences. Yet, Egypt is a more free Arab country in terms of expression than Tunisia. The critical situation of "youth bulge" and the economic losses since 1990s were associated with the Mubarak regime. Consequently, his regime was considered an "anachronism" in the way of successful development of the country.

Yet, considering the U.S. geostrategic interests in the Arab world and constant aspirations of Arab people to achieve democracy and rule of law, we have enough reasons to anticipate the positive follow-up of events. The U.S. policy makers should re-evaluate their approaches to Arab changes in the new anchors, otherwise many Arab countries risks to become the hot points on the map, along with Afghanistan, Iraq and countries of Levant. The U.S. should prepare two major options in order to act efficiency: (1) setting-up the strong and unchanged requirements for democracy and rule of law; and (2) offering a more serious coercive track and most positive impetus for changing. Very nuanced and multifaceted management strategy in the Arab crises was consequently designed to protect U.S. interests rather than solve concrete problems. Therefore, a major effort should be launched in further in order to address all dimensions of the crisis, and also to reset the relations with Arab countries.

Table nr.1 The U.S. multilateral management approaches to the Arab crisises, 2010-2014.

Category of country	***U.S. interests in the region***	***U.S. approaches to the Arab crises***
Tunisia, Egypt, Libya	• Free access to the oil resources. • Blocking anti-Western regimes. • Stopping uncontrolled arm spreading to militants (security interests). • Egypt – strategically situated ally.	• Pro-revolution and regime change approach. • Regular follow-up of democracy promotion. • Unilateral sanctions on Libya. • Multilateral engagement and collective actions (including military operations) in Libya. • Peace building and conflict transformation. • Multifaceted and change

		oriented management strategy in Egypt
Yemen, Syria, Bahrain, Iraq	• Protecting and supporting traditional pro-Western regimes and allies. • Free access to the oil resources. • Supporting Saudi hegemonic power in the region. • Loosening Syrian authoritarian regime. • Maintaining Iraq as a great geo-economic and geostrategic pivot of the global war on terror.	• Promoter of democratic reforms. • Tacitly supporting the Bahraini authoritarian regime (near to counter revolution approach). • Strong pro-revolution and regime change approach in Syria. • Supporter of Syrian rebel forces. • Provider of humanitarian assistance to the Syrian people. • Syrian security approached dilemma. • Anti-terror measures / policy.
Jordan, Morocco, Saudi Arabia	• Protecting and supporting traditional pro-Western regimes and allies. • Free access to the Saudi oil resources and its adjacent shipping routes. • Ensuring stability of the region.	• Promoter of economic and democratic reforms. • Fighting against terrorism. • Counter revolution approach.

Bibliography:

1. Gelvin J. The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. - New York: Oxford University Press, 2012.
2. Hamid S. A military guided transition to … What? // The Arab Awakening: America and the Transformation of the Middle East. - Washington: The Brooking Institution, 2011.
3. Hassan O. Constructing America’s freedom agenda for the Middle East: democracy and domination. - New York: Routledge, 2012.

4. Indyk M., Lieberthal K., O'Hanlon M. Bending History: Barack Obama's Foreign Policy. - Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2012.
5. Khashoggi J. Morocco and Jordan are successful Arab Spring models. // Al Arabiya News, September 1, 2014. [Accesat 15.05.2015] Disponibil pe Internet: http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/09/01/Morocco-and-Jordan-successful-Arab-Spring-models.html
6. Lynch M. The Arab uprising: The unfinished revolutions of the new Middle East. - New York: Public Affairs, 2012.
7. Statement by the Press Secretary on Recent Developments in Egypt, November 25, 2011, The White House, Statements and Releases. [Accesat 15.05.2015] Disponibil pe Internet: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/25/statement-press-secretary-recent-developments-egypt
8. Strengthening the U.S. – Egyptian relations. // Council on Foreign Relations, 2002. [Accesat 15.05.2015] Disponibil pe Internet: http://www.cfr.org/egypt/strengthening-us-egyptian-relationship-cfr-paper/p8666
9. UN Security Council, Security Council Resolution 1973 (2011) on the situation in the Libyan Arab Jamahiriya, 17 March 2011, UN Doc. S/RES/1973 (2011). [Accesat 15.05.2015] Disponibil pe Internet: http://www.refworld.org/docid/4d885fc42.html
10. The U.S. National Security Strategy, The White House, Washington, May 2010. [Accesat 17.05.2015] Disponibil pe Internet: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

Prezentat la redacție
la 6 septembrie 2015

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Сергей ГАКМАН
Украина, Черновцы, Черновицкий региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных предприятий, учреждений и организаций
Заместитель директора – начальник научно-исследовательского отдела, кандидат исторических наук, доцент

The article studies the Russian-Ukrainian current confrontation. The author analyzes the provisions of the 1994 Budapest Memorandum, basic documents of the international law and the bilateral Russian-Ukrainian agreements violated by the Russian Federation towards Ukraine. The likely motivations of Russian invasion in Ukraine, their foreign and domestic political, economic and strategic aspects were analyzed, as well as possible conditions for normalization of relations in this region of Europe.

Keywords: *Crimea, Ukraine, Russian Black Sea Fleet, international law, territorial integrity, inviolability of borders.*

Современный конфликт между Россией и Украиной является одним из самых сложных и одновременно самых дискуссионных событий последнего времени, довольно трудно определяемый в классических терминах исторической, политической науки и теории международных отношений. Этот конфликт происходит на фоне попыток Украины уйти из российской «сферы влияния», пересмотра российского «права вмешиваться» в дела страны ее «ближнего зарубежья», прощания самой Украины с советским прошлым, ее борьбы за реальную независимость, а также в контексте геополитического противостояния США и России.

Проблема украинско-российского противостояния является достаточно новой для исследователей, поскольку прошло немного времени с момента драматизации этих отношений и мы пока еще не можем ссылаться на фундаментальные исследования в этом направлении. Вместе с тем есть уже много попыток анализа отдельных аспектов этой проблемы как украинскими, так и зарубежными исследователями. Среди них можно назвать труды В.Воронова, Н.Заноза, А.Зубова, А.Морозова, К.Рогова. Автор данной статьи также сделал несколько научных разведок в этом вопросе.

Целью статьи является исследование процесса российско-украинского противостояния сквозь призму положений международного права, двусто-

ронних соглашений между Украиной и Россией, анализ геополитических мотиваций российской агрессии в Украине и возможные условия нормализации отношений.

Отказ В.Януковича подписать Соглашение об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом вызвало протесты по всей стране, в первую очередь в столице и в западных областях Украины. После избиения подразделениями «Беркута» студентов в Киеве в ночь на 30 ноября 2013 года на улицы столицы и других городов вышли сотни тысяч людей. Постепенно борьба за европейскую интеграцию Украины переросла в Революцию Достоинства.

Победа Майдана, смена руководства украинского парламента и исполнительской власти в Украине вызвало серьезное раздражение руководства Российской Федерации, воспринявшей эти события как угрозу своего влияния на соседнее государство. Воспользовавшись внутренними трудностями и ошибками, Кремль аннексировал Крым.

Непосредственная агрессия против Украины началась 20 февраля 2014 года, когда, вопреки международно-правовым обязательствам, были зафиксированы первые случаи нарушения вооруженными силами Российской Федерации порядка пересечения государственной границы в районе Керченского пролива, а также использование российских подразделений вооруженных сил для блокировки украинских войсковых частей.

Проникновение вооруженных формирований Российской Федерации на территорию Украины произошло без объявления войны. Их личный состав на начальной стадии не имел опознавательных знаков и координировал свои действия с иррегулярными подразделениями наемников из числа местных жителей, вооруженных и управляемых российскими спецслужбами.

Если проанализировать, исходя из норм международных конвенций, договоров и соглашений, действия Российской Федерации в отношении Украины, в первую очередь касательно Крымского полуострова и ее юго-восточных областей, со стороны России наблюдаем активную неправомерную деятельность.

Прежде всего, Россия нарушила Будапештский меморандум и Трехстороннее заявление от 14 января 1994 года [19], подписав которые она, вместе с США и Великобританией, становилась гарантом независимости и территориальной целостности Украины, отказавшейся от ядерного оружия. Отметим, что после краха Советского Союза, в конце 1991 г., Украина имела на своей территории третий по величине в мире ядерный арсенал. Отказываясь от ядерного оружия, украинская сторона подняла перед Вашингтоном вопрос о гарантиях безопасности. США заверили официальный Киев в том, что как только Украина перестанет быть ядерной держа-

вой, она получит «негативную гарантию безопасности». Это означало, что Соединенные Штаты не будут применять против нее ядерное оружие, как и против любого неядерного государства, являющегося участником Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), при условии, что это государство не нападет на Соединенные Штаты или союзника США в союзе с государством, обладающим ядерным оружием. Позже Вашингтон решил добавить другие гарантии, которые Штаты уже предоставили всем странам-подписантам Заключительного Акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (де-факто не являющимися новыми обязательствами). Эти гарантии включали в себя обязательства касательно соблюдения независимости, суверенитета и существующих границ Украины, отказа от использования угроз или применения силы, а также отказа от экономического принуждения.

Параллельно американцы провели переговоры с сотрудниками российской и британской сторон, поскольку в Вашингтоне считали важным, чтобы Россия также предоставила бы Киеву гарантии безопасности. Логика же включения в дело британцев была связана с тем фактом, что Великобритания, так же, как США и Россия, была государством-депозитарием для ДНЯО. Следует отметить, что американские дипломаты пытались зафиксировать гарантии в документе, который не имел бы обязательную юридическую силу, проследив за тем, чтобы сформулированные обязательства носили бы исключительно политический характер. Тогдашний министр иностранных дел Украины Б.Тарасюк предлагал заключить договор о гарантиях безопасности, однако американские официальные лица жестко возражали против идеи договора, а также постоянно использовали термин «заверения» вместо термина «гарантии» [7].

Следует подчеркнуть, что сохранение ядерного оружия могло бы, с одной стороны, влиять положительно на значимость Украины в мировой политике, с другой – превратить Киев в ядерную страну-изгой, не говоря уже о том, что стоимость поддержки ядерного оружия очень высока и в то время была бы совершенно неприемлемой для молодого украинского государства. Учитывая то, что многие носители и боеголовки заканчивали срок своей службы, ядерный арсенал представлял собой обременительный актив. К тому же, несмотря на напряженные политические отношения между Киевом и Москвой, тогда еще никто не мог предсказать риск большого военного конфликта. Вместе с тем, отказ от третьего по величине в мире ядерного арсенала должен был обусловить получение Украиной, вне всякого сомнения, более надежных гарантий от мировых лидеров.

Кроме этого Кремль нанес существенный удар по основам международного права, нарушив ряд его принципов, а также международные кон-

венции и двусторонние украинско-российские договора и соглашения. В частности, Россия нарушила:

– принцип неприменения силы и угрозы применения силы. На сегодняшний день – это общепризнанный принцип международного права, который закреплен в п.4 ст.2 Устава ООН. Общие положения этого принципа, в соответствии с положениями Декларации об общих принципах международного права от 1970 года, предусматривают следующее: «Каждое государство должно воздерживаться в международных отношениях от угрозы силы или ее применения, как против территориальной неприкосновенности или политической независимости других государств, так и любым иным образом, который несовместим с целями ООН» [25, с.52];

– принцип невмешательства во внутренние дела государства. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с п.7 ст.2 Устава ООН устанавливают, что ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела, входящие в компетенцию другого государства. Ни одно государство не может применять любые акты военного, политического или иного принуждения, с целью подчинения себе любой другой страны. Запрещается организация или поощрение подрывной, террористической деятельности, направленной на насильственное изменение устройства другого государства [25, с.52];

– принцип территориальной целостности государств, закрепленный в Заключительном акте СБСЕ от 1 августа 1975 года. В соответствии с положениями данного акта, государства-участники должны уважать территориальную целостность каждого из государств-участников [24, с.131];

– принцип нерушимости государственных границ, также закрепленный в заключительном акте СБСЕ. В соответствии с положениями данного акта государства-участники рассматривают границы друг друга, как незыблемые. Они должны воздерживаться от любых посягательств, направленных на захват части или всей территории любого государства-участника [24, с.30-131].

– принцип добросовестного выполнения международно-правовых обязательств. Согласно п.2 ст.2 Устава ООН, все члены ООН добросовестно выполняют взятые на себя обязательства [25, с.52]. Также, в соответствии с Венской Конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, любой действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться [11, с.93-94].

Кремль нарушил также Конвенцию об определении агрессии. В частности, в соответствии с Конвенцией «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неп-

рикосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций (...)». В документе (ст.3) содержится неполный перечень действий, квалифицируемых как агрессия, независимо от объявления войны:

a) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;

b) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

c) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

d) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, или морские и воздушные флоты другого государства;

e) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращению действия соглашения;

f) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них [10].

Мы наблюдаем действия России по отношению к Украине практически по каждому пункту перечня действий, квалифицируемых Конвенцией как агрессия. Коварные методы (задействование спецназа и личного состава подразделений и военной техники регулярных Вооруженных сил Российской Федерации без опознавательных знаков, использование женщин и детей как «живого щита» во время атак на военные объекты, финансирование и вооружение наемников и т.д.), к которым прибегло кремлевское руководство для маскировки начала вооруженного нападения на Украину, свидетельствуют о моральной деградации, а не об отсутствии факта агрес-

сии, и является обстоятельством, отягощающим вину Российской Федерации как государства-агрессора.

Российская Федерация первой применила против Украины свои вооруженные силы, то есть совершила акт неспровоцированной агрессии. Элемент первенства применения вооруженных сил одного государства против другого является существенным первичным признаком агрессии. Статья 2 Резолюции 3314 (XXIX) установила «Применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава ООН является prima facie и свидетельством акта агрессии ...». Согласно современному международному праву применения государством первым его вооруженных сил против другого государства ни при каких обстоятельствах не может считаться оправданным и легитимным. Статья 5 этого же документа установила «Ни одно соображение любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии» [10]. В свете изложенного не выдерживают критики попытки В.Путина и Федерального собрания Госдумы России обосновать использование вооруженных сил Российской Федерации против Украины необходимостью устранения угрозы жизни их соотечественникам и личному составу вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины. («В связи с экстраординарной ситуацией, сложившейся на Украине, угрозой для жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава военного контингента Вооруженных Сил Российской Федерации, дислоцированного в соответствии с международным договором на территории Украины (автономная Республика Крым), на основании пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации вношу обращение об использовании вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране» – как отмечалось в представлении В.Путина к Федеральному собранию Госдумы Российской Федерации от 1 марта 2014 г. В тот же день Федеральное собрание Госдумы Российской Федерации удовлетворили обращения В.Путина, приняв Постановление №48-СФ, в которой повторялись упомянутые в этом обращении мотивы для использования вооруженных сил России на территории Украины) [14]. Тем более, что никакой такой угрозы в реальной действительности не существовало (в резолюции Европейского парламента от 16 апреля 2014 года подчеркивалось, что заслуживающие доверия международные мониторинговые институты таких организаций как ООН, ОБСЕ и СЕ не подтвердили поступления из Украины сообщений о каких-либо нападениях, запугивании или дискриминации в отношении российских граждан) [22].

Касательно Крымского полуострова Российская Федерация нарушила также ряд украинско-российских двусторонних договоров и соглашений

(сущность нарушенных статей соответствующих договоров и соглашений, а также их хронология в первые дни российского вторжения, начиная с 20 февраля 2014 г., приводятся в предыдущих статьях автора [4; 26]).

Среди них следует отметить нарушение Кремлем Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией от 31 мая 1997 года (статья 3 и 6). В частности, в статье 3 говорится: «Высокие Договаривающиеся Стороны строят отношения друг с другом на основе принципов взаимного уважения, суверенного равенства, территориальной целостности, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой, включая экономические и другие способы давления, невмешательство во внутренние дела, соблюдение прав человека и основных свобод, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение взятых международных обязательств, а также других общепризнанных норм международного права». В статье 6: «Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон воздерживается от участия или поддержки каких бы то ни было действий, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны, и обязуется не заключать с третьими странами каких-либо договоров, направленных против другой Стороны. Ни одна из Сторон не допустит также, чтобы ее территория была использована в ущерб безопасности другой Стороны» [5].

Было грубо нарушено Соглашение между Украиной и Российской Федерацией «О статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины», подписанное 21 апреля 2010 г. в Харькове [21]. Нарушения можно наблюдать по многим статьям (в предыдущих статьях автора приведены конкретные факты нарушений по каждому нижеперечисленному пункту):

– Пункт 1 статьи 6: «Войсковые формирования осуществляют свою деятельность в местах дислокации в соответствии с законодательством России, уважают суверенитет Украины, соблюдают ее законодательство и не допускают вмешательства во внутренние дела Украины»;

– Пункт 2 статьи 9: «Стороны сотрудничают в области обеспечения безопасности полетов летательных аппаратов воинских формирований. Порядок и формы такого сотрудничества определяются отдельными соглашениями»;

– Пункт 1 статьи 12: «Служебные транспортные средства Черноморского флота Российской Федерации должны иметь регистрационный номер и четкий знак. Использование для служебных транспортных средств номерных знаков Украины не допускается»;

– Пункт 5 статьи 15: «Передвижения, связанные с деятельностью воинских формирований вне мест их дислокации, осуществляются после согласования с компетентными органами Украины».

Среди нарушенных российским руководством документов есть и Соглашение между Кабинетом Министров Украины и Правительством Российской Федерации «Об использовании силами и средствами Черноморского флота Российской Федерации воздушного пространства Украины и воздушного пространства над акваторией Черного моря, где ответственность за безопасность полетов и организацию обслуживания воздушного движения возложена на Украину» от 16 июля 1999 года [20]. В частности, в них предусматривалось:

– в статье 2: «Обучение и проверка сил, находящихся на дежурстве, противовоздушной обороны ЧФ, связанные с использованием воздушного пространства, находящегося под ответственностью Украины, проводятся без закрытия аэропортов Украины по согласованию с Генеральным штабом Вооруженных Сил Украины и в соответствии с режимом и условиями, установленными Украинским центром планирования использования воздушного пространства Украины и регулирования воздушного движения Украэроцентром».

– В статье 3: «Обеспечение безопасности полетов в воздушном пространстве, находящегося под ответственностью Украины, осуществляется путем взаимодействия между органами, ответственными за организацию обслуживания воздушного движения Украины и командными пунктами (пунктами управления) Черноморского Флота».

В начале российское руководство утверждало, что в Крыму российских войск нет, а впоследствии оно было вынуждено признаться, что присоединение полуострова к Российской Федерации было совершено с их участием. Так, появившееся в документальном фильме А.Кондрашова «Крым. Путь на Родину» интервью с президентом Российской Федерации В.Путиным, ставит под сомнение правдивость его более ранних заявлений о том, что Россия не готовилась к присоединению Крыма, и приняла соответствующее решение только после получения данных о настроении местных жителей (после свержения «легитимного президента Украины В.Януковича» 22 февраля) [1]. Отметим, что Верховная Рада Украины считает началом вторжения 20 февраля.

16 марта 2014 года был проведен так называемый «референдум» в Крыму, хотя его проведение не было предусмотрено ни законодательством Украины, ни законодательством Российской Федерации. В официальных коммюнике Российской Федерации утверждалось, что на референдуме более 96% его участников высказались за вхождение полуострова в состав России [18].

Во второй раз в истории человечества волеизъявление населения определенной территории происходило в условиях оккупации войсками другого государства. Вспомним, что в начале марта 1938 года Гитлер решил

расширить территорию Рейха за счет Австрии. На 13 марта канцлером Австрии был объявлен плебисцит. Однако нацисты и в Берлине, и в Вене боялись, что народ может высказаться против аншлюса и Германия ввела свои войска в Австрию. Австрийские войска капитулировали. Отношение народа к этому было разным: кто-то восторженно встречал гитлеровцев, кто-то в раздражении отсиживался по домам, кто-то срочно бежал в Швейцарию. 13 марта начались аресты. Плебисцит провели 10 апреля. В Германии за объединение с Австрией проголосовали 99,08%, в самой Австрии, ставшей Остмарк Германской империи – 99,75% [9].

Профессор Московского государственного университета А.Зубов по этому поводу отметил: «История повторяется. В Крыму действительно живут русские. Но разве кто-нибудь притеснял их там, разве там они были людьми второго сорта, без права на язык, на православную веру? От кого их надо защищать солдатам российской армии? Кто нападал на них? Ввод войск иностранного государства на территорию другого государства без его разрешения – это агрессия. Захват парламента лицами в униформе без опознавательных знаков – это произвол. Принятие каких-либо решений парламентом Крыма в таких обстоятельствах – фарс. Сначала парламент захватили, премьера сменили на пророссийского, а потом этот новый премьер попросил у России помощи, когда помощники уже тут, уже день как контролируют полуостров. Как две капли воды похоже на аншлюс 1938 года. И даже референдум-плебисцит через месяц под дружественными штыками. Там – 10 апреля, здесь – 30 марта» [9].

Результаты крымского референдума ни Украиной, ни мировым сообществом не признаются (кроме нескольких государств, которые идут в фарватере российской внешней политики). Более того, Украина собирается обратиться по этому вопросу в Международный суд ООН в Гааге. Сомнительность референдума признают и отдельные российские эксперты. Даже по оценкам некоторых из них референдум состоялся фактически только в Севастополе. На остальной территории Крыма явка избирателей составила менее 30-50%, а это фактически означает, что даже по установленным россиянами правилами проведения, референдум в Крыму не состоялся. Мы уже не говорим о мотивации, по которой жители Крыма голосовали не столько за присоединение к России, сколько за прекращение, по их словам, «коррупционного произвола и воровского засилья донецких ставленников» [17].

18 марта был подписан соответствующий договор между Россией, Крымом и Севастополем. Государственная Дума и Совет Федерации приняли договор о присоединении Крыма к Российской Федерации [6] и федеральный закон, подписанные Путиным уже 21 марта, о создании в составе

Российской Федерации двух новых субъектов республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Говоря о подписании упомянутого договора следует проанализировать уровень законности и полномочия указанных лиц и правомерность подписывать подобный договор с Президентом Российской Федерации В.Путиным. Наиболее вопиющим в правовом контексте нарушением является то, что от Севастополя документ подписал «народный мэр» А.Чалый, гражданин России, избранный на эту должность на митинге (насколько объективным может быть избрание мэра на митинге в городе, численность населения которого на 1 декабря 2013 составляло 385.700 человек?). К тому же, в соответствии с действующей на момент его избрания Конституции такой должности в Севастополе не было.

Не менее скандальным является подписание документа С.Аксеновым, которого 27 февраля 2014 незаконно избрали премьер-министром украинской административно-территориальной единицы в здании, захваченном русскими военными, без присутствия прессы, без согласования его кандидатуры с центральными органами власти (как того требует закон), без видеофиксации заседания (которое могло бы подтвердить наличие кворума и реальный результат голосования).

Соглашение с президентом Российской Федерации В.Путиным подписал также В.Константинов, как председатель Госсовета Республики Крым, хотя согласно Конституции Украины, там была только Верховная Рада Автономной Республики Крым (каким образом был создан новый орган и как его председателем стал В.Константинов?). Вызывает также удивление, что все лица, подписавшие договор с Российской Федерации, не имели полномочий к подписанию соглашений касательно государственной принадлежности вышеупомянутых территорий.

При анализе исторических событий, самым сложным, на наш взгляд, аспектом для исследователей является выяснение мотиваций, которыми руководствовались акторы, совершая те или иные политические шаги. Если проанализировать различные точки зрения исследователей, в т.ч. изложенные в российских источниках, можно найти несколько возможных объяснений этих действий, а именно:

Первое объяснение состоит в том, что грубое вмешательство России в украинском кризисе имело целью завоевание Крыма в качестве своеобразной «мести за Косово». Эта интерпретация означала бы, что, захватив Крым, Путин создал некий «баланс уважения», и впоследствии этот шаг мог бы рассматриваться как «симметричный ответ» и не предусматривал бы необходимости начать холодную или горячую войну с Западом. Речь шла бы только о восстановлении утраченного статус-кво [12].

Вторая интерпретация предполагает, что «украинская стратегия» России является сознательной попыткой развязать новую войну с Западом, и Крыму отводится роль повода к такой войне. В этом случае целями могли бы служить пересмотр результатов Второй мировой войны и геополитических изменений 1991 года, а также роли и места международных организаций в современном мире. В таком случае мы могли бы предположить, что начата новая эра, в которой революция является лишь политическим средством отказа от модели «процедурной демократии» и создания ситуации неопределенности [12].

Третья интерпретация объясняет действия российского президента лишь как повод для изменения собственной системы власти. Используя украинский кризис, В.Путин пытается организовать профилактическую встречную революцию внутри российской элиты (оппозиция была в значительной мере уничтожена еще в 2013 году). При этом, основная цель заключалась бы в создании ситуации неопределенности, присвоив себе право ее инициатора (кто присвоил?) без четкого представления касательно того, чем эта игра может закончиться [12].

Подтверждением последнего тезиса служат последующие мероприятия. На заседании Совета безопасности Российской Федерации от 22 июля 2014 года, которое было запланировано и готовилось еще до трагедии малазийского «Боинга», рассматривался вопрос суверенитета и территориальной целостности. Возможно, В.Путину и его ближайшим соратникам давно уже хотелось легализовать свое «политбюро», роль которого могла быть отведена Совету безопасности. Для легализации нового экстраконституционного порядка и объяснения этого российскому обывателю необходимо разработать соответствующую доктрину, в основу которой должны быть положены суверенитет и территориальная целостность [15].

Общая картина выглядит так: в мире есть силы (понятно – США), которые стремятся разрушить все другие суверенитеты, чтобы подчинить их своему господству. В такой ситуации сохранение суверенитета является главным делом нации и главной и исключительной ответственностью правительства. В стремлении разрушить чужие суверенитеты США используют реальные внутренние проблемы стран, опираясь на «так называемую мягкую силу», неправительственные и другие подобные организации, финансирующие и готовящие «так называемые цветные революции», приравненные к государственным переворотам. При этом, доктрина приоритета суверенности выступает идейным обоснованием воспроизводства основных институтов советского режима и достаточно близко повторяет основные элементы послевоенной советской доктрины, где защита социалистического строя от агрессии мирового империализма (находящейся под руководством США) были принципиальными идейными рамками, обосновы-

вающими право государства на контроль всех сфер жизни и подавление инакомыслия, приравненному к прямому или завуалированному пособничества врагу. В этом смысле доктрина, по своей центральной идее, вполне может быть определена как неототалитарная. При этом, руководству России необходимо поддерживать высокий градус внешней конфронтации как необходимое условие функционирования доктрины. Граждане должны постоянно получать наглядные доказательства ведения борьбы за национальный суверенитет, эмоционально участвовать в этой борьбе [15].

Одновременно происходит официальное изменение толкования истории. В этой ситуации дискурс реальной политики уступает место мифу, героизму, героическому самоубийству, «року». К сожалению, мы являемся свидетелями радикальных изменений российской общественности, в которой реваншистские идеи во многом поддерживает и средний класс с достаточно высоким уровнем образования и финансового состояния [12].

Как мы уже видим, российское руководство не удовлетворилось исключительно аннексией Крыма и пытается расширить вторжения российских войск и в другие регионы Украины. В этом контексте можно увидеть и другую мотивацию. Если предположить, что они готовятся к большой войне с Западом, возрастают потребности России в оружии. Такую мысль вызывает количество и характер российских государственных заказов военно-промышленному комплексу еще до рассматриваемых событий. При этом, обеспечение такого заказа, как и других, во многом зависит (или зависело) и от ВПК Украины [3]. Если бы Украина реально сблизилась с ЕС и НАТО, эта задача могла б оказаться под угрозой. Географически зона расположения большинства предприятий ВПК Украины, с которым Россия связывает свою стратегическую доктрину совпадает с зоной нестабильности, чем и объясняется то, что именно в этих областях российские власти пытались создать условия для легитимизации их аннексии по крымскому сценарию [13] (этим, возможно, и объясняется вывоз в Россию оборудования с целого ряда военных предприятий из зоны конфликта на востоке Украины).

Ситуация, сложившаяся на востоке Украины, обусловлена и другими – экономическими факторами. Так, концентрации российских войск вдоль всей сухопутной границы с Украиной до рассматриваемых событий и в первой их фазе, на наш взгляд, отводилась также определенная роль по отвлечению внимания от действий российских спецназовцев в юго-восточной части Украины. Уже больше года в Донецкой и Луганской областях ведутся ожесточенные бои украинских военных с сепаратистами, которых российская сторона неприкрыто поддерживает живой силой и техникой, а после августа 2014 года еще и непосредственным участием российских войсковых частей.

Не случайно наибольшая активность сепаратистов и российских диверсантов на начальном этапе противостояния на Донбассе проявлялась в районе города Славянска, который находится в самом центре одного из крупнейших в мире месторождений сжиженного газа, добыча которого в перспективе могла бы обеспечить энергетическую независимость Украины. В этой связи стоит вспомнить, что в 2013 году Украина подписала с компанией Shell соглашение о начале добычи сжиженного газа на севере Донецкой и юго-востоке Харьковской областей. Сразу после этого начали возникать немногочисленные, но достаточно регулярные митинги, активными участниками которых были Компартия, «Русский блок», движение «Украинский выбор», то есть те силы, которые сейчас поддерживают сепаратистов [16].

Стоит отметить также, что российская экономика невероятно зависима от энергоносителей, ведь колебания цены на газ существенно влияет на бюджет России. Российская экономика переживает кризис, усиливающийся сокращением объемов закупок российского газа европейскими странами, накопившими достаточно запасов в своих хранилищах, что существенно повлияло на его удешевление. Уже во время российской интервенции в Крым стало известно, что Иран отказывается от изготовления ядерного оружия, что со временем может означать снятие с него санкций, в том числе и эмбарго на поставки нефти и газа. Экспорт иранского газа в Европу привел бы к диверсификации поставок голубого топлива на континенте и уменьшения объема закупки европейскими странами газа в России и, соответственно, к падению цены на этот энергоресурс. В таком случае можем рассматривать введение российских войск в Крым как попытку помешать падению цен на голубое топливо. К тому же, на черноморском шельфе, в акватории Украины, разведано несколько месторождений газа и нефти, и Россия, оккупируя Крым, может начать разработку этих месторождений [8].

Безусловно, газ не единственный, но весомый фактор в этой игре. Факторов же, от которых зависит, как будут развиваться события – множество, и любое действие может привести к неконтролируемому развитию событий [8].

Действия российской стороны на Востоке Украины являются продолжением тех, что были во время вторжения в Крым. До 25 мая 2014 года они были направлены на препятствование проведению в Украине президентских выборов с целью убедить своих сторонников и весь мир в том, что новое руководство в Киеве не может обеспечить порядок и безопасность в стране, и единственным законным правителем является В.Янукович. Ведь именно он мог бы обеспечить вступление Украины в Таможенный Союз и в будущий Евразийский Союз.

США и страны Европы последовательно осуждают агрессивные действия Российской Федерации. Как известно, они прибегают к определенным санкциям политического и экономического характера в отношении России. Однако некоторые санкции иногда кажутся нам недостаточно эффективными. Отсутствие достаточных мер со стороны цивилизованных стран мира (в первую очередь США и Великобритании, которые также являются гарантами нашей безопасности) приведут к стремительной гонке вооружений, в том числе к наращиванию ядерного потенциала, а это, в свою очередь, – к уменьшению безопасности на региональном и глобальном уровнях.

Некое снижение градуса напряженности в отношениях двух стран могли бы привнести Минские соглашения, при условии их соблюдения. При этом, на наш взгляд, фактическим и юридическим прекращением вооруженной агрессии России против Украины можно считать лишь восстановление украинского суверенитета над всеми оккупированными и аннексированными территориями, и возмещение всего причиненного Украине ущерба.

Пока же продолжается вооруженная агрессия Российской Федерации против Украины регулирование украинско-российских отношений должно происходить в соответствии с международно-правовыми нормами, рассчитанными на применение их в военное время, а не в мирных условиях. Это касается, прежде всего, применения по отношению к России международно-правовых санкций.

Осуществляемый ныне Украиной отпор вооруженной агрессии Российской Федерации следует квалифицировать не только как антитеррористическую акцию, но и как индивидуальную самооборону от агрессии в соответствии со статьей 51 устава ООН [23]. При этом, реализуя свое право на самозащиту от агрессии, Украина не стремится к военной победе над Россией, а лишь к восстановлению своей территориальной целостности, уважения к своему праву свободно выбирать курс цивилизационного развития и определять способы защиты своей национальной безопасности. Дипломатические усилия украинского государства, на наш взгляд, должны дополнять ее вооруженное сопротивление российской агрессии, не подменяя и не заменяя такое сопротивление.

Таким образом, российское вторжение в Крым, и в восточные регионы Украины, согласно международному праву, является актом агрессии. Агрессия России против Украины вышла за пределы двусторонних отношений, является свидетельством пренебрежения международным правом и ставит под угрозу мировую систему безопасности, сложившуюся после Второй мировой войны (Агрессия Российской Федерации вскрыла недееспособность этой системы, поскольку агрессором стала страна, взявшая на

себя, в обмен на отказ Украины от своего ядерного потенциала, обязанности быть гарантом ее безопасности). Отметим в этой связи, что в упомянутом выше документе по определению агрессии (ст.5) отмечается, что никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии. Агрессивная же война является преступлением против международного мира, должна повлечь за собой международную ответственность и никакое территориальное приобретение или особая выгода, полученные в результате агрессии, не являются и не могут быть признаны законными [10]. Любые уступки России, нарушающие территориальную целостность Украины и подрывающие ее национальную безопасность, на наш взгляд – недопустимы, поскольку они будут стимулировать дальнейшую агрессию не только Российской Федерации, но и других стран мира.

Библиография:

1. В планах России присоединения Крыма не значилось, заявил Путин. // Аргументы.ру. – 2014. – 10 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://argumentiru.com/politics/2014/04/331265
2. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/
3. Воронов В. Славянское братство по оружию. И деньгам (Совершенно Секретно [Интернет ресурс] – режим доступа: http://lb.ua/news/2014/03/19/259940_klyuchey_ponimaniyu_motivov.html?fb_action_ids=305649976251646&fb_action_types=og.recommends&fb_source=other_multiline&action_object_map=[593315427420714]&action_type_map=[%22og.recommends%22]&action_ref_map
4. Гакман С. Російсько-український конфлікт щодо територіальної приналежності Криму: міжнародно-правові та геополітичні аспекти. // Зовнішні справи. – Ч.1. 2014, №9, с.27-31; – Ч.2, 2014, №10, с.14-18.
5. Договір про дружбу, співробітництво і партнерство між Україною і Російською Федерацією // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/643_006
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 года. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/643_006
7. «Заверения» США по Будапештскому меморандуму и Трехстороннее заявление от 14 января 1994 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/debut/post319835360/

8. Заноз Н. Агресія Росії в Криму: справжня ціль – газ? // Радіо Свобода. – 2014. – 6 березня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radiosvoboda.org/content/article/25287394.html
9. Зубов А. Это уже было // Ведомости. Мнения. – 2014. – 1 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23467291/andrej-zubov-eto-uzhe-bylo
10. Конвенция «Определение агрессии» (Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml#a1
11. Международные отношения и внешняя политика СССР (Сборник документов) (1871-1957гг.). – Москва: Изд-во ВПШ при ЦК КПСС, 1957.
12. Морозов А. Консервативная революція. Смысл Крыма // Общество. – 2014. 17 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.colta.ru/articles/society/2477
13. Один из ключей к пониманию мотивов Путина. / Институт Горшенина. // LB.ua. Избранное для всех. – 2014. – 19 марта [Интернет ресурс] – режим доступа: http://lb.ua/news/2014/03/19/259940_klyuchey_ponimaniyu_motivov.html?fb_action_ids=305649976251646&fb_action_types=og.recommends&fb_source=other_multiline&action_object_map=[593315427420714]&action_type_map=[%22og.recommends%22]&action_ref_map
14. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 марта 2014 г. N 48-СФ г. Москва "Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины" // "РГ" – Федеральный выпуск. – 2014. – 5 марта. – № 6323 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/03/05/voyska-dok.html
15. Рогов К. Доктрина суверенности: какие тактические и стратегические задачи решает Путин. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/263545-doktrina-suverennosti-kakie-takticheskie-i-strategicheskie-zadachi-re
16. Россия оккупировала Славянск, чтобы присвоить украинские месторождения сланцевого газа? // [Интернет ресурс] – режим доступа: http://www.facenews.ua/news/2014/197230/
17. Справжня явка на референдумі в Криму становила 30-50% – документ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.lviv.ua/news/2014/05/01/28481.

18. Такого "удара" от Украины Россия не выдержит! Крым вернётся на родину. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abc-news.ru/27/news/2845101.html.
19. Трехстороннее заявление Президентов России, США и Украины (Вместе с "Приложением к Трехстороннему заявлению...") (Принято в г. Москве 14.01.1994 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawmix.ru/abrolaw/12281
20. Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про використання силами та засобами Чорноморського флоту Російської Федерації повітряного простору України та повітряного простору над акваторією Чорного моря, де відповідно до міжнародних угод відповідальність за безпеку польотів та організацію обслуговування повітряного руху покладена на Україну // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/643_254.
21. Угода між Україною та Російською Федерацією з питань перебування Чорноморського флоту Російської Федерації на території України. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/643_359
22. Украинский вопрос для Европейского парламента // прессОРГ 24: Новости, достойные внимания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pressorg24.com/politics/ukrainskii-vopros-dlya-evropeiskogo-parlamenta
23. Устав Организации Объединенных Наций // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter7.shtml
24. Actul final de la Helsinki al Conferinţei pentru Securitate şi Cooperare în Europa // Năstase A. Documente fundamentale ale dreptului internaţional şi al relaţiilor internaţionale. / Ed. Frailich R. 2 vols. – Vol.1a. – Bucureşti: Asociaţia Română pentru Educaţie Democratică, 1997. P.123-184.
25. Carta Naţiunilor Unite // Năstase A. Documente fundamentale ale dreptului internaţional şi al relaţiilor internaţionale. / Ed. Frailich R. 2 vols. Vol.1a. – Bucureşti: Asociaţia Română pentru Educaţie Democratică, 1997. P.40-122.
26. Hakman S. Fratele-i la poartă: Invazia Federaţiei Ruse în Crimeea şi prevederile dreptului internaţional. //Geopolotica. Revista de geografie politică, geopolitică și geostrategie. – Anul XII. Nr.54-55 (1/2014). P.61-66;
27. Rezoluția Adunării Generale a ONU nr. 3314 (XXIX) – Definiția Agresiunii (14 decembrie 1974). // Năstase A. Documente fundamentale ale dreptului internaţional şi al relaţiilor internaţionale. / Ed. Frailich R. 2 vols. – Vol.1a. – Bucureşti: Asociaţia Română pentru Educaţie Democratică, 1997. P.324-326.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И НАТО

Наталья СТЕРКУЛ
Республика Молдова, Кишинэу, Молдавский Государственный Университет, Факультет Международных Отношений, Политических и Административных наук, департамент Международных отношений
Кандидат политических наук, доцент

NATO is one of the most effective politico-military international structures in the world. NATO policy in conditions of global processes intensification is changed. NATO enlargement and transformation created possibilities for partnership and cooperation development with many countries. The idea of cooperation is a part of Alliance's policy of transformation, which allowed to strengthen the power of NATO in the world and to strengthen the capacity of this structure in different directions. In this article are examined Republic of Moldova - NATO cooperation. There are formulated an opinion about the importance of strengthening partnership with this military and political organization, because it is one of the key elements of the Euro-Atlantic security.Cooperationbetween Republic of Moldova and NATO is supported by regular contacts at the highest level. This helps to develop new areas of cooperation and to maintain a continuous dialogue between the partners. Defense and security sector reform are the main directions of cooperation. The author analyses the attitudes of the country authorities and civil society regarding NATO's policy, as well as major issues in the politico-military area. Particular attention is paid to the special instruments and mechanisms of NATO policy.

NATO este una dintre cele mai eficiente structure politico-militare internaționale din lume. În contextual intensificării proceselor globale se schimbă și politica NATO. Extinderea NATO și transformarea Alianței au creat oportunități pentru dezvoltarea parteneriatului și cooperării cu numeroase state. Ideea de cooperare este parte componentă a politicii de transformare a Alianței, care a permis consolidarea puterii NATO în lume și dezvoltarea potențialul acestei structure în diferite domenii. În acest articol este analizată cooperarea Republicii Moldova cu NATO. Este formulată idea cu privire la importanța consolidării parteneriatului cu această organizație politico-militară, deoarece acest fapt reprezintă unul din trei elemente cheie ale securității euro-atlantice. Cooperarea dintre NATO și Republica Moldova este bazată pe contacte permanente la cel mai înalt nivel. Acest lucru ajută dezvoltarea unor noi domenii de cooperare și menține un dialog continuu între partenerii. Principalele dome-

nii de cooperare includ reforma domeniului de securitate și apărare. Autorul analizează atitudinea autorităților din țara și a societății civile cu privire la politicile NATO, precum și problemele majore din domeniul militaro-politic. O atenție deosebită este acordată instrumentelor și mecanismelor politicii NATO, implementate în Republica Moldova.

Представляя собой одну из эффективных международных структур по обеспечению безопасности в мире, НАТО планомерно реализует свою политику, направленную на решение задач кризисного регулирования и миротворчества. Политическая сила НАТО, военная дееспособность и возможность молниеносно реагировать на развитие событий обусловили интерес к изучению деятельности данной организации в современных условиях среди многих представителей научного сообщества.

Политика НАТО в глобализирующемся мире изменяется в соответствии с теми переменами, которые происходят в системе международной безопасности. Расширение зоны влияния Североатлантического Альянса, распространяющаяся, в том числе и на Восточную Европу, трансформация НАТО в условиях возникновения новых угроз и вызовов международной безопасности, а так же увеличение числа стран-членов и партнеров Североатлантического союза являются объективными тенденциями, отчетливо проявившиесяв деятельности военно-политической структуры.

Выработанные Альянсом инструменты и механизмы позволили добиться поставленных целей в результате проводимой политики расширения и трансформации НАТО, а также существенно развить партнерские отношения со многими государствами. Идея партнерства между НАТО и другими странами рассматривается как часть продолжающегося процесса трансформации Альянса. Проделанная работа в этом направлении позволила не просто упрочить могущество НАТО в мире, но и усилить потенциал данной структуры в различных направлениях.

Политика глобального партнерства становится определяющей в рамках деятельности НАТО. Она в определенном смысле является консенсусом между США, стремящимися вывести альянс далеко за границы зоны его ответственности, и европейскими державами, которые нацелены на сохранение ключевой цели блока – обеспечении безопасности самой Европы [1, с.22]. В этой связи определяющими стали вопросы, касающиеся стабильности и единства организации, эффективности управленческих решений, согласования и урегулирования интересов стран-членов, необходимости противостояния нетрадиционным угрозам безопасности. Подходы Альянса к взаимодействию и сотрудничеству со многими государственными участниками международных отношений были пересмотрены.

Основной идеей объединяющей усилия многих государств в рамках политики партнерства и сотрудничества НАТО является совместное противодействие новым вызовам безопасности в XXI веке. Взаимоотношения Альянса с другими акторами международных отношений строятся на разработанных Альянсом Стратегических концепциях и программах. Практически все они содержат ключевые принципы, объединенные одной основной концепцией – партнерство и сотрудничество.

Однако все не так однозначно как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что именно программы партнерства и сотрудничества, по сути, способствуют установлению контроля над внутриполитическими процессами в странах-партнерах, что создает возможности максимального использования их потенциала в коалиционных миссиях [2, с.56-57]. Этот факт вызывает критику деятельности Альянса со стороны отдельных субъектов мировой политики.

Следует признать, что Альянсу удалось выработать достаточно эффективный механизм взаимодействия со многими государственными субъектами. Политика сотрудничества НАТО выработана для различных государств с учетом их особенностей. Существенным подспорьем в этом процессе явилась информационная составляющая. Открытие центров Информации и Документации НАТО, регулярное издание брифингов, журналов и брошюр о деятельности НАТО, встречи официальных лиц НАТО с широким кругом общественности в странах-партнерах. Все это сыграло свою роль в распространении информации об основных направлениях деятельности НАТО, в том числе в рамках программ партнерства и сотрудничества.

Политика НАТО способствует как установлению контроля над внутриполитическими процессами в странах-партнерах, так и возможности максимального использования их потенциала в коалиционных миссиях. Все это позволяет рассматривать Альянскак глобальную военно-политическую организацию, способную контролировать деятельность лояльных к нему стран для достижения того миропорядка, который бы обеспечивал безопасность и защищал интересы стран блока. Его партнеры позволяют НАТО де-факто легитимизировать свои действия в любой части света, что делает возможным характеризовать НАТО как мощнейшую военно-политическую структуру в мире.

Став ассоциированным членом Парламентской ассамблеи НАТО в 1994 году, Республика Молдова присоединилась к программе «Партнерство ради мира». Это явилось значимым шагом для нашей страны и обусловило ее дальнейшее сотрудничество с евро-атлантическими структурами. Особая роль в этих отношениях принадлежит Индивидуальному Плану Действий (IPAP) Республика Молдова – НАТО, подписанному в 2005 го-

ду. В соответствии с данным Планом основными стратегическими целями Республики Молдова являются: интеграция в Европейский Союз, усиление диалога и углубление отношений с евроатлантическими структурами. Документ обеспечивает активизацию и углубление диалога с евроатлантическими структурами, в первую очередь, с целью осуществления реформ в секторе безопасности.

Индивидуальный План действий по партнерству с НАТО фокусируется на таких направлениях, которые затрагивают вопросы территориальной целостности Республика Молдова, борьбу с терроризмом и организованной преступностью, демократический контроль над вооруженными силами, и проведение реформ. Данный документ предусматривает реформирование государственных институтов страны в соответствии с евроатлантическими стандартами.

Двусторонняя заинтересованность в партнерских отношениях, позволила добиться Республике Молдова значительных успехов в процессе реализации взятых на себя обязательств. Это касается как соблюдения договорной базы, так и реализации ключевых программ, участницей которых стала наша страна. Важным видится отметить успешное осуществление основных направлений в рамках двустороннего диалога. Это не остается без внимания со стороны представителей Альянса, которые видя заинтересованность в сотрудничестве, оказывают влияние на поступательное продвижение реформ в стране.

Республика Молдова принимает добровольное участие в международных миссиях по поддержанию мира и восстановлению постконфликтных регионов. Современные реалии мирового развития требуют выработки многостороннего подхода к обеспечению безопасности. Имея определенный опыт в процессе попыток урегулирования Приднестровского конфликта, Республика Молдова участвует в международных миссиях по поддержанию мира, внося, таким образом, свой вклад в поддержание мира и безопасности.

Сотрудничество Республики Молдова и Организации Североатлантического договора подкреплено регулярными контактами на высшем уровне, определяются новые направления сотрудничества, поддерживается постоянный диалог между партнерами. Все это свидетельствует о заинтересованности сторон в углублении и укреплении сотрудничества.

Для Республики Молдова, участие в программах НАТО создает условия безопасности и повышения обороноспособности государства. Сотрудничество с евроатлантическими структурами создает возможности для привлечения в страну финансов и инвестиций, которые направляются на продвижение реформ. Действующее руководство страны намерено приложить все усилия, чтобы более тесно сотрудничать с политическими и во-

енными структурами НАТО. Это подтверждается не только пронатовскими убеждениями многих представителей властных структур страны, но и конкретными действиями, которые осуществляет Республика Молдова в рамках сотрудничества с Альянсом.

Контакты сторон достаточно регулярны и продуктивны. Так, в частности, в июле 2014 года состоялась встреча президента Молдовы с председателем Парламентской Ассамблеи НАТО Хью Бейли, в ходе которой официальные лица обменялись мнениями по способам укрепления отношений сотрудничества между Республикой Молдова и Североатлантическим альянсом. Председатель Парламентской ассамблеи НАТО Хью Бейли подчеркнул важность обеспечения безопасности и стабильности в этом регионе Европы. Чиновник отметил, что несовместимостей между статусом нейтралитета Республики Молдова и развитием партнерства с Североатлантическим альянсом не существует. «НАТО уважает статус нейтралитета Республики Молдова. Молдавские власти должны определить уровень сотрудничества с Альянсом. Что касается нас, то мы желаем содействовать укреплению национальной безопасности Республики Молдова», - отметил Хью Бейли [4].

Кроме того, особое внимание было уделено готовности государств-членов ЕС и НАТО продолжать оказывать поддержку усилиям молдавских властей по проведению реформ. Официальные представители данной структуры поддерживают приверженность страны и в дальнейшем реализовывать курс европейской интеграции и модернизации.

Важным для председателя Парламентской Ассамблеи НАТО явилась и встреча с представителями гражданского общества, состоявшаяся в Центре Информации и Документации НАТО, в ходе которой всем представителям гражданского общества была дана возможность высказать свое мнение по наиболее важным вопросам, касающимся взаимодействия НАТО и Республики Молдова. Так, были затронуты вопросы о нейтральном статусе государства, затянувшемся Приднестровском кризисе, важности для Республики Молдова углублять двусторонний диалог с Альянсом.

Не случайно столь пристальное внимание было уделено именно статусу нейтралитета нашего государства. Это один из наиболее чувствительных вопросов, который чрезвычайно важен для широкой общественности. Многие граждане открыто выражают свое мнение о нежелании вхождения в евроатлантические структуры именно из-за потери статуса нейтралитета нашего государства. Однако властные структуры страны в последнее время все чаще делают заявления об углублении сотрудничества Республики Молдова и НАТО с целью последующего вступления нашего государства в НАТО.

К примеру, нынешний Министр обороны Анатол Шалару в своих выступлениях ратует за важность продвижения в жизнь пронатовскую линию, целью которой является вступление нашего государства в НАТО в долгосрочной перспективе. Новоизбранный руководитель Министерства обороны заявляет о необходимости модернизации и наращивания операционного потенциала вооруженных сил, пересмотре финансирования армии и улучшения качества подготовки военнослужащих [5].

Представители НАТО неоднократно заявляли о своем интересе к ситуации в Республике Молдова, к программам, которые внедряются Правительством Республики Молдова, к мерам, реализуемым по укреплению обороноспособности и безопасности страны. В июне 2015 года состоялся первый визит делегации комитета по сотрудничеству в области партнерства и безопасности НАТО в нашу страну. В ходе обсуждений актуальных вопросов двустороннего взаимодействия представители Альянса отметили многолетнюю историю сотрудничества Республики Молдова и НАТО, необходимость последующего развития партнерства и укрепление потенциала в области безопасности. В свою очередь молдавские власти выделили внутренние и внешние проблемы, которые требуют поиска адекватных и своевременных решений [3].

В свою очередь директор департамента политики планирования обороны Североатлантического альянса Фрэнк Болэнд, находившийся в конце июля 2015 года в Молдове заявил о выделении необходимых средств для модернизации молдавской армии. Это означает, что позиция Молдовы одобряется и поддерживается НАТО.

Реформы обороны и сектора безопасности являются основными направлениями сотрудничества. НАТО поддерживает демократические, институциональные и судебные реформы, реализуемые в Республике Молдова. Важным видится добиться обеспечения транспарантности военных расходов, планирования бюджетной обороны и обеспечения демократического контроля над вооруженными силами. Другим значимым направлением является сотрудничество с НАТО в области планирования чрезвычайных ситуаций и ликвидации стихийных бедствий. Уполномоченные органы Республики Молдова уже накопили в этом богатый опыт за годы сотрудничества с НАТО [7].

В рамках проводимой политики партнерства и сотрудничества НАТО оказывает Республике Молдова содействие и помощь в подготовке военных и оснащении национальной армии [6]. Так, военнослужащие национальной армии нашей страны неоднократно принимали участие в многонациональных учениях НАТО.

Важным видится отметить, что положение Республики Молдова в международной системе безопасности, особенно на региональном и субреги-

ональном уровнях, довольно сложное. Республика Молдова не обладает необходимыми ресурсами для того, чтобы способствовать проведению внешней политики безопасности. Принимая во внимание тот факт, что НАТО и ЕС являются стержневыми элементами европейской системы безопасности, Республика Молдова должна сохранить выбранный ею внешнеполитический вектор. Однако не следует недооценивать возможность тенденции самоизоляции и асимметричности, в случае переориентации курса страны на Восток, поскольку это может изолировать Республику Молдова от участия в европейских процессах. Существуют определенные риски, способные негативно отразиться на общем состоянии страны.

В условиях глубокого внутреннего кризиса, который переживает наша страна в настоящее время требуется понимание важности недопущения эрозии государственности. Следует со всей серьезностью отнестись к факту организации митингов антиправительственной направленности, к кризису банковской системы страны, коррупции и деструктивным явлениям в социальной сфере молдавского общества. В сложившейся обстановке были остановлены выплаты по Соглашению об Ассоциации, отказано в выплатах со стороны Всемирного банка и МВФ. Все это негативно отражается на внутреннем состоянии государства. Отсутствие прозападных политических лидеров, способных заменить ныне действующую дискредитировавшую себя власть и повести за собой страну может негативно отразиться на внешнеполитическом векторе страны. Внутренняя нестабильность способна породить сложности во внешней политике, особенно если учитывать обстановку сложившуюся на Украине, а также позицию России в отношении Республики Молдова. Именно поэтому важным видится помнить, что на пути европейской интеграции и евроатлантического сотрудничества удалось много добиться. Конструктивный двусторонний диалог Республики Молдова и НАТО способствует укреплению сотрудничества, развитию и модернизации военной сферы нашей страны, а также поддержанию региональной и международной безопасности.

Литература:

1. НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. – Москва: Кучково поле. 2012. – 175с.

2. Тимакова О. Программы партнерства НАТО и планы глобального доминирования Альянса. // Обозреватель-Observer. 2015. №3, с.56-66.

3. Представители НАТО заявили о намерении развивать сотрудничество с Республикой Молдова в том числе в области безопасности, http://ru.sputnik.md/politics/20150602/366976.html(посещала 04.09. 2015)

4. Президент НиколаеТимофти провел встречу с председателем Парламентской ассамблеи НАТО Хью Бейли. //

http://www.presedinte.md/rus/presa/presedintele-republicii-moldova-nicolae-timofti-a-avut-o-intrevedere-cu-presedintele-adunarii-parlamentare-nato-hugh-bayley

5. Шалару намерен интегрировать Молдову в НАТО. http://tsn.md/news/politica/item/5257-video-shalaru-nameren-integrirovat-moldovu-v-nato(посещала 04.09. 2015)
6. NATO Secretary General and Moldovan Foreign Minister discuss stepping up cooperation. Новостной портал НАТО. 2014 год. http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_106985.htm (vizitat 12.06.2015)
7. NATO's relations with the Republic of Moldova. http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_49727.htm (vizitat2.05.2015)

Представлена в редакцию
26 августа 2015 г.

THE EASTERN PARTNERSHIP IMPACT OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN REPUBLIC OF MOLDOVA AND RUSSIAN FEDERATION

Grigore PÎRŢAC
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Ştiinţe Politice şi Administrative, Departamentul Ştiinţe Politice şi Administrative
Doctor în ştiinţe politice, conferenţiar

Ana PLEŞCA
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Europene din Moldova, Catedra Limbi Moderne
Magistru în filologie

In this article the authors highlight the impact of Moldova's participation in the Eastern Partnership on bilateral relations with Russia. It promotes the idea that actions based on geopolitical nature, Moldova, if it wants to raise relations with Russia to a higher level, to become a credible partner, must deepen internal reforms.

The Eastern Partnership – a common initiation polish-suedish, established in 2008, which seeks to update the relations between the EU and six post-Soviet neighbors states (Belarus, Ukraine, Moldova, Georgia, Azerbaijan and Armenia) [1].

The main objectives of the Eastern Partnership are political association and economic integration of the six countries with the European Union.

The Eastern Partnership was established to strengthen the Eastern dimension of the European Neighbourhood Policy, launched in 2004, and in this sense, has been hailed as a good step towards differentiation southern and eastern dimensions [2].

The partnership was discussed in the European Council on 20 June 2008. The Czech Republic supported this proposal, while Romania and Bulgaria were concerned that the Black Sea Forum for Partnership and Dialogue and the Organization of Black Sea Economic Cooperation may be underestimated [3].

Germany, France and some western states were not initially conceived the idea that the Eastern Partnership could be seen as a cornerstone for membership (especially in Ukraine), while some Eastern states have accepted this idea [4].

The first summit took place on 7 May 2009 in Prague. This ambitious Partnership foresees a substantial upgrading of the level of political engagement, including the prospect of a new generation of association agreements, integration

of the enlarged EU economy, to facilitate the trips of the citizens from this region to the UE with the condition of the certain provided security requirements, establish better ways of the concrete energy security to be beneficial for all concerned, and increased financial assistance.

Eastern Partnership complement the Northern Dimension and the Union for the Mediterranean by conferring an institutionalized forum for discussing visa agreements, free trade agreements and strategic partnership agreements with the EU's eastern neighbours, avoiding at the same time controversial topic of adherence to the European Union [5].

The Eastern Partnership was officially launched when the Czech Republic invited the six member states of the initiative. Russia accused the EU of trying to break the Russian influence, a claim that the EU has denied it, affirming that the UE only «respond to the countries requests» [6].

In 2013, at the Vilnius Summit were discussed aspects of the Association Agreement with the European Union states involved in this ambitious project. ,,The European Union is the most perspective strategy for us: the priority of law, economic stability, functional state institutions, guarantee rights", said at this the Moldovan Prime Minister Iurie Leancă, adding that ,,Russia understand that our priority is modernization, not geopolitics" [7].

On November 28, 2013 after the initialling of the Association Agreement for Moldova decided [8]:

- Taking formal commitments to the community forum and establishing a general framework of relations between the parties;
- Including a deep free Trade Agreement and comprehensive, which will reduce barriers to trade between the EU and Moldova, thus contributing to economic growth;
- Attracting foreign investors in Moldova;
- Creating a framework for cooperation in fields as trade, security policy and culture;
- The connection of political and economic system of the Republic of Moldova in accordance with European values and standards and EU regulations;
- Liberalization of visa regime for Moldovan citizens who want to travel in the European Union on condition that they have a biometric passport.
- Unfortunately, the Eastern Partnership Summit in May 2015 in Riga has not met the expectations of post-Soviet states involved in the project such as Ukraine, Georgia and Moldova.
- Thus, instead of a clear European perspective, Moldova achieved at the summit of the EU Eastern Partnership in Riga encouragement for continuing reforms and was warned about the high level of corruption.

- "No state of the Eastern Partnership is not ready to be given to EU accession perspective," said European Commission President Jean Claude Juncker. "Neither they are not prepared, and we are not prepared for this," he continued.

European Commissioner for Neighbourhood Policy, Johannes Hahn, encouraged the Moldovan authorities to implement the provisions of the Association Agreement, to strengthen the rule of law and the economy.

The president of Lithuania, Dalia Grybauskaite, talked about Moldova's European perspective: "From now on everything depends only on your government, how you will implement reforms and to what extent you will take into account the will of the people. The fight against corruption must continue. This is the biggest problem that you have, "said Dalia Grybauskaite.

Romanian President Klaus Johannis, suggested the Chişinău's authorities to apply precisely the provisions of the association agreement and stated: "The prospect must remain for Moldova - a clear European perspective".

EU relations with Eastern Partnership countries will continue in stages, said European Council President Donald Tusk, suggesting that the Republic of Moldova, Ukraine and Georgia do not have clear perspective of European integration [9].

Summit's results in Riga in May 2015 prompted the need to review the Eastern Partnership. Thus Romanian and German experts propose reforming the Eastern Partnership, as the current formula, with the six countries, is not running, according to a report by the Romanian Center for European Policies and the German Institute for European Policy. Experts, invoke hesitant attitude adopted by Armenia, Azerbaijan and Belarus to the EU. Therefore, the European community should give more support to Moldova, Georgia and Ukraine.

The new formula would focus on full implementation of the Association Agreements and support reforms in Moldova, Georgia and Ukraine. The report's authors argue their position, through hesitant attitude of Armenia, Azerbaijan and Belarus in relation to the EU as well as the existence of problems in these countries on the promotion of democratic principles.

Simultaneously, the study states that the Association Agenda implementation would mean that in the next 10 years, Moldova, Georgia and Ukraine to take 80 percent of the acquis communautaire [10].

Note that immediately after the 2009 Prague Summit the European Union has directed more attention to Eastern Europe due to the political, economic, social impact generated by the revolutions of eastern states (the relevant example is Georgia and Ukraine), trying to alleviate these serious consequences not allowed to maintain the stability and integrity of states created after the collapse of the Soviet Union.

Clearly, this involved the finalization of the Eastern Partnership following objectives:

1. Politically and economically closer to the EU partner countries.
2. The promotion of security, stability and good governance.
3. Facilitating partnership between civil society organizations with partner governments.
4. Encouraging contacts between people through visa liberalization in the long term on an individual basis and conditions.
5. Improving energy security.
6. Promoting reforms in various sectors and environment protection.

The launch of this project provoked hostile reactions from the Russian Federation. Thus, the Russian foreign minister, Sergei Lavrov, accused the EU in March 2009 that it would seek to expand its "sphere of influence" in Russia's neighborhood.

This prompted European officials constantly mention in their speeches that the Eastern Partnership is not directed against Moscow.

A significant impact was implementing the provisions of the Eastern Partnership on relations between Moldova and the Russian Federation, especially after early parliamentary elections in Moldova on 29 July 2009, when creating the first coalition of 4 parties in order to take over governing the country under called Alliance for European Integration. A major objective of the agreement was Moldova's European integration and promoting a balanced foreign policy, consistent and responsible.

Although by then the Russian Federation remains one of the main economic partners of Moldova, taking first place among importers of Moldovan products and the leader among suppliers of goods on the Moldovan market, in 2009 gradual economic cooperation between the two countries experienced a continuous decline, mainly due to export restrictions imposed by Moscow, to Moldovan goods [11].

Moreover, starting with September 2013, Russia imposed the following sanctions [12]:

- re-embargo on Moldovan wines, which continues until now (later it served as a tool of Russian involvement in the political struggle in our country, that a few Moldovan companies benefiting from the possibility to export to the Russian market following the actions of the pro-Russian parties);

- Also in the fall of 2013, thousands of Moldovan workers were deported by the Federal Migration Service of Russia, just in the first few weeks of September being deported about 3,500 Moldovan citizens;

It also, points out that Russia wants to maintain its influence in Moldova, regardless of Chisinau’s preferences, is facilitated by the presence of Russian troops in the Transnistrian region.

In this context comes the declaration in autumn 2013 of the current Russian Deputy Prime Minister Dmitry Rogozin: ,,A decision by the Republic of Mol-

dova to become an associate member of the European Union will lead the review of agreements with Russia and will complicate the settlement of the Transnistria conflic, he said” [13].

Another statement to the threat of Moldova it belongs Russian Foreign Minister Sergei Lavrov who said in a press release: Once the agreements that our partners in the CIS free trade area (Commonwealth of Independent States, URSS without Baltics, Turkmenistan and Georgia - n.red.) is going to sign with the EU will come into force, and if we see that this has negative consequences on this area, we also get protection measures in full compliance with WTO rules (World Trade Organization), "said Russian Foreign Minister Sergei Lavrov, quoted by AFP” [14].

Before signing the Association Agreement between Moldova and the European Union have issued some Russian officials some signals to our country: ,,Russia is ready to apply military force in Transnistria, where NATO is planning to move eastward, left Prut. For Russia, the number one objective is to defend the borders and the NATO bloc is not at the border. It is the primary objective. For this we will do whatever schemes and formulas. Russian troops in Transnistria ensure that NATO will not enter this space. Do you think that we have nothing to do with the military? We know that without your analysts what to do with it, we have to defend a large territory. Russia will call on the use of force in Transnistria only if NATO will come to Moldova", said Aleksandr Dugin" saying later "Moldova can only enter NATO and so, but not in the European Union, which is destroyed. Keys of Transnistrian dispute solution are in Moscow. The Transnistrian conflict has a solution. You need to integrate the Eurasian Union and solve everything" [15].

Another statement was Russian Deputy Foreign Minister Grigori Karasin: ,,Association agreement between Moldova and the European Union, scheduled for June 27, is extremely important for Russian-Moldovan relations. It is a major event in our bilateral relations”, Karasin said.

The Russian diplomat said that relations between Russia and the neighboring country will be affected in all areas - "political, economic, cultural, spiritual". Thus, one aim of the Kremlin in this regard is to minimize the "potential negative effects, primarily in the area of bilateral trade and economic cooperation" [16].

On September 2, 2014 being in a visit to Chisinau Deputy Prime Minister Dmitry Rogozin Russia's current noted that [17]:

,,We wait for Valeriu Lazar in Moscow, energy is particularly important to prevent cold. I hope you will not freeze in winte... This is just a waiting room where they could be kept long little finger first influencing first of all relations with the Russian Federation. Many of the links that exist at the moment will be broken, "continued Deputy Russian.

Coincidence or not, Russian health service "Rospotrebnadzor" on September 3, 2013 in a press release, warned that if in the near future, the Moldovan authorities will take measures not essential to ensure the safety and quality of products delivered, then wine embargo can become reality. [18] After signing the Association Agreement between Moldova and the European Union of 27 June 2014 shortly Russia's Prime Minister Igor Shuvalov Viceprime Minister threatened with exclusion of Moldova within its FTA SNG consequences being imposed duties of up to 7,8%.

Once the agreements that our partners in the CIS free trade zone, is going to sign with the EU will come into force, and if we see that this has negative consequences on this area, we take the course in full compliance safeguards WTO regulations, "said Russian Foreign Minister Sergei Lavrov, quoted by AFP. "We want to understand which will be consequences for our economy," added Lavrov.

So after ratification by the EU of the Parliament of Moldova, Russia has resorted to applying sanctions as a few others:

- As of July 21, 2014, Russia banned all supplies of fruits from Moldova.
- Just a few days, Russia has banned imports of canned fruits and vegetables, sugar and processed meat from the Republic of Moldova [8].

Out of 27 October 2014 Russia has extended the prohibitions and imposed a total embargo on meat imports from Moldova.

Election of a President pro-European, union demonstrations in Chisinau and more bold political entities began to visibly upset Russian Federation.

In conclusion we note that in recent years the Moldovan-Russian relations can be characterized as often contradictory. Based on action by geopolitical, Moldova, whether to raise the relationship with the Russian Federation at a better quality and, perhaps most importantly, become a credible and respected partner, must deepen internal reforms.

Also, foreign policy, Moldova being a small country needs as many credible partners who desire to help its European integration and Transnistrian conflict settlement. To do this, but it requires that Chisinau in turn be a predictable partner, to promote relations transparent and predictable, thereby facilitating the task of the European partners.

Bibliography:

1. http://www.ipp.md/public/files/Proiecte/blacksee/rom/R.Varbie-ro.pdf
2. https://ro.wikipedia.org/wiki/Parteneriatul_Estic
3. http://eeas.europa.eu/eastern/about/index_en.htm
4. https://euobserver.com/foreign/26211
5. https://ro.wikipedia.org/wiki/Parteneriatul_Estic
6. [Ibidem]

7. http://www.mediafax.ro/externe/iurie-leanca-relatiile-dintre-republica-moldova-si-rusia-nu-intra-in-contradictie-cu-integrarea-in-ue-11274025
8. http://trm.md/ro/politic/acordul-de-asociere-rm-ue-parafat-la-vilnius/
9. http://www.dw.com/ro/summit-ul-de-la-riga-un-du%C8%99-rece-pentru-moldova/a-18468162
10. http://www.publika.md/o-noua-formula-pentru-parteneriatul-estic-cu-ce-propunere-au-venit-expertii-romani-si-germani-_2336711.html
11. http://www.moldova.ms/?l=ro&a=101
12. https://ro.wikipedia.org/wiki/Rela%C8%9Biile_dintre_Republica_Moldova_%C8%99i_Rusia
13. http://timpul.md/articol/rogozin-amenina-moldova-i-se-implica-in-treburile-interne-ale-statului--cum-vor-reaciona-oficialii-rm-47776.html
14. http://www.ziare.com/europa/moldova/rusia-avertizeaza-din-nou-moldova-din-cauza-acordului-cu-ue-1307760
15. http://www.ziuaveche.ro/international/basarabia/schizofrenicul-lui-putin-ameninta-r-moldova-cu-razboiul-chiar-de-la-chisinau-174068.html/
16. http://www.ziare.com/europa/moldova/rusia-ameninta-din-nou-r-moldova-cum-are-de-suferit-daca-semneaza-acordul-cu-ue-1303745
17. http://www.timpul.md/articol/rogozin-ii-bate-joc-de-cetaenii-i-politicienii-din-rm-urmeaza-o-iarna-grea-i-o-toamna-rece-speram-sa-nu-ingheai-de-frig-47796.html

Prezentat la redacție
la 3 august 2015

THE IMPACT OF THE INTERNAL FACTORS ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Tatiana TURCO
Republic of Moldova, Chisinau, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, Department of Political and Administrative Sciences
PhD (Political science), associate professor

Evghenii TURCO
Republic of Moldova, Chisinau, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, International Relations, American Studies
Master Program student

Alla ROȘCA
Republic of Moldova, Chisinau, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, Department of International Relations
PhD (Political science), professor

Diplomatic relations between the Republic of Moldova and United States were established in 1992. Over the years, the two countries have developed the main directions of cooperation in various spheres of public life. In this article, the authors reveal the impact of the internal factors on the relationship between the Republic of Moldova and the U.S. The first section is devoted to the analysis of government programs interaction between the United States and the Republic of Moldova in various areas. The second section analyzes the role of political parties, NGO and media in the interstate cooperation between the Republic of Moldova and the U.S.

The United States has always been and remains a consistent supporter of economic and democratic reforms in our country. Moldova is often presented as a model of the successful implementation of political and economic reform for other countries in the region. Nevertheless, there is still much to be done in order to solve internal problems and to realize the great potential for bilateral cooperation between United States of America and the Republic of Moldova.

Keywords: *Republic of Moldova, the United States of America, the Moldovan-American cooperation, internal factors, American aid, government programs, NGO, media, content analysis.*

Governmental Programs of Interaction between the Republic of Moldova and the United States of America

For more than two decades the Republic of Moldova and the United States are maintaining close political and economic ties. In the first years of its independence Moldova has managed to establish good relationship with Washington by implementing democratic reforms. This has created an appropriate environment in Washington to support Moldovan strategic objectives. Moreover, by the end of the 90s necessary prerequisites were created for the Moldovan-American cooperation in the form of privileged partnership.

Since independence, Moldova enjoyed the support and participation of the United States in various processes: accession to international organizations; participation in various regional initiatives; settlement of the Transnistrian conflict; support for democratic and economic reforms.

Thus, it is possible to identify the main areas of cooperation between the Republic of Moldova and the United States: participation in the program “Millennium Challenge Corporation”; U.S. aid; economic and trade cooperation; settlement of the Transnistrian conflict.

In 2006, the U.S. included Moldova in the program Millennium Challenge Corporation (MCC). Invitation to participate in the program indicates a higher level of confidence in the current Moldovan authorities in promoting democratic values and economic reforms. The inclusion of Moldova in this program is equally evaluation and great credibility to our country. At the same time it is a big responsibility that rests on Moldova. The ability of our country to develop a significant and well-grounded in economic terms proposal for funding under the program "Millennium Challenge Corporation" will largely depend, on the level of inclusion of the private sector and civil society in this process [5].

In 2010-2011 Moldova received 262 million dollars allocated for projects to modernize the transport and agriculture (the program «Compact»). Moldova also receives an annual standard package of assistance from USAID to implement reforms in priority areas [17].

To monitor implementation of the program «Compact» Moldovan Government established the Fund "Millennium Challenge - Moldova" [5]. The project "Transition to High Value Agriculture" with a budget of $ 102 million includes the rehabilitation of 11 irrigation systems that provide irrigation is needed for more than 15 thousand hectares of land. The budget of the project "Road rehabilitation" is 133 million US dollars. In the course of this project 93 km of one of the most important highways in the north-east of the country - a section of road Sarateni-Soroca will be repaired.

At the end of 2014 the Supervisory Board of Fund "Millennium Challenge - Moldova", approved the action plan for completion of the program «Compact» [29]. According to the plan, in 2015 the fund "Millennium Challenge – Moldo-

va", which implements the program «Compact»: provide remediation of eight irrigation systems, which will be commissioned in the summer of next year; will monitor the quality of Saratenii-Soroca, restored and open to traffic; continue lending to post-harvest infrastructure, and others. Additionally, ten rehabilitated irrigation systems will be transferred for use by farmers who created the irrigation association.

The financing of a new Program Compact for Moldova has been postponed due the extremely high level of corruption. Namely the arrears in control of corruption have not permitted the signing, in December 2014, of the Program Compact I [1]. Regarding other indicators (good governance, transparency, economic freedom, and other), Moldova was at necessary levels.

In accordance with the USA FREEDOM Act [4] Moldova receives technical and humanitarian aid from various government and non-governmental organization. In the period 1992-2013 the volume of U.S. aid to Moldova amounted to more than a billion US dollars [31]. Help is available for the promotion of democratic values, building a legal law, sustainable economic development, creating a favorable investment climate in the country, promoting reforms and others.

The financial aid to Moldova was divided between different tasks: Peace and Security; Governing Justly and Democratically; Economic Growth; Humanitarian Assistance. In 2009, the foreign aid of $15,55 million was divided between the following goals: for peace and security task $1.72 million, for governing justly and democratically - $7.40 million, for economic growth - $6.03 million and for humanitarian assistance – $400 thousand [15]. In 2010, the foreign aid was divided: for peace and security task – $2,471 million, for governing justly and democratically – $11,989 million, for economic growth – $6,561 million and for humanitarian assistance – $400 thousand [13].

According to State Department figures, the United States provided $21.855 million in foreign aid to Moldova in FY2013 and an estimated $20.66 million for FY2014. Before Ms. Nuland's visit in late March, the Administration requested $20.23 million in assistance for Moldova for FY2015. U.S. aid is aimed at helping Moldova fight corruption and transnational crime, including trafficking in persons. U.S. assistance also supports independent media and non-governmental organizations in Moldova, as well as rule of law programs. Other U.S. aid is aimed at improving the business climate in Moldova, and helping the country diversify its exports [14].

The U.S. trade relations with Moldova are not as impressive as its foreign aid policy for political transformation in the country. Nearly two decades the trade relations between the two countries were in a prolonged stagnation.

Since early 90's the legal framework of trade and economic cooperation has not undergone qualitative changes. Up to 2012 bilateral trade relations were

under the influence of Jackson-Vanik amendment, adopted by the U.S. Congress in 1972. At the end of 2012 Jackson-Vanik amendment for Moldova was canceled.

In 2014, trade turnover between the Republic of Moldova and the United States was formed in the amount of $108 million, which shows an increase of $ 10 million compared with 2013. The volume of the Moldovan exports to the U.S. last year was $ 32.1 million, while imports from the United States - $76.4 million [21].

The top exports and imports for both countries are agricultural goods. The top U.S. exports to Moldova in 2011 were meat and edible meat offal, machinery, electrical machinery and equipment, optic and medical instruments, and vehicles. The five largest imports from Moldova in 2011 were beverages and spirits, apparel, clothing accessories, rags, and footwear. The composition of U.S. exports has not changed over the past ten years [13].

Trade relations play a significant role for new states in economic growth. The Moldova-U.S. trade relation has room for growth in order to exploit the full development potential of bilateral relations.

In 2010, Moldova has signed an agreement with the U.S. government agency OPIC (Overseas Private Investment Corporation), which provided financial guarantees to companies investing in new or emerging markets. In order to be more productive to work on commercial projects in the coming years, there are many resources chambers of commerce, including AmCham, the Chamber of Commerce of the Republic of Moldova, Moldovan-American Chamber of Commerce in New York. But only few Moldovan companies, such as Moldova Wine Guild, the Association of companies TT and a number of others are implementing strategies for the development of new markets. Most Moldovan companies do not take active attempts to consistently and pragmatically take advantage of the U.S. market.

United States ranked 6th place in the top of the largest foreign investors Moldovan economy in the beginning of 2015 [36]. In Moldova, there are 383 enterprises with American capital. Invested capital equals to 554.3 million Lei [25].

The U.S. investors can be considered pioneers in the Moldovan market. The first companies from the United States came to Moldova in the early 90s, and are now active players in the investment field. First of all U.S. investment funds are interested in the industrial and financial assets of Moldova, attractive area of information and communication technologies. The U.S. investors or representatives of U.S. companies in Moldova are the following: NCH Group of Investment Funds, investing in real estate and financing companies; Capital, equity investment fund managing the investments of Western NIS Enterprise Fund and the Emerging Europe Growth Funds I and II with holdings in bank-

ing, foodprocessing, and glass manufacturing; McDonald's, Coca-Cola, Food-pro International, food processing; Lion Gri, wine; Transoil Ltd., farming, agri-business, and grains trading; Mary Kay and Avon, perfumes and cosmetics, Dionisus Mereni (wine), Sun Communications, information and communication technologies.

Like many foreign investors, Americans are attracted by certain conditions necessary for business. For example, the geographic location of Moldova between the West and the East, human resources, tax regime, possible benefits, trade preferences, and others. In addition, many U.S. companies are hesitant to take advantage of Moldova due to its small size and distance from the United States. Also, they give a lot of attention to the political situation. The unresolved Transnistrian conflict harms all sides and discourages potential investors from Moldova.

The current business climate hampers investment and development of trade relations in Moldova. Selective interpretation and application of laws, inadequate and inconsistent legislation, and corruption are constraints in the implementation of investment projects in our country. The Moldovan post-communist government is doing everything possible to create a more favorable business climate in the country and is committed to ensuring that American companies have come to the domestic market with investments and advanced technologies. The Association Agreement will facilitate trade and economic relations between our country and the United States [23].

In 2014, in Washington at the meeting of the joint Moldovan-American Commission on trade issues were discussed possibilities of expanding trade exchanges between Moldova and the United States in the field of international trade and investment. The parties discussed the start of negotiations and the subsequent signing of the Framework Agreement on Trade and Investment between the Republic of Moldova and the United States (Trade and Investment Framework Agreement - TIFA). The agreement is an important tool for investors and financial institutions in the U.S. and is intended to provide a legal basis and permanent institutional framework for cooperation.

In March 2014 began a strategic dialogue between Moldova and the U.S., which is a multidisciplinary platform for deepening bilateral relations. Participants of the meeting were in favor of the promotion of trade and economic relations by opening the U.S. market for Moldovan producers and attracting U.S. investment in the national economy. U.S. is ready to help Moldova in various areas, including in the implementation of association agreements and the Deep and Comprehensive Free Trade Area with the EU [26].

The United States has been and will remain one of the most reliable partners of Moldova in the Transnistrian question. Negotiations over the degree of autonomy to be accorded the Transnistria region within Moldova have been sta-

lled for many years. The two sides have negotiated over Transnistria's status with the mediation of Russia, Ukraine, and OSCE. In 2005, at the urging of Ukraine and Moldova, the United States and the European Union joined the talks as observers, resulting in what is called the "5+2" format. From 2006 until late 2011, formal 5+2 talks were not held, due to Transnistrian leaders' anger at Moldova's cooperation with the EU and Ukraine to monitor Moldova's Transnistria border with Ukraine, in an effort to deter smuggling. Informal 5+2 consultations were held regularly, however. Expert groups discussed confidence-building measures between the two sides, but no progress occurred on larger political questions. In late 2011 dialogue resumed in 5+2 format, providing some progress in confidence-building measures, but none in political status.

The Moldovan leadership favors a substantial degree of autonomy for Transnistria, but only as part of a united Moldova. It is seeking the withdrawal of all foreign (i.e., Russian) troops from Transnistria and the replacement of the current peacekeeping force by civilian observers, preferably led by the EU. Transnistrian leaders constantly reject the idea of autonomy within the Republic of Moldova. In September 2006, Transnistria held a referendum on independence and union with Russia, which passed with 97% of the vote.

In 2011, Yevgeni Shevchuk, the president of Transnistria, called for focusing on practical issues such as lifting trade restrictions between Transnistria and Moldova, and restoring communications links such as trains and telephone service. Moldovan leaders have hoped progress on these small steps will eventually lead to progress on the issue of Transnistria's status. Shevchuk has rejected discussing the status issue at the 5+2 talks and stressed his support for Transnistria's independence. He has rejected Moldova's call to replace the multinational peacekeeping force stationed between Transnistria and right-bank Moldova with a civilian mission, saying that the Russian troops are there to protect Transnistria's security. He has called for closer economic integration between Russia and Transnistria, including Transnistria's eventual membership in the Russian-led Customs Union and Eurasian Union [14].

Thus, in the process of settlement of Transnistrian conflict the role of the United States was constantly changing and has recently acquired a new level. The U.S. is a reliable partner and an active supporter of Moldova's territorial integrity, the one of the principal supporter of Implementation of the OSCE Istanbul Summit in 1999 the complete withdrawal of Russian military forces from the territory of Moldova. The U.S. believes that the gradual integration of Moldova's economy in Western market structures might provide Transnistrian industry with tempting new opportunities and contribute to Transnistria's integration into Moldova.

The Role of Political Parties, NGOs and Media in the Interstate Cooperation between the RM and the U.S.

Development of civil society is an important feature of democracy. Citizens are aware that many futures of society are depending on them and are actively seeking a civilized way to participate in solving important social problems. A variety of associations and organizations are created at the initiative of the citizens themselves to achieve and realize their interests In the Republic of Moldova there are various foreign organizations that provide assistance to our country in the implementation of innovative programs for the development of the national economy and social support transformation and civil society institutions.

Cooperation of the Republic of Moldova and the United States is reflected in the programs and election platforms of Moldovan political parties [11, p.2]. Analysis of these programs has shown that the attention of the parties is focused on cooperation with the European Union and Russia (CIS), some are paying attention to relations with Romania, and almost nobody mentions U.S. Electoral programs or campaign platforms of many political parties that we managed to find does not contain references on cooperation between Moldova and the United States.

Among the parties that raise the issue of cooperation between the Republic of Moldova and the United States we can highlight the Liberal Party of Moldova, which advocates for the provision of the United States, along with the EU, the status of full member in the settlement of Transnistrian conflict; for the implementation of the strategy proposed by the New York City Bar Association on the Transdniestrian settlement.

In the electoral program for the parliamentary elections in 2009 Liberal Party proclaimed the deepening of the strategic partnership with the United States, and integration into Euro-Atlantic structures as one of the foreign policy vectors of the Republic of Moldova.

The Liberal Democratic Party was in favor of a mutually beneficial partnership of Republic Moldova with the countries of primary interest - the United States and Russia; PLDM stressed the importance of multi-dimensional relations between Moldova and United States [27]. In addition, the Liberal Democratic Party is in favor of the resumption of negotiations on the Transnistrian conflict in the "5+2" format, offering to increase the role of the EU and the United States in the settlement of this conflict [35].

In 2009 Electoral program of the Social Democratic Party of Moldova considered the need for cooperation with the United States in the economic and educational spheres [34].

In the 2014 election program of People's Party of the Republic of Moldova indicates the importance of preservation and development of partnerships between Moldova and the U.S. and NATO [12].

National liberal Party (NLP) regards the Romania-Republic of Moldova Interstate Union as a guarantee of advancing toward Euro-Atlantic structures by affirming the Romanian identity of the state and of the major population from Moldova. In the 2014 election platform NLP calls for the signing of a multilateral agreement between employers and unions of producers and chambers of commerce of the two Romanian states to promote our products in the EU, the US and other countries [10].

On the Moldovan political arena, there are parties that have an uncompromising anti-American stance. There are center-left and centrist parties that are not in a hurry to deepen relations with the United States of Moldova, fearing to aggravate relations with Russia. This fear - a relic of the Cold War ideological, but at the same time the Kremlin's main antagonist in the international arena is indeed Washington. In addition, in Moldova there is more domestic political consensus on European integration as opposed to Euro-Atlantic integration. This factor is likely to continue in the Moldovan politics because of fears that closer ties with Washington exacerbate pro-Russian separatism, strengthen the electoral appeal of centrist and left-wing political forces and public hostility towards NATO membership [24].

Thus, we can conclude that the problem of cooperation between the Republic of Moldova and the United States is not adequately reflected in the policy documents of the Moldovan political parties.

The activities of American non-governmental organizations (NGO) in the Republic of Moldova are based on the Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Moldova on cooperation to facilitate the provision of assistance signed March 21, 1994 [33].

In 1999, International Research & Exchanges Board (IREX) started its activities in the Republic of Moldova. One of the first programs in the IREX Moldova was the program "Contemporary Issues". It was funded by the Bureau of Educational and Cultural Programs U.S. Department of State and has allowed more than 70 experts from Moldova for 4-6 months to do an internship in the United States and to improve their skills. The program has worked for over 10 years. There are many reputable politicians, diplomats, government officials, prominent lawyers, economists, political scientists and scholars among its former members [19].

Today IREX successfully administers the «Muskie» program, which gained great popularity in the Republic of Moldova. It is designed for specialists with higher education and provides them with an opportunity to get a master's degree in U.S. universities. One of the new IREX programs is "The student exchange program". 1-3 year students of higher educational institutions for one academic year are trained in U.S. universities and colleges. The program inclu-

des not only the learning process, but also practical training, participation in voluntary movement, the widespread familiarity with the United States. Young people return home, knowing what must be done to achieve success for themselves and their country.

In the period 2004-2009 IREX implements programs of the Government of the United States "to support the participation of citizens in community development", which was funded by USAID. Non-governmental organization or initiative group of citizens consisting of at least 5 people from any settlement of Moldova (except Chisinau), could offer to the realization of the project in the social sphere, or infrastructure. 48 projects are already in the stage of realization in many towns and villages in different areas of the country. To support 200 projects in Moldova, USAID has provided funding of $5 million. And the amount of the grant varies from $1,000 to $20,000 [19].

In 2006, the Association of the Bar of New York published a study "Defrost a "frozen conflict": legal aspects of the separatist crisis in Moldova". American lawyers Mark Meyer and Christopher Borgen analyzed the key aspects of the Transnistrian conflict from the point of view of international law [18]. According to American experts, the analysis indicates absolutely unreasoned nature of the separatist leaders of Tiraspol claims from the point of view of international law, serious violations of fundamental human rights and freedoms, the threats to regional and international security, while maintaining and tolerance to the Tiraspol regime. According to the American Bar, the identification of the legal side of the Transnistrian separatism is an important step in clarifying the essence of this phenomenon. In conjunction with the diplomatic efforts of the report could contribute to enhanced legal framework of the settlement process, the adoption of internationally correct strategy and optimum mechanisms to overcome the Separatist Crisis in Moldova [22].

Professor of the University School of Law St. John Christopher Borg said that Transnistria has no right to claim independence or autonomy. With regard to the prospects of obtaining Transnistria any new status, Christopher Borg concluded: "In international law, there are no loopholes for the recognition of the independence of Transnistria. The only thing you can count Tiraspol - this emphasis on internal self-government, and not external self-determination" [32]. American lawyers clarify that the privatization program of the Transnistrian region cannot give investors confidence that these transactions will be recognized in the case of reintegration of the territory of Moldova.

The report stated that Russia is responsible for the continuation of the Separatist Crisis in Moldova through intervention in the side of the self-proclaimed Tiraspol leaders, providing them with military, economic and other assistance. Tiraspol regime "cannot exist without the direct support of Russia" [32]. Speaking about the prospects of solving the Transnistrian conflict, Borgen and

Meyer said that with the expansion of the EU and NATO eastward situation will change. It began to change in the autumn of 2005, when the EU and the U.S. have joined the negotiation process.

It is important to note that in the U.S. there are NGO started by citizens of the Republic of Moldova, for example, the Association of Moldovans in the U.S. «Casa Mare», Washington; Association "Moldova for Democracy and Development", New York; "The Moldova Foundation", Washington; Association of Moldovan migrants in the United States, Tampa and others [30]. This is due to the fact that the number of Moldovan citizens traveling to the United States is constantly growing. The American Community Survey indicated that the number of Moldovan emigrated in United States between 2007 and 2011 exceeds the 31.000 people [5].

Casa Mare's main goals are to foster unity among Moldovan people, and advance their cause. Casa Mare engages the Moldovan community through its social events, including Martisor Festival, 4th of July Picnic. The social events are often combined with fundraising events or various workshops debating the current events in Republic of Moldova and providing solutions to social, economic, and political issues. In addition to the social and charitable events, Casa Mare organizes meetings between Moldovan community and Moldovan officials [16].

The main goal of Moldovan association "The Moldova Foundation" is support to the population in Moldova to establish economic reforms and a democratic system in the country (with "freedom of speech, pluralism and private initiative"), through support of the United States and Europe Union [5]. On February 25, 2014, the Moldova AID Foundation, the Moldova Foundation, and the Association of Moldovans in Chicago organize the first annual Moldovan-American Convention in Washington. The Moldovan-American Convention is a public platform for dialogue and communication, advocating for expanding the ties between the United States of America and the Republic of Moldova. The aim is to amplify the web of economic, cultural and political connections, and enhance political relevance and opportunity to assist Moldova's path of transition towards the Western group of functional democracies [3].

The media are an important factor that affects the bilateral cooperation between U.S. and the Republic of Moldova. In order to see how the problem of the Moldovan-U.S. relations is covered in the Moldovan press, the author conducted a content analysis of a number of publications for the period January-April, 2015. We have reviewed 16 issues (for each newspaper) of weekly newspapers "Panorama", "Экономическое обозрение" ("Economic Review") published in Russian, and 17 issues of the weekly «Timpul» and 61 issue «Moldova Suverană» in Romanian language.

The following topics of publications were determined: visits of U.S. officials in Moldova; visits of Moldovan officials in U.S.; new ambassador of the USA in Moldova / new ambassador of the Republic of Moldova in U.S.; Economic Cooperation U.S. - Republic of Moldova; Compact Program / Millennium Challenge; political and social cooperation between U.S. and the Republic of Moldova; activities Moldovan diaspora in U.S.; U.S. ambassador activities in the Republic of Moldova / the Republic of Moldova ambassador activities in U.S.; cooperation with NATO; U.S. media about Moldova; public diplomacy; humanitarian cooperation. In addition, we looked at how often some specific words and expressions are encountered in the press, including the words US / USA; U.S. - Moldova cooperation; U.S. - great power / global power / superpower; Obama, White House, Obama administration; American support / American help.

The 42 materials were published by both criteria. If we analyze the quantitative indicator on the issue of Moldovan-American cooperation, the Russian-language and Romanian language weekly newspapers are comparable - 9 publications in the "Panorama" and «Timpul», 8 - in the "Economic Review". «Moldova Suverană» is published four times a week, and there were 7 published materials on the issue of Moldovan-American relations.

On the pages of newspapers quantitatively dominated materials on the following topics: «Cooperation with NATO»; U.S. ambassador activities in the Republic of Moldova / the Republic of Moldova ambassador activities in U.S. leader is the theme of "Cooperation with NATO» - 9 Articles 4 to "Panorama", 3 - «Moldova Suverană», 2 - «Timpul». 4 publications devoted to the activities of US Ambassador to Moldova. No publications were found on the topic of activities of the Moldovan Ambassador to the United States. On topics such as the Visit of US officials in the Republic of Moldova; New ambassador of the USA in the Republic of Moldova; Economic cooperation U.S. - the Republic of Moldova; Humanitarian cooperation has been published 3 materials. An important topic for Moldova - Compact Program - was discovered only in the pages of Romanian-language publications. On the topic of "U.S. media about Moldova" was found one publication in "Panorama". Such topics as "Political and social cooperation between US and the Republic of Moldova, Activities of Moldovan diaspora in U.S. and Public Diplomacy were not considered in the newspapers.

The simple number of materials on a particular topic cannot give the full picture. It should be noted the volume of published materials. In particular articles devoted to the Moldovan-American economic cooperation, a little, but rather voluminous publication. Materials, dedicated to the appointment of the new U.S. Ambassador to the Republic of Moldova and its activities are more common, but mostly they are small.

Regarding the qualitative characteristics of published materials, research results have shown that in the presented newspapers rarely appear publications which require highly skilled journalist. The exception is «Timpul», where only in half of the articles the author is a journalist. The bulk of the material presented in the form of information, most of the newspapers in their submissions are limited to a description of the facts, or the mention of some events. Analytical materials are virtually absent.

All materials in the newspapers were examined for the presence of the author and source of information. In the "Panorama" more than 60% of the materials are not signed, 30% - by the press service of the U.S. Embassy in Moldova. In the "Economic Review" 50% of materials are without the author. In the «Moldova Suverană» all publications are referring to news agencies or mediagroups.

In addition to articles dedicated to the Moldovan-American relations were also analyzed articles that meet the above words and expressions criteria, but which do not touch the given topic. As a rule, it is quite voluminous articles that cover a wide range of issues dealing with US policy. The most common is the word U.S. / USA (81), followed by a group of words Obama, White House, Obama administration, mainly due to the article about the White House (23). Equally frequently used expressions U.S. - Moldova cooperation and American support / American help (10).

As a result of the content analysis the authors have made the following conclusions. For the period January-April, 2015 33 materials were published in the newspapers "Panorama", "Economic Review», «Timpul» and «Moldova Suverană» on the issue of Moldovan-American cooperation. The topic «Cooperation with NATO» has the largest number of articles published. A large number of materials is presented in the form of information; analysis is practically absent.

The U.S. media cover only the most important events in Moldova. American media describe Moldova as the poorest country in Europe, which has suffered from the embargo on imports of wine and food, entered Russia. At the same time they call Moldova brave the state, which tends to the European Union, despite the dissatisfaction of Russia.

The American press reflects mainly the major political events taking place in our country. "The Washington Post" and "New York Times" published materials on the parliamentary elections, which took place November 30, 2014 in Moldova [8; 9]. "The Washington Post" said that 30 November 2014, voters have chosen between the western and eastern vector of development of the country. “The electoral contest between the governing coalition of liberal democratic parties and pro-Russian opponents was close: The liberals won 44 percent of the vote, compared with 39 percent for the Putinists,” - The Washington Post. According to the source, Western leaders should be prepared for the fact that Russia will take in Moldova the same actions as in Ukraine.

The In the article “Moldova Vote Give Edge to Parties Looking West” New York Times suggests that “forming a government is expected to be extremely difficult and to entail intense negotiations” [9]. Earlier this newspaper called Moldova the bravest country in the world: “If there were an Olympic competition for bravest country in the world, the gold medal might well go to Moldova” [7]. Author of the article applauds Moldova's bravery in face of Russian bullying, which is trying to prevent nation from joining European Union. He notes that Moldova could be the next Ukraine because Russia may want to annex Transnistria. And all this may happen due to lack of interest by the United States to the Republic of Moldova. According to the author, President Obama should reward Moldova for resistance to Russia and begin to support it.

The American press has responded to the presentation of Moldovan wines, which took place in New York and Washington. These events were organized to promote the national brand of Moldovan wines "Wine of Moldova - A Legend Alive" and create favorable conditions for trade partnership. During the event, participants learned about the history and culture of a thousand years of the production of quality Moldavian wines. 11 wine producers from Moldova presented their products for tasting. Wine expert Christy Canterbury, has the title of "Master of wine", believes that the Moldovan wine can take its rightful place, if you give them a chance. Journalists and visitors have noted that the Moldovan winemakers used the latest generation of technology, and the climate is excellent for production of wine [20].

In addition, the Moldovan wine was tasted live on Fox News during the business news. In the column «Wine with me» expert Christy Canterbury spoke about the three Moldovan wines: 2011 Asconi, Chardonney; 2011 JV Lion-Gri Saperavi; 2012 Et Cetera Cuvee Rouge, Cabernet, Merlot, Saperavi and Rara Neagra [28]. The show was a call to support Moldova, and try its wine. In general, the American media have appreciated the Moldovan wines, and believe that these wines have a chance to take their place in the U.S. market.

Thus, international cooperation between the United States and the Republic of Moldova is reflected in the sphere of civil society. The Republic of Moldova has various NGOs, which assist our country in the implementation of innovative programs for the development of the national economy and support social change and civil society institutions. The problem of bilateral cooperation is reflected in the programs and election platforms of some political parties. However, Moldovan political parties tend to put the greatest emphasis on the cooperation with the EU and / or Russian. Media is an important factor of bilateral cooperation, which contributes to the formation of positive public opinion of citizens of the two states.

Conclusions

For more than two decades, the United States and the Republic of Moldova have worked together to create a solid foundation for the development of relations in the economic, political and humanitarian spheres.

The inclusion of the Republic of Moldova in the «Millenium Challenge Corporation» indicates a high level of confidence in the Moldovan authorities in the promotion of democratic values and economic reforms. The inclusion of Moldova in this program is not only a great credibility to our country, but also a great responsibility that rests on Moldova.

U.S. financial assistance to Moldova was conditioned that the country should become a full partner to the Western democratic community. The foreign aid objective had been to strengthen democratic reforms and increase economic prosperity and to secure country's recognized borders. Assistance programs address Moldova's democratic development by increasing knowledge of legal rights and access to justice, strengthening Moldova's civil society, and developing independent mass media.

The Moldova-U.S. trade relation has room for growth in order to exploit the full development potential of bilateral relations. Within the framework of the Strategic Dialogue Moldova and the United States actively promote trade and economic relations through the opening of the U.S. market for Moldovan producers and to attract American investments in the Moldovan economy.

The U.S. is a reliable partner and an active supporter of Moldova's territorial integrity, the one of the principal supporter of Implementation of the OSCE Istanbul Summit in 1999 the complete withdrawal of Russian military forces from the territory of Moldova. The U.S. believes that the gradual integration of Moldova's economy in Western market structures might provide Transnistrian industry with tempting new opportunities and contribute to Transnistria's reintegration into Moldova.

Such internal factors, as political parties, NGOs, the media, have an impact on interstate cooperation between the United States and the Republic of Moldova. NGOs are involved in the implementation of innovative programs for the development of the national economy and support social changes. But the political parties of the Republic of Moldova do not pay enough attention to the Moldovan-American cooperation in any program or in the practical aspect.

Content analysis of the Moldovan press has shown insufficient reflection of the problems of cooperation of the Moldova-U.S. in newspapers. The greatest attention is paid to the topic of cooperation of Moldova and NATO. Publications about the visits of U.S. officials in the Republic of Moldova, the activities of the U.S. Ambassador to the Republic of Moldova and economic cooperation are present in all of the analyzed sources. In the newspapers there are no materials on topics such as political and social cooperation between the Republic of

Moldova and U.S., public diplomacy and the activity of the Moldovan diaspora in the United States.

The United States has always been and remains a consistent supporter of economic and democratic reforms in our country. Moldova is often presented as a model of the successful implementation of political and economic reform for other countries in the region. Nevertheless, there is still much to be done in order to solve internal problems and to realize the great potential for bilateral cooperation between United States of America and the Republic of Moldova.

Bibliography

1. Compact II postponed because of high level of corruption in Moldova. http://jurnal.md/en/economic/2015/5/11/compact-ii-postponed-because-of-high-level-of-corruption-in-moldova/ (accessed 15.05.2015)
2. Electoral contestants for Parliamentary Election 2014. http://www.e-democracy.md/en/elections/parliamentary/2014/ (accessed 24.04.2015)
3. Embassy of the Republic of Moldova to the United States and Mexico. http://www.sua.mfa.md/archive-anounsments-en/ (accessed 24.04.2015)
4. H.R.3361 – USA FREEDOM Act. https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/3361 (accessed 18.04.2015)
5. Moldovan-American. http://ebook.worldlibrary.net/articles/moldovan-american (accessed 24.04.2015)
6. Moldova Compact. https://www.mcc.gov/pages/countries/program/moldova-compact (accessed 18.04.2015)
7. Moldova, Next Ukraine. http://www.nytimes.com/2014/04/24/opinion/kristof-moldova-the-next-ukraine.html (accessed 28.04.2015)
8. Moldova Says No to Mr. Putin. Will He Listen? http://www.washingtonpost.com/opinions/moldova-says-no-to-mr-putin-will-he-listen/2014/12/01/85ad7524-7983-11e4-84d4-7c896b90abdc_story.html (accessed 28.04.2015)
9. Moldova Vote Give Edge to Parties Looking West. http://www.nytimes.com/2014/12/02/world/europe/moldova-parliament-elections.html?ref=topics&_r=0 (accessed 28.04.2015)
10. National Liberal Party. http://www.parties.e-democracy.md/en/parties/pnl/ (accessed 28.04.2015)
11. Parties and other social-political organizations of the Republic of Moldova. http://www.parties.e-democracy.md/en/ (accessed 28.04.2015)
12. People's Party of the Republic of Moldova. http://www.e-democracy.md/en/elections/parliamentary/2014/opponents/pnl/ (accessed 26.04.2015)

13. Roşca A. Moldova in U.S. foreign policy: economic aspect. // Revista de filosofie, sociologie şi ştiinţe politice. 2013. №3. P.133-152.
14. Woehrel S. Moldova: Background and U.S. Policy. April 23, 2014. https://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21981.pdf (accessed 21.05.2015)
15. U.S. Departament of State. Foreign Operations Appropriated Assistance: Moldova. http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/140640.htm (accessed 18.04.2015)
16. Asociaţia moldovenilor din SUA. Mission and Vision. casa-mare.org/index.php?page=mission-and-vision (accessed 24.04.2015)
17. Munteanu I. SUA, alături de partenerii europeni, au salutat perspectiva unei transformări accelerate a Republicii Moldova şi mizează pe continuarea acestui curs. // Politica externă a Republicii Moldova 2009-2011: în sinteză şi dezbateri. - Chişinau: «MS Logo» SRL, 2011. P.295-305.
18. Активное сотрудничество Молдовы и США продолжится и будет развиваться. http://www.moldova.org/aktivnoe-sotrudnichestvo-moldovi-s-ssha-prodolzhitsya-i-budet-razvivatsya-33447-rus/ (accessed 24.04.2015)
19. Америка – для Молдовы. http://www.nm.md/article/amerika-dlya-moldovy (accessed 24.04.2015)
20. Американская пресса о молдавском вине. http://locals.md/2014/amerikanskaya-pressa-o-moldavskom-vine-pervyie-otkliki/ (accessed 28.04.2015)
21. В Молдову придут американские инвесторы из Украины и Румынии. https://news.mail.ru/inworld/moldova/economics/21975176/?frommail=1 (accessed 15.05.2015)
22. Владимир Воронин встретился с экспертами Коллегии адвокатов штата Нью-Йорк. http://point.md/ru/novosti/politika/vladimir-voronin-vstretilsya-s-ekspertami-kollegii-advokatov-shtata-njyu-jork (accessed 24.04.2015)
23. Заявление премьер-министра Юрие Лянкэ, сделанное по случаю визита госсекретаря США Джона Ф. Керри. 4.12.2013. http://www.old.gov.md/libview.php?l=ru&idc=436&id=7065 (accessed 27.04.2015)
24. Кантир К. Молдавско-американские связи в контексте процесса европейской интеграции Кишинева: упущенные возможности и будущие возможности. // Бюллетень внешней политики Молдовы. №79. Июнь 2014, viitorul.org/download.php?file
25. Молдова и США активизируют торговые отношения и инвестиционное сотрудничество. http://ru.interlic.md/2014-03-04/moldova-i-ssha-aktivizirujut-torgovye-otnoshenija-i-investicionnoe-sotrudnichestvo-33774.html (accessed 27.04.2015)
26. Молдова и США выступают за расширение торговли, привлечение американских инвестиций в национальную экономику и сотрудничес-

тво в энергетической сфере. http://monitorul.fisc.md/section/editorial/5291.htm (accessed 27.04.2015)
27. Молдавские партии и их отношение к России. http://ava.md/analytics-commentary/017443-moldavskie-partii-i-ih-otnoshenie-k-rossii.html (accessed 24.04.2015)
28. Молдавское вино дегустировали в прямом эфире канала Foxnews. http://locals.md/2014/moldavskoe-vino-degustirovali-v-pryamom-efire-telekanala-foxnews/ (accessed 28.04.2015)
29. Наблюдательный совет фонда «Вызовы тысячелетия – Молдова» утвердил план действий по завершению программы «Compact». http://www.moldpres.md/ru/news/2014/11/11/14000892 (accessed 18.04.2015)
30. Общественные организации. http://www.moldovenii.md/ru/section/414 (accessed 24.04.2015)
31. Президент Николае Тимофти участвовал в церемонии передачи в дар партии военной техники Национальной армии от правительства США. http://www.presedinte.md/rus/presa/presedintele-nicolae-timofti-a-participat-la-ceremonia-de-donare-a-unui-lot-de-tehnica-militara-din-partea-guvernului-sua-catre-armata-nationala (accessed 18.04.2015)
32. Приднестровье – позор российской дипломатии. http://www.moldova.org/pridnestrove-pozor-rossiyskoy-diplomatii-14587-rus/ (accessed 24.04.2015)
33. Приложение к Постановлению Правительства Республики Молдова №246 от 8 апреля 2010 г., lex.justice.md/UserFiles/File/2013/mo125-129ru/an1_322.doc (Last seen 24.04.2015)
34. Социал-демократическая партия. Предвыборная программа – 2009. http://psdm.md/ru/partidul-2/programs-ru/predvibornaia-programa-2009?showall=&start=5 (accessed 24.04.2015)
35. Царану А. Эволюция государственной политики и партийных платформ в Республике Молдова в вопросе урегулирования приднестровского конфликта (2001-2010). http://www.ipp.md/public/files/Publicatii/2010/Taranu_pdf.pdf (accessed 24.04.2015)
36. Юрий Лянкэ встретился с новым послом США в Кишиневе. http://point.md/ru/novosti/politika/yurij-lyanke-vstretilsya-s-novim-poslom-ssha-v-kishineve (accessed 27.04.2015)

Prezentat la redacție
la 26 august 2015

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КАК ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ МОТИВ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОСРЕДНИКОВ В ПОСТСОВЕТСКИХ КОНФЛИКТАХ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Эрнест ВАРДАНЯН
Республика Молдова, Кишинев, Молдавский государственный университет, Факультет международных отношений, политических и административных наук, Департамент международных
Преподаватель, магистр политических наук, докторант

The article provides a brief review of conceptual approaches to the geopolitical interests as key motives of involvement in conflict settlement. The 'third force' or 'mediator' is commonly accepted but not a compulsory element of the political and diplomatic process. Theoretically, the mediator might be non-biased but in practice it has several interests that can affect and/or impede the political dialog, and it's hard to divide the interest and impartial mediation. Therefore, it is natural that a collision of interests should occur not only between the mediator and belligerent but also between the mediators themselves. This is quite typical for the post-Soviet space where Russia appears to be the most mighty and influent but not the sole participant of conflict processes. Moscow is more likely to conduct a double policy that undermines the confidence in its relationship with Georgia, Republic of Moldova, Ukraine, etc. These countries tend to find new protectors in persons of EU and US, which change the balance in the post-Soviet space in disfavor of Russia. Thus, Moscow has become weaker and lost her 'monopoly' in the negotiation processes but remains strong enough to impede other foreign actors in increasing their influence 'too much'.

Key words: *mediation, geopolitical interests, negotiation process, foreign actors, 'frozen conflicts', post-Soviet space.*

Распад Советского Союза привел к интернационализации зародившихся еще в советские годы конфликтных очагов и вовлечению новых международных игроков в качестве де-факто участников и де-юре посредников. Исчезновение союзного центра означало, с одной стороны, прекращение прямого неоспоримого воздействия Москвы на процессы эскалации или урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве. С другой стороны, это трансформировало роль Москвы – из «старшего брата» и единоличного центра принятия решений в одного из участников военно-политических процессов.

По словам директора Московского центра Карнеги Д.В.Тренина, в первые годы после распада СССР Москва уже не претендовала на контроль, как в советские годы, т.к. ее цели были более ограниченными. «На первом месте стояло общее ощущение «геополитического комфорта». Кремль не оказывал давления на новые независимые государства, чтобы они против собственной воли присоединялись к возглавляемым Россией военным блокам, - главное, чтобы они не вступали в те альянсы, куда Россия не входила, прежде всего, в НАТО. (…) В зонах межэтнических конфликтов Россия признавала границы 1991 г. и не стремилась изменить сложившийся там статус-кво, но это служило предупреждением всем участникам: они также не должны менять статус-кво в одностороннем порядке» [18, с.131].

Появление после распада СССР 14 новых независимых государств (если считать Российскую Федерацию продолжательницей Советского Союза) означало появление новых игроков. Это сама Россия, в той или иной степени вовлеченная во все конфликты на постсоветском пространстве. Это Румыния как неформальный актор в приднестровском конфликте на начальном этапе, Турция и Иран в Нагорном Карабахе, Турция в Абхазии. Наконец, это официальные посредники и наблюдатели: США в приднестровском и карабахском урегулировании, ООН в грузино-абхазском диалоге, Франция и ОБСЕ в Нагорном Карабахе, ОБСЕ, Украина и Европейский Союз в Приднестровье.

Любой политический конфликт служит причиной вовлечения внешних игроков, которые в силу имеющихся у них мотивов воздействуют на эволюцию кризиса и процесс посткризисного урегулирования. Наличие большого количества международных сил в указанных регионах неизбежно делало политические процессы зависимыми от интересов посредников, от степени и качества их вовлечения в урегулирование. Согласно главенствующему в научном сообществе мнению, наиболее влиятельным и глубоко вовлеченным в соответствующие процессы игроком была и остается Российская Федерация.

«Сегодня этнические вооруженные конфликты – это, прежде всего, фактор геополитического противостояния государств мира и региона. США, Европейский Союз, Россия, Иран, Турция занимают в большинстве случаев прямо противоположные позиции по отношению к сторонам того или иного конфликта. Часто политика данных стран подвержена принципам «двойных стандартов»», - подчеркивает А.Г.Большаков [10, с.4].

В другой работе он дает определение «замороженным конфликтам» и особо выделяет роль России. ««Замороженные конфликты» - это конфликты, которые не получили политического урегулирования, но уже вышли из стадии прямого вооруженного противостояния. Во всех рассматриваемых нами случаях кровопролитие было остановлено усилиями миротворцев из

России и других стран СНГ. Однако российское руководство предпочло не настаивать на поиске взаимоприемлемых решений и достижении политического компромисса, а оставить эти конфликты в законсервированном виде. В результате они приобрели интернациональный характер, и сегодня Россия уже не в состоянии урегулировать их в одиночку, выступая в качестве посредника, устраивающего противоборствующие стороны» [9, с.27].

А.И.Никитин делает вывод о наличии методологических проблем при анализе вовлечения международных посредников, поскольку не всегда можно определить грань между интересами, побуждающими игроков вмешаться в процесс урегулирования, и собственно политико-дипломатическим процессом, где посредники призваны способствовать достижению перемирия или всеобъемлющего урегулирования. «И методологически, и с точки зрения практической политики весьма непросто провести грань между вмешательством в конфликты внешних сил (государств, коалиций, международных объединений) ради реализации собственных интересов в качестве новых сторон конфликта, с одной стороны, и относительно беспристрастным вмешательством ради восстановления международной стабильности и мира, с другой» [16, с.86].

В российском политическом сообществе давно бытует аксиома: если силы Запада (США, ЕС, НАТО и т.д.) усиливают влияние на постсоветском пространстве, это неизбежно влечет установление угодных им режимов или удобной конъюнктуры, враждебных интересам Российской Федерации. В научном сообществе такое мнение тоже укоренилось достаточно глубоко, но есть и иные суждения. Так, А.Братерский пишет о политике администрации Б.Обамы и о политике «перезагрузки», которую в Москве и Вашингтоне понимали по-своему. «Руководство России не скрывало, что понимало ее как невмешательство США в российскую «сферу интересов» в зоне бывшего СССР и активно пыталось использовать улучшение российско-американских отношений для более активного участия в формировании повестки дня на постсоветском пространстве» [11, с.74].

Л.А.Касюк в некоторой степени подтверждает вышеуказанную аксиому, хотя и замечает, что США и Запад в целом воспринимают бывшие советские республики в первую очередь как источник энергоресурсов и удобную транзитную территорию. И лишь во-вторых, постсоветское пространство – это «средство ограничения влияния и ослабления России – наиболее опасного для их долговременных планов звена на постсоветском пространстве». По мнению Касюка, эти цели являются частью комплекса превентивных мер США, которые пытаются исключить появление нового геополитического конкурента в лице России, интегрирующей вокруг себя постсоветские государства» [13, с.4].

В коллективной работе российских авторов на тему отношений Москвы и Вашингтона отмечается, что значительное влияние на положение в СНГ оказывает продвижение интересов Запада, который, с одной стороны, заинтересован огромными ресурсами, а с другой, выражает опасения по поводу усиления позиций России. «Ближнее зарубежье России становится зоной острейшей международной конкуренции, где российская заявка на особые отношения со странами региона не только не разделяется значительной частью мирового сообщества, но встречает ее активное противодействие» [17, сс.53-54].

В то же время А.П.Цыганков не считает, что Россия и США обречены на жесткое соперничество и конфронтацию, т.к. изоляция России не входит в долгосрочной перспективе в сферу интересов США, а модель их взаимодействия «может стать более предсказуемой и взаимовыгодной». «Исторически Россия и США не находились в серьезном конфликте и успешно взаимодействовали в XVIII и XIX столетиях. Конфронтация и нарастание взаимной антипатии стали результатом возникновения советской системы, а затем – «холодной войны» [20].

Однако надо понимать, что этот научный труд был создан до начала украинского кризиса, поэтому следует отдавать себе отчет в том, что на сегодняшний день весь комплекс отношений США и России подвергается серьезным испытаниям. Лишь заключенная 14 июля 2015 года сделка международных посредников с Ираном по ядерной программе этой страны послужила некоторому ослаблению конфронтации.

Уже упомянутый Д.В.Тренин возвращается к временам прихода В.В.Путина в Кремль. По словам политолога, тогда новый российский президент воспринимал новые независимые республики как зарубежные страны и не делал попыток вернуть их в состав России, поскольку понимал невозможность этого. Но в то же время В.В.Путин действовал, исходя из российских интересов. «Российская Федерация выступала уже не как империя, заботящаяся о своих подданных, но как великая держава, готовая жестко и неприкрыто продвигать собственные интересы. Таким образом, на смену ельцинской псевдоинтеграции пришла путинская экспансия», - поясняет автор [18, с.130].

О.Н.Быков оценивает эволюцию национальных интересов Российской Федерации и видит в этом «достаточно благоприятную перспективу для последовательного воплощения их базовых принципов в развитие внешней политики России как нового субъекта международных отношений». «Встречное движение происходит со стороны современной российской внешней политики, которая становится более восприимчивой к потребностям собственной нации и к императивам мировой обстановки» [12, с.233].

В коллективном труде американских юристов-международников на тему правовых аспектов приднестровского конфликта говорится, в числе прочего, о причинах, побудивших Россию поддержать сепаратистский регион. «Россия по понятной причине хочет, чтобы государства у ее границ не представляли для нее угрозы. Однако торговые эмбарго, расквартирование военных частей и цены на энергоносители, используемые для затягивания разрешения сепаратистского кризиса в другой стране, не отвечают нормам невмешательства, содержащимся в Уставе ООН, Заключительном акте в Хельсинки и Декларации о дружеских отношениях – это если мы назовем только три документа по теме» [6, p.191].

Румынский исследователь Ф.Морар отмечает важность того, что четыре непризнанные республики постсоветского пространства провозгласили свою независимость после войны на заре постсоветской эпохи. «У них всех советское прошлое, все сегодня испытают колоссальное региональное влияние Москвы в виде открытой или косвенной поддержки сецессионистов, и все они находятся в точке пересечения интересов различных региональных и международных акторов» [3, p.11].

Американский исследователь Дж.Грин анализирует внешнеполитические подходы Москвы, начиная с М.С.Горбачева, и отмечает сходство: правители СССР и Российской Федерации непременно ратовали за «Большую Европу», где Россия и собственно Европа разделяли бы сферы влияния и сосуществовали на принципах добрососедства, разделяя также ответственность за судьбу Старого континента. «Для поддержания этого видения Россия настойчиво боролась за сохранение своего влияния и свободы маневра в тех регионах, где она заявляла свои привилегированные и исторические интересы: Центральная и Восточная Европа, Балканы и постсоветское пространство. Ближе к России сфера влияния удваивалась, становясь буферной зоной, обеспечивая России глубоко эшелонированную оборону от внешнего мира, который она считает, по сути, враждебным» [1, p.3].

Иначе говоря, автор полагает, что во многих случаях участие международных посредников в урегулировании конфликтных ситуаций продиктовано не желанием пресечь дестабилизацию и насилие, а стремлением воспользоваться ситуацией для реализации собственных интересов. Развивая мысль, исследователь пишет, что при Б.Н.Ельцине беспокойство было вызвано прямым воздействием политики НАТО на военные и геостратегические интересы Москвы как «великой державы». «Со временем, однако, режим Путина стал всё больше сознавать потенциал ЕС, который мог задеть жизненные экономические интересы Российской Федерации, а также потенциал обоих альянсов [ЕС и НАТО] для проецирования западных норм, ценностей, бизнес- и управленческой культуры на постсоветском пространстве таким образом, чтобы воспрепятствовать геополитическим устрем-

лениям Российской Федерации и авторитарной модели ее внутреннего развития» [1, p.5].

По мнению исследователя постсоветского пространства Дж.Манкофф, Москва осуждает «Восточное партнерство» за навязывание игры с нулевой суммой, за которую часто критикуют саму Россию. «Хотя эта критика, возможно, неискренна, сам факт того, что Россия считает стремление ЕС играть более значимую роль на Кавказе угрозой ее интересам, лишь усугубляет геополитическую фрагментацию, от которой регион страдает, затрудняя сотрудничество ЕС и России в поисках общих интересов» [2, p.19].

По его мнению, расширение контактов США и других западных стран с Абхазией и Южной Осетией может снизить зависимость этих регионов от России, а это, в свою очередь, поможет местным властям сконцентрироваться на нуждах людей, а не служить геополитическим интересам Москвы. «В качестве платы за такое участие Соединенные Штаты должны настоять на расширенном международном присутствии по обе стороны де-факто границы, начиная с того, чтобы мониторинговая миссия ЕС получила доступ в Южную Осетию и Абхазию» [2, p.29].

Группа западных экспертов в работе о трансатлантической безопасности пишет, что политика России по выстраиванию сферы эксклюзивных интересов на постсоветском пространстве чревата беспрецедентными с 1989 года рисками. «После возвращения в Кремль в мае 2012 года президент Владимир Путин установил даже еще более авторитарную форму правления Российской Федерацией, запустив также программу серьезной военной модернизации. В то же время он создал управляемый Россией Евразийский Союз, предназначенный для включения большей части ближайших соседей (РФ), которые будут служить буфером между централизованной политизированной экономикой России и принципами открытого рынка и четких правил трансатлантического сообщества» [7, p.2].

Участие третьей стороны или посредника является если не строго обязательным, то, по крайней мере, очень важным аспектом развития и / или урегулирования этнополитического конфликта. Считается, что посредник или третья сторона – это сила, способная воспринять позиции враждующих сторон, имеющая достаточный авторитет у обеих, располагающая нужным инструментарием для приостановления активной (вооруженной) части конфликта и перехода к фазе постконфликтного переговорного процесса.

В то же время многие авторы справедливо отмечают, что беспристрастность третьей стороны или посредника имеет определенные границы, и неизвестно, где проходит грань между подлинной непредвзятостью и стремлением к реализации собственных интересов за счет непосредственных участников конфликта и / или в ущерб их интересам. В связи с этим автор

исследования предполагает, что международное посредничество неразрывно связано с интересами, в первую очередь геополитическими, внешних акторов.

Подобная постановка вопроса выводит нас к констатации неизбежности клинча разнородных национальных интересов международных акторов. Даже если посредники строго выполняют свои функции, не переходя невидимую грань; даже если под соответствующими документами переговорного процесса стоят их подписи, нельзя априори исключать противоречия между ними. Например, поводом могут стать разные толкования подписанных документов или подчеркивание того, что некоторые из них были привязаны строго к временнóму ситуационному контексту, поэтому не имеют абсолютной непреходящей ценности.

Нахождение миротворческих сил России в конфликтных зонах на постсоветском пространстве воспринимается международными игроками de facto как часть политического процесса по урегулированию конфликта и как признание вовлеченности Российской Федерации в статусе наиболее влиятельного, но не единственного посредника. В связи с этим, например, в приднестровском урегулировании западные игроки, то есть США и Евросоюз, регулярно выступают с требованиями смены миротворческого формата под главенством России на мирогарантийный формат с участием всех вовлеченных внешних сил и замены российского воинского контингента на миссию гражданских наблюдателей под эгидой ОБСЕ.

При изучении особенностей поведенческих линий внешних сил важно уточнить, в чем заключается деятельность посредников как таковых. Американский профессор Р.Дж.Фишер дает такое определение: «Есть множество дефиниций посредничества, но все они опираются на ядро общих характеристик: посредничество – это вмешательство опытных и беспристрастных третьих лиц, действующих с целью облегчения взаимно оговоренного процесса урегулирования по вопросам, представляющим суть спора между сторонами» [5, p.159].

По мнению специалиста, «посредничество – это, в первую очередь, ориентированный на выполнение задачи метод, направленный на разрешение оспариваемой сторонами проблемы; он не направлен напрямую на сущность отношений между сторонами» [5, p.159].

«Посредники отличаются тем, что у них не такая идентичность, как у сторон, и у них нет прямого интереса в споре. Это не значит, что посредники не являются заинтересованными сторонами или что у них нет ощутимых интересов, которые можно было бы обслужить, войдя в процесс. Государства, например, часто вступают в посредничество конфликтов с целью продвинуть свою собственную безопасность или экономические инте-

ресы, поддержать или усилить сферу влияния или помочь сохранить единство альянса» [5, p.161].

М.М.Лебедева пишет о «третьей стороне», что включает в себя более широкое понятие, чем «посредник». «Понятие «третья сторона» является широким и собирательным, включающим в себя обычно такие термины, как «посредник», «наблюдатель за ходом переговорного процесса», «арбитр». Под «третьей стороной» может пониматься также любое лицо, не имеющее статуса посредника или наблюдателя, однако занятое вопросами урегулирования конфликтных отношений между другими сторонами» [15, с.63].

По словам С.А.Ланцова, кто бы ни выступал в качестве третьей стороны, сам он не должен быть втянут в конфликт на стороне одного из участников, пользуясь его доверием». «Посредник участвует не только в подготовке переговоров, но и в переговорном процессе. Роль посредника заключается и в том, что он снимает напряжение, накопившееся в условиях конфликтного взаимодействия. Если конфликт принял вооруженный характер, то у сторон неизбежно формируется устойчивый взаимный образ врага, преодолеть который трудно без участия посредника. Посредник участвует и в разработке соглашений по урегулированию конфликта» [14, с.224].

Говоря об отличии миротворческой операции от переговоров, А.И.Никитин замечает, что второе «хронически отстает» от первого. «Миротворческие контингенты, как правило, относительно быстро выполняют функцию «замораживания» ситуации, разъединяют враждующие стороны. Однако политические договоренности о новом «мироустройстве», об условиях более длительного восстановления мира затягиваются на многие месяцы и годы, и военные вынуждены, в отсутствие согласованного рецепта «позитивного» мира, подолгу поддерживать «негативный» мир (в форме временного, не устраивающего в конечном счете ни ту, ни другую сторону перемирия)» [16, с.86].

Н.И.Харитонова в диссертации по приднестровскому вопросу указывает на использование косовского прецедента, «который, по сути, создает условия для формирования «новой реальности» в отношении непризнанных государств во всем мире». «Проблема международной легитимации Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии превращается не только в международно-правовую, но и геополитически ориентированную проблему» [19, сс.3-4].

И.В.Болгова говорит об урегулировании кризисов на периферии Европейского Союза и о вовлечении Брюсселя в эти политические процессы. «Эволюция инструментария урегулирования конфликтных ситуаций и колебания коммунитарной воли и способности к политической вовлеченнос-

ти в Закавказье во многом отражают основные тенденции внешнеполитической активности ЕС и определяют общий вектор взаимодействия ЕС с основными игроками на восточном направлении. Политика Европейского Союза в Закавказье в первую очередь сосредоточена на развитии общеевропейского инструментария участия в урегулировании конфликтов, которые рассматриваются как вызов континентальной безопасности» [8, с.58].

Румынский исследователь Ф.Рыпан отмечает, что конфликтные зоны сегодня – это в каком-то смысле «поле вчерашней битвы», постоянно возобновляемой и иногда замораживаемой. «Крупные мировые державы и, в некоторой степени, почти все сильные страны мира ответственны за существование и поддержание таких зон. Они генерируют нечто вроде пограничной идентитарной конфликтности, полностью вышедшей из рациональности истории, но никто не в состоянии перешагнуть через эту реальность» [4, p.25].

Исследователи практически единодушны в том, что наиболее влиятельным игроком в постсоветских конфликтах остается Российская Федерация. Однако факт, что ни один из четырех «эпизодов» до сих пор окончательно не урегулирован (признание Абхазии и Южной Осетии в 2008 году выглядит куда скромнее признания Косово, поэтому с точки зрения западного сообщества две кавказские республики по-прежнему являются частью Грузии, а сам конфликт считается незавершенным).

Ученые выделяют как минимум две причины: во-первых, это отсутствие прямой заинтересованности России в окончательном урегулировании (конфликт – повод для удержания «метрополий» в сфере влияния Российской Федерации), ее стремление к поддержанию состояния «ни войны, ни мира». Во-вторых, появление других игроков в процессах урегулирования значительно сдерживает и уменьшает влияние России до такого уровня, когда она уже не в состоянии единолично урегулировать конфликт (пример – срыв подписания Меморандума Козака в 2003 году), но еще достаточно сильна, чтобы не позволить другим посредникам ее переиграть.

Исследование выявило зависимость качества и надежности международного посредничества внешних сил от наличия у них явного или латентного интереса в конфликтном регионе и/или в отношениях с одной из конфликтующих сторон. Соответственно, мы вправе допустить, что успех миссии посредника зависит не столько от ресурсов данной страны или профессиональных качеств ее представителей, сколько от того, насколько внешний игрок заинтересован в урегулировании или, наоборот, эскалации конфликта.

Изученный материал показывает, что постсоветское пространство после распада СССР стало ареной соперничества трех крупных международных игроков: Российской Федерации, Европейского Союза и Соединенных

Штатов. Причем соперничество носит разноплановый характер: если Евросоюз представляет собой притягательную модель в вопросах экономики и базовых ценностей, то США, как правило, заинтересованы в укреплении безопасности европейского пространства, не отказываясь от развития и продвижения демократических принципов.

В свою очередь, Россия воспринимает политику этих центров силы как непосредственную угрозу не только в «традиционной» сфере влияния, коей являются бывшие советские республики, но и для самой себя. В Москве расценивают попытки усиления позиций США и ЕС на постсоветском пространстве как стремление к международной изоляции России и установлению прозападного режима в Кремле. Это суждение стало еще более обоснованным после возвращения В.В.Путина на должность президента России в мае 2012 года и провозглашения им курса на создание Евразийского Союза, а также на поддержку русского и русскоязычного населения в бывшем СССР.

Сегодня в свете жесткого противостояния России и западных стран из-за Украины нет оснований говорить о компромиссах. Наоборот, политика конфронтации, воспринимаемой как рецидив «холодной войны», в значительной степени актуализировала проблему Интереса как мотива для столкновения России и западного мира на территории Украины и других стран постсоветского пространства. Нынешняя эскалация являет собой серьезную угрозу для процессов политического урегулирования конфликтов, потому что окончательно выводит консультации посредников из разряда «чистой» дипломатии в разряд политической и информационной пикировки в духе классического политического реализма. Поэтому на данном историческом этапе Интерес, как никогда ранее, становится решающим мотивом в деятельности международных акторов.

Приднестровский и карабахский вопрос, ситуация в Абхазии и Южной Осетии были и остаются точками приложения (а по сути – столкновения) разновекторных сил, являющихся проекцией национальных и геополитических интересов международных игроков. Отсутствие полноценного политического урегулирования конфликтов показывает, с одной стороны, что Россия не вполне заинтересована в достижении компромиссов, а с другой стороны, означает, что она уже не в состоянии единолично принимать решение в конфликтных зонах.

На основании анализа теоретических подходов к изучению геополитических особенностей международного посредничества в постсоветских конфликтах и концептуальных основ исследования Интереса как главного мотивирующего фактора для посредников автор пришел к следующим выводам:

1) Наличие «третьей силы» или «посредника» на разных этапах развития и урегулирования конфликта является не строго обязательной, но широко распространенной международной практикой.

2) В теории третья сила или посредник – это непредвзятый, равноудаленный участник переговорного процесса, не имеющий интересов непосредственно в конфликте или в отношениях с одной из его сторон. На практике же посредник не только имеет соответствующие интересы, но и стремится к их реализации параллельно процессу переговоров, а чаще всего – вопреки ему, в ущерб мирному диалогу и вразрез с взятыми посредническими обязательствами.

3) Основное противоречие в посреднической деятельности заключено между национальными интересами государства-«третьей силы» и потребностями в сотрудничестве, с одной стороны, между посредниками и конфликтующими сторонами, и, с другой стороны, между самими посредниками для достижения политического урегулирования. Установить грань между непредвзятой посреднической деятельностью и «национальным эгоизмом» в деле реализации собственных интересов достаточно затруднительно.

4) Ввиду того, что в исследуемых конфликтных зонах постсоветского пространства в качестве посредников участвуют несколько государств и международных организаций, неизбежным становится столкновение интересов не только в плоскости «посредник – сторона конфликта», но и на уровне «посредник – посредник». Таким образом, комплекс противоречий получается двухуровневым, что еще больше осложняет мирный диалог.

5) Сложность участия посредников в процессе урегулирования обусловлена не только имплементацией национальных интересов, но и интерпретацией официальных документов в формате переговоров. Возможное наличие двусмысленностей, разный научно-практический и дипломатический бэкграунд представителей стран-посредников может стать причиной их разнохарактерного подхода к базовым документам. В свою очередь, это чревато расхождениями в подходах к реализации договоренностей.

6) Наиболее влиятельным игроком в постсоветских конфликтах была и остается Российская Федерация, что обусловлено целым комплексом исторических, экономических, культурных и иных причин. Проблема заключается в том, что Россия пользуется этим неформальным статусом зачастую не для окончательного урегулирования конфликтов, а в лучшем случае для их «замораживания». Двойственная позиция России за более чем 20 лет с момента распада СССР и эскалации конфликтов привела к тому, что страны-«метрополии» (Республика Молдова, Грузия, Азербайджан) избрали иные, чем Россия, внешнеполитические ориентиры. Это привело не только к интернационализации процесса урегулирования конфликтов, но и к уте-

ре Россией неформальной монополии в политическом диалоге. В результате влияние Москвы снизилось настолько, что она утратила способность единолично воздействовать на процессы, но сохранила влияние в той степени, которая позволяет ей препятствовать «чрезмерной» активности других посредников.

7) Международные посредники имеют разноплановые интересы на постсоветском пространстве и, соответственно, в конфликтных зонах. Европейский Союз больше делает акцент на социально-экономических, гуманитарных, культурных проблемах; Соединенные Штаты – на вопросах безопасности, энергетики, развития демократии и гражданского общества. При этом Россия, продвигая свои экономические, энергетические и военно-политические интересы, воспринимает деятельность западных сил как покушение на ее традиционные сферы влияния и стремление вытеснить ее из данных регионов. Переплетение этих интересов и противоречий влияет не только на отношения между самими акторами, но и на процесс урегулирования «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве.

Библиография:

1. Greene J. Russian Responses to NATO and EU Enlargement and Outreach // Russia and Eurasia Programme, June 2012, REP RSP BP 2012/02, p.1-20.
2. Mankoff J. The Big Caucasus: Between Fragmentation and Integration. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. / Center for Strategic & International Studies, March 23, 2012.
3. Morar F. The myth of 'frozen conflicts'. Transcending Illusive Dilemmas. // Resolving 'frozen conflicts'. The Challenges of Reconciliation. / Per Concordiam, Journal of European Security and Defense Issues. Domestic Security, Volume 1, Number 2, June 2010, Garmisch-Partenkirchen, Germany, pp.10-18
4. Râpan F. Emergenţa politicilor şi strategiilor nonconflictuale în zonele cu conflicte îngheţate. // Politici şi strategii în gestionarea conflictualităţii: 20-21 noiembrie 2008, Bucureşti / Universitatea Naţională de Apărare „Carol I”. – Bucureşti: Editura Universităţii Naţionale de Apărare „Carol I”, 2008.
5. Fisher R.J. Methods of Third-Party Intervention. / Berghof Handbook for Conflict Transformation, April 2001, pp.157-182.
6. Thawing a Frozen Conflict: Legal Aspects of the Separatist Crisis in Moldova / St. John's Legal Studies Research Paper No. 06-0045, Record of the Association of the Bar of the City of New York, Vol.61, 2006.
7. Twin Pillars of the Atlantic Alliance. // Collective Defence and Common Security / Group of Policy Experts report to the NATO Secretary General, June 2014.

8. Болгова И.В. Проблема обеспечения безопасности на периферии Европейского союза: место Закавказья // Вестник МГИМО (У). 2011, №6, с.51-59.
9. Большаков А.Г. «Замороженные конфликты» постсоветского пространства: тупики международного сотрудничества. // Полития, №1 (48), 2008, с.27-37.
10. Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических государствах европейской периферии. / Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Автореферат. – Казань, 2009.
11. Братерский А. Внешнеполитическая доктрина Обамы. Постсоветский трек. // Международные процессы. Т.11, №2 (33). Май-август 2013, с.69-84.
12. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. – Москва: ИМЭМО РАН, 2010.
13. Касюк Л.А. Механизмы политического влияния США на постсоветском пространстве и их воздействие на состояние российско-американских отношений. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Автореферат. – Москва, 2010.
14. Ланцов С.А. Политическая конфликтология. - Санкт-Петербург, «Питер», 2008.
15. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. - Москва: Аспект пресс, 1999.
16. Никитин А.И. Международные конфликты и их регулирование. // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития: Ежегодник-2005. - Москва: Росспэн, 2006.
17. Отношения Россия - США: к новой повестке дня. / Под общей редакцией проф. Юргенса И.Ю., акад. Дынкина А.А., чл.-корр. Арбатова А.Г. – Москва: Экон-Информ, 2009.
18. Тренин Д.В. Post-imperium: евразийская история. / Московский центр Карнеги. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОСС ПЭН), 2012.
19. Харитонова Н.И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Автореферат. – Москва, 2008.
20. Цыганков А.П. Отношения США с Россией в современной американской политологии. // Международные процессы, Том 6, №3, Сентябрь – декабрь 2008 г., http://www.intertrends.ru/eighteenth/005.htm

Представлен в редакцию 2 октября 2015 года

PERIMAREA STATUTULUI DE NEUTRALITATE PERMANENTĂ A REPUBLICII MOLDOVA ÎN CONDIȚIILE NOILOR REPLIERI GEOPOLITICE DIN EUROPA DE SUD-EST

Veaceslav UNGUREANU
Republica Moldova, Chişinău, Academia de Științe a Moldovei, Institutul de Cercetări Juridice și Politice
Doctor în științe politice, cercetător științific coordonator

The security sphere reform should be done taking into account geopolitical conjuncture, regional security environment in the South-Eastern Europe and the national interest of the Republic of Moldova. The status of permanent neutrality of the Republic of Moldova, which served as grounds to substantiate and institutionalize Moldovan national security, needs to be reassessed, because of getting obsolete and its failure to ensure stability and multidimensional security in the context of new threats, risks and vulnerabilities faced by the Republic of Moldova that can be reduced only by creating the buffer zone based on Euro-Atlantic oriented integration mechanisms.

În cadrul ordinii mondiale, care deja s-a cristalizat, într-un sistem internaţional unipolar-policentrist, puterea militară îşi păstrează valoarea de element de comparaţie în relaţiile geopolitice dintre state. Odată cu sfîrşitul Războiului Rece, aceasta a căpătat noi sensuri şi semnificaţii şi nu se mai bazează primordial pe puterea nucleară, după cum a fost în condiţiile bipolarităţii, dar și din importanţă nu şi-a pierdut. Principalele forţe militare ale mapamondului acordă o mare importanţă componentelor economică şi tehnologico-informaţională ale puterii, care joacă un rol din ce în ce mai semnificativ, și sunt determinante pentru puterea militară ce își păstrează relevanţa în calitate de instrument de promovare a intereselor geopolitice în sistemul relaţiilor internaţionale. În accepţia lui T.Frunzeti, în condiţiile de tranziţie spre un mediu de securitate stabil, puterea militară a devenit mai puţin importantă pentru soluţionarea problemelor politice şi de securitate cărora trebuie să le facă faţă şi să le găsească rezolvare lumea de azi [1, p.66], deşi, în opinia noastră, dimensiunea militarăa puterii este utilizată în mod extensiv în contextul apărării spațiilor geopolitice / geostrategice, dar și a intereselor securității naționale care sunt puse în pericol de noile riscuriși amenințări regionale. În aceeași ordine de idei, T.Frunzeti susţine că puterea militară nu este principalul factor în asigurarea securităţii internaţionale, însă deţinerea unui instrument militar credibil şi eficient al puterii naţionale oferă posibilitatea modelării corespunzătoare a intereselor geopolitice şi obiectivelor naţionale strategice în concordanţă cu cele ale mediului internaţional [1, p.68], opinie contestată de C.Hlihor, considerînd că dimensiunea militară a potenţialului de pu-

tere mai este şi astăzi cea care identifică locul şi rolul unui actor în ecuaţia de putere din sistemul relaţiilor internaţionale [2, p.209].

În condițiile noilor replieri geopolitice din Europa de Sud-Est se manifestă, mai pregnant ca niciodată, pe de o parte, tendinţa marilor puteri ale scenei internaţionale de a-şi exercita puterea militară în plan regional, iar, pe de altă parte, jocurile de putere militară marcate de eforturile statelor mici şi mijlocii de a ieşi din sfera de influenţă a unor state şi de a intra în alte sfere de influenţă unde pot să-şi apere şi să-şi promoveze pe deplin propriile interese. Conjunctura geopolitică a securității regionale din Europa de Sud-Est în perioada postrăzboi rece a fost determinată de reconfigurarea intereselor geostrategice ale NATO / UE și ale Federației Ruse. Aceasta fiind realizată prin anexarea peninsulei Crimeea de către Federația Rusă și prin implicarea directă într-un conflict militar de tip „hibrid" cu Ucraina, care este o îmbinare de tactici de război convențional, de gherilă urbană și cibernetică, creînd noi focare destabilizatoare secesioniste în raioanele de est și sud-est ale Ucrainei. Prin urmare, conflictul militar dintre Rusia și Ucraina este continuarea politicii externe a Federației Ruse în spațiul postsovietic, precedată de conflictul armat dintre Federaţia Rusă şi Georgia, fapt ce s-a soldat cu recunoaşterea de către Rusia a independenţei Osetiei de Sud şi Abhaziei, dar și înghețarea conflictului declanșat anterior în raioanele de est ale Republicii Moldova, toate avînd o semnificație geopolitică de protejare a sferei sale de influență și de împotrivire cu vehemență extinderii NATO / UE spre Est, apelînd inclusiv şi la forța militară pentru a contracara acest proces. Un alt aspect important al redimensionării intereselor geostrategice ale marilor puteri implicate în confruntările geopolitice din Europa de Sud-Est se referă la nerespectarea angajamentelor de către Federația Rusă în cadrul unor acorduri de securitate regională, fapt care, în opinia autorităților centrale ale Federației Ruse, subminează securitatea națională, astfel inițiind negocieri de modificare a mecanismului de asigurare a securității regionale, fapt ce trebuia să se soldeze cu instituirea unui nou sistem de securitate europeană. În cadrul Summit-ului OSCE de la Istanbul din 1999 și al Declarației Finale s-a consemnat intrarea în vigoare a Tratatului Forțelor Convenționale în Europa (FACE) revizuit, iar Federația Rusă și-a asumat angajamentul privind retragerea armamentului și trupelor sale staționate pe teritoriul Republicii Moldova și al Georgiei. În acest context, I.Chifu subliniază că angajamentul în cauză n-a fost respectat, și, mai mult ca atît, Federația Rusă a sistat în 2007 aplicarea Tratatului FACE, iar în 2015a luat decizia să întrerupă participarea la întrunirile grupului comun consultativ, suspendarea devenind, astfel, completă și definitivă în cadrul Tratatului FACE [3, pp.19-20]. Acest fapt, în accepția noastră, îi va permite în mod unilateral suplinirea cu armament convențional a contingentelor militare, fără înștiințarea partenerilor occidentali, înclinînd balanța de securitate regională în favoarea sa. Relevanța acțiunilor privind noua extindere a NATO spre Sud, precedată de aderarea în 2004

a statelor din imediata proximitate cu Federația Rusă și amplasarea noilor elemente ale scutului american de apărare antirachetă, redă o abordare mai profundă a subiectului privind restructurarea intereselor geostrategice ale NATO / UE și ale Federației Ruse, edificînd un nou context regional de securitate cu repercusiuni asupra statelor din Europa de Sud-Est. Prin urmare, noua direcţie de extindere a NATO pe flancul sudic, consfințită în aprilie 2008 la Summit-ul NATO de la Bucureşti unde statele membre ale acestei organizaţii politico-militare au semnat Acordul cu privire la aderarea Albaniei şi Croaţiei, în 2009 acestea devenind membre cu drepturi depline ale NATO, dar și realizarea proiectului de amplasare a scutului american de apărare antirachetă, care va fi implementat în patru etape: etapa I (pînă în 2011) presupune desfăşurarea de sisteme radar şi amplasarea de interceptoare de rachete (SM-3) pe nave; etapa II (pînă în 2015) vizează protecţia aliaţilor prin amplasarea în baze terestre a unei noi generaţii de interceptoare (SM-3) în Europa de Est (România); etapa III (pînă în 2018) vizează extinderea acoperirii la toate statele europene NATO, prin amplasarea unei noi baze terestre în nordul Europei; etapa IV (pînă în 2020) urmăreşte asigurarea unei protecţii sporite a SUA împotriva atacurilor cu rachete balistice intercontinentale, amplifică confruntarea geopolitică / geostrategică dintre actorii implicați în asigurarea securității regionale, dar și a celei internaționale.

Potrivit supoziției lui Ig.Antonov, SUA justifică acest dispozitiv militar prin promptitudinea combaterii potenţialelor intenţii belicoase ale Coreii de Nord şi Iranului sau a unui eventual atac nuclear terorist lansat din Orientul Mijlociu. Federaţia Rusă era invitată să împărtăşească cu SUA noua viziune asupra securităţii în Eurasia, dar acest deziderat nu s-a materializat. Dimpotrivă, Federaţia Rusă se simte ameninţată şi frustrată de proiectul militar american, pe care îl percepe ca fiind mai degrabă îndreptat împotriva ei decît împotriva ameninţărilor de tip terorist [4, p.3]. Putem constata cu certitudine că şi alte surse care au alimentat disjuncţia geopolitică dintre NATO / UE şi Federaţia Rusă, în opinia noastră, sunt: instalarea bazelor militare la Marea Neagrăîn România și Bulgaria (care să permită poziţionarea SUA în proximitatea tumultuosului Orient Mijlociu, dar şi a valoroaselor resurse energetice din perimetrul Mării Caspice, de interes vital şi pentru Federaţia Rusă), recunoaşterea independenţei Kosovo, repetatele intervenţii americane în politica internă a Republicii Moldova, Ucrainei şi a Georgiei. În subsidiar, ostilitatea Federaţiei Ruse era alimentată de larg răspîndita convingere că Federaţia Rusă nu a primit nimic important în schimbul sprijinului acordat SUA după 11 septembrie 2001.

O.Serebrian și V.Croitoru specifică, sintetizînd luările de poziție referitoare la situația geopolitică / geostrategică a Republicii Moldova, că din punct de vedere al amplasării, dar și a conjuncturii regionale de securitate, Republica Moldova se află la confluenţa intereselor geopolitice a două mari puteri UE / NATO şi Federaţia Rusă / ODKB, ce edifică o *zonă-tampon* de securitate, care exercită

o presiune geopolitică asupra securității naționale a Republicii Moldova, exprimată prin importanța ce îi este atribuită Republicii Moldova datorită interferenţei a doi factori geostrategici regionali semnificativi, şi anume: importanţa strategică pentru Federaţia Rusă (cea mai avansată bază militară spre Vest, mai ales din perspectiva vecinătăţii strategice cu NATO și UE) şi relevanţa pentru UE (furnizor de insecuritate, care se încadrează în categoria riscurilor asimetrice, dar și convenționale la adresa securităţii europene), depunînd eforturi pentru a-și consolida pozițiile. Federaţia Rusă încearcă să-şi menţină influenţa în Republica Moldova prin conservarea conflictului transnistrean şi susţinerea comunităţii ruseşti. Conflictul din raioanele de est ale Republicii Moldova reprezintă unul dintre cele mai dificile aspecte ale relaţiilor dintre părţi, deoarece refuzul Rusiei de a accepta soluţionarea ei rezultă nu doar din raporturile de relații cu Republica Moldova, dar şi cu NATO şi UE. Pentru Federaţia Rusă, menţinerea controlului asupra raioanelor de est ale Republicii Moldova reprezintă o modalitate de blocare a extinderii NATO şi a UE, evident, fiindcă Rusia depune toate eforturile pentru a-şi menţine statutul de actor geopolitic important, folosind diverse instrumente politice, economice și militare, astfel subminînd securitatea națională a Republicii Moldova.

Incontestabil că potenţialul geopolitic de asigurare a securității naționale a Republicii Moldova nu este sub nicio formă avantajos în raport cu a celor două mari puteri (NATO / UE şi Federaţia Rusă), ordine care provine din indicatorii economici, demografici şi spaţiali, dar și a statutului său de neutralitate permanentă, care în condițiile noilor replieri geopolitice din Europa de Sud-Est nu este în stare să asigure securitatea națională a Republicii Moldova, astfelambele puteri abordează Republica Moldova din perspectiva în special geostrategică, deoarece reprezintă un element al unei scheme geostrategice cu mult mai extinse, a cărei centru se regăseşte în spaţiul Mării Negre. E.Bădălan punctează asupra rolului determinant al Federaţiei Ruse şi al SUA în Europa de Sud-Est, asupra procesului de stabilizare și securitate regională, precedat de o acomodare de lungă durată, care va urma un traseu sinuos şi dificil. Statele din Europa de Sud-Est vor continua să aibă dificultăţi în conturarea politicii externe, dar se vor manifesta şi ca elemente-cheie în relaţiile dintre NATO / UE şi Federaţia Rusă. Pentru soluționarea problemelor de securitate din această zonă se impune implicarea mai mare a OSCE și, în special a UE prin PESC și PESAC [5, pp.22-23].

Ținem să subliniem ca şi în cazul oricărui alt stat mic, analiza problemelor legate de securitatea Republicii Moldova nu poate fi înscrisă în cadrul unui model metodologic universal. O serie de factori geopolitici şi de variabile specifice îi conferă particularităţi deosebite. Astfel, au fost adoptate un set de acte legislative, care stabilesc statutul de neutralitate permanentă a Republicii Moldova (la 29.07.1994 Constituţia Republicii Moldova, la 22.05.2008 noua Concepţie a Securităţii Naţionale și la 15.07.2011 Strategia Securităţii Naţionale), elaborarea

cărora a fost determinată de schimbările conjuncturii geopolitice internaţionale, dar și în contextul amplificării amenințărilor de ordin militar, informațional, politic şi economic în plan regional, la 23.03.2015 Consiliul Suprem de Securitate aprobă decizia de a fi elaborată o nouă Strategie a Securității Naționale. Documentele stabilesc statutul de neutralitate permanentă a Republicii Moldova, ceea ce presupune că ţara noastră nu este parte şi nici nu va intra în blocuri militare, nu va participa la acţiuni militare şi nu va admite prezenţa pe teritoriul său a unor trupe militare şi armamente străine, statutul de neutralitate permanentă este principiul de bază şi piatra de temelie a asigurării funcționalității sistemului de securitate naţională a Republicii Moldova. V.Lupan este de părerea că, Republica Moldova a inclus neutralitatea în documentele, care fundamentează și instituționalizează securitatea națională a Republicii Moldova avînd drept scop retragerea trupelor ruseşti din raioanele de est, iar Federaţia Rusă insistă consecvent pe neutralitatea Republicii Moldova urmărind obiectivul că aceasta nu va deveni membră a NATO. Republica Moldova, dacă îşi doreşte un viitor european, care îi este oferit de UE sau chiar de NATO, egal cu cel al altor state membre, ea nu poate fi doar un consumator al securităţii. Fiind deja o sursă de insecuritate pentru UE, Republica Moldova va trebui să-şi asume un rol mai serios şi să înceapă să devină şi un furnizor de securitate. Aceasta ar fi o abordare europeană a securităţii [6].

V.Juc consideră că staționarea neautorizată a forțelor militare ale Federației Ruse în raioanele din stînga Nistrului și oportunitatea retragerii lor au condiționat de asemenea decretarea unilaterală a statutului iniţial de zonă demilitarizată, iar mai tîrziu de neutralitate permanentă, stări care sunt incompatibile cu „dislocarea de trupe ale altor state pe teritoriul său” și reprezintă componentă a securității naționale. Această prevedere constituțională este dezvoltată și concretizată în Concepția Securității Naționale a Republicii Moldova, însă la început a fost gîndită mai cu seamă ca instituție de drept internațional public, în sensul că Federația Rusă trebuia în regim automat să evacueze forțele sale militare de pe teritoriul suveran al Republicii Moldova [7, p.206]. În aceeași ordine de idei N.Osmochescu subliniază că gradul de eficiență a neutralității autoproclamate este depreciat în totalitate de faptul că n-a fost obiect al recunoașterii și garantării prin acorduri internaționale sau alte aranjamente, ca și în cazurile statelor neutre din spațiul european [8, pp.182-183].

Considerăm fondată supoziția lui V.Juc că neutralitatea permanentă proclamată unilateral și menținută prin propria voință, n-a contribuit pînă la moment la valorificarea obiectului strategic urmărit, fiind sfidată și depreciată de prezența forțelor militare străine pe o parte din teritoriul său chiar dacă provizoriu se află sub controlul autorităților secesioniste. Deși a încălcat permanent statutul Republicii Moldova de stat neutru, Federația Rusă încurajează menținerea acestei calități, dar urmărind obiectivele sale geopolitice / geostrategice în condițiile

conflictului militar din estul și sud-estul Ucrainei, dar și apropierii euroatlantice a Georgiei [7, pp.206-207]. D.Mînzărari exprimă supoziția că,conflictele „înghețate" din spațiul ex-sovietic, dar și crearea unor conflicte noi utilizînd armament convențional, reprezintă un instrument de influență și presiune externă folosită de Federația Rusă pentru a preveni aderarea statelor din vecinătatea sa imediată la structurile euroatlantice [9, p.12].

J.Sherr susține, pe bună dreptate, că actualmente, conceptul de neutralitate nu mai are nici o componentă utilitară. Neutralitatea a fost utilizată pentru a ţine statele departe de război, pe parcursul perioadei în care războiul era „un instrument principal" în politica europeană. Acum locuind într-o Europă total diferită, neutralitatea nu oferă o protecţie în faţa principalei ameninţări pentru securitatea unui stat ca exploatarea slăbiciunilor interne ale unui stat prin intermediul unor mijloace mai sofisticate decît războiul. În acelaşi timp, neutralitatea limitează unele oportunităţi, mai mult ca atît, J.Sherr consideră că „neutralitatea este un statut stabilit prin tratat şi garantat de terţe părţi, iar un statut de neutralitate adoptat şi susţinut unilateral doar te blochează" [10].

Conform lui W.Thompson, orice stat care tinde să acţioneze ca actor politic suveran în relaţiile internaţionale trebuie să întreprindă măsuri pentru propria securitate şi să plătească pentru ele. Aceasta este o năzuinţă costisitoare, şi încercînd să o promovezi de unul singur este şi mai costisitor, decît atunci cînd un stat s-ar afilia la o înţelegere de securitate colectivă. Asigurarea securităţii naţionale şi integrităţii teritoriale de unul singur, pentru statele mici cum este Republica Moldova, este în majoritatea cazurilor o afacere imposibilă [11, pp.616-617]. O.Knudsen abordează noţiunea de neutralitate prin prisma opţiunii de acomodare. Potrivit acesteia, neutralitatea se solicită din partea unui stat vecin pentru a garanta că nu va fi lansat niciun atac asupra „marii puteri" de pe teritoriul statului vecin. Republica Moldova nu este vecinul imediat al Federaţiei Ruse, fiind separată de o suprafaţă semnificativă a teritoriului ucrainean. Cererea neutralităţii Republicii Moldova de către Federaţia Rusă este mai curînd determinată de intenţia Federaţiei Ruse de a nu permite Republicii Moldova aderarea la NATO, deoarece ar diminua vulnerabilităţile curente ale Republicii Moldova. Federaţia Rusă impune neutralitatea Republicii Moldova pentru a preveni plecarea ei sub umbrela protectoare a Occidentului [12, pp.63-65]. C.Hemmer şi P.Katzenstein sunt de părere că există o explicaţie suplimentară de ce Federaţia Rusă ar dori să prevină aderarea Republicii Moldova la NATO şi UE. Federaţia Rusă doreşte să menţină regionalismul cu rădăcini sovietice ce ataşează Republica Moldova de Federaţia Rusă prin legături economice, politice și socio-culturale, manifestînd îngrijorarea că aderarea Republicii Moldova la NATOva diminua treptat din influenţa acestui regionalism [13, p.575].

În accepţia noastră, subiectul controversat „neutralitatea permanentă", care se regăseşte la baza fundamentării şi instituţionalizării securităţii naţionale a Re-

publicii Moldova, generează o instabilitate multidimensională și incoerență strategică privind viziunea asigurării securității naționale. Nefiind dusepînă la bun sfîrşit, reformele în domeniul securităţii, actualmente, statutul de neutralitate permanentă reprezintă o provocare la adresa securităţii naţionale şi un impediment pentru dezvoltarea şi modernizarea Republicii Moldova. În accepţia lui V.Pleşca fiecare ţară cu statut de neutralitate permanentă trebuie să-şi propună o formă proprie a neutralităţii care să răspundă necesitaţilor de ordin intern şi extern ale statului şi să poată să se modifice în timp. În opinia sa, Concepţia Securităţii Naţionale a Republicii Moldova reflectă în mod explicit evaluarea generală a mediului de securitate pe plan naţional şi internaţional în care operează Republica Moldova [14]. Această părere este împărtăşită şi de N.Osmochescu, care consideră că neutralitatea permanentă a Republicii Moldova constituie un element esenţial al securităţii naţionale precum şi un element al securităţii colective în Europa [8, p.183]. V.Lupan nu este de acord cu aceste supoziţii. În opinia lui neutralitatea Republicii Moldova nu a produs rezultatul scontat de retragere a trupelor ruse şi de soluţionare a conflictului din raioanele de est ale Republicii Moldova, pornind de la faptul că ar trebui să urmărim evoluţiile internaţionale şi să fim pregătiţi pentru riscurile şi ameninţările în schimbare [6]. Potrivit lui A.Rácz, prevederile Concepţiei Securităţii Naţionale a Republicii Moldova nu sunt capabile să răspundă adecvat la situaţia de securitate cu care actualmente se confruntă Republica Moldova. Prin acceptarea unui statut de neutralitate permanentă, Republica Moldova exclude, prin definiţie, chiar şi posibilitatea unei cooperări mai strînse cu NATO, ceea ce limitează instrumentele de interacţiune şi finalitatea cooperării propriu-zise [15]. În opinia lui S.Troebst, care face o analogie între situaţiile de securitate ale Georgiei şi Republicii Moldova, susţinînd că în termeni militari Republica Moldova nu poate face faţă capacităţilor militare ale Federaţiei Ruse. Deşi un scenariu maximal negativ nu ameninţă direct Republica Moldova, necesitatea integrării ţării într-un sistem stabil de alianţă militară este condiţia esenţială pentru protejarea contra unor riscuri potenţiale şi curente legate de securitatea Republicii Moldova [16]. J.Bugajski susţine că neutralitatea nu mai emite un semnal de independenţă şi libertate în acţiuni. Aceasta presupune o vulnerabilitate deosebită faţă de presiunile exercitate de Federaţia Rusă, izolare şi pierderea suveranităţii [17]. G.Istvan este de părere că în condiţiile geopolitice actuale neutralitatea nu asigură securitatea statului la parametri înalţi. În opinia sa, neutralitatea nu mai este percepută ca un concept valid şi aplicabil, care ar totaliza interesele unei naţiuni într-o lume în care competiţia ideologică a Războiului Rece a luat sfîrşit [18]. În accepţia lui L.Movchanyuk, proclamarea neutralităţii poate intensifica potenţialele aspiraţii ale statelor vecine vizavi de teritoriul acestui stat, deoarece, în caz de conflict, acesta nu va fi apărat de nimeni [19]. În reflecţiile sale J.Sherrpune la îndoială presupusele merite pentru care Republica Moldova ar fi dispusă atît de uşor să renunţe la forţele sa-

le armate care întotdeauna au constituit un atribut de bază al unui stat suveran [10]. I.Chifu este sceptic în privinţa posibilităţii statului care se află la periferie sau în *zona-tampon* între două blocuri să-şi poată asigura securitatea prin sine însuşi şi prin garanţii de neutralitate [20]. I.Mastac exprimă opinia că statutul de neutralitate permanentă prevede abţinerea statului de la aderarea la blocuri sau alianţe militare. Totodată, fiecare stat, şi mic şi mare, poartă o anumită responsabilitate privitor la menţinerea stabilităţii şi securităţii atît proprii, cîtşi regionale, internaţionale. Dar avînd în vedere faptul că armata este elementul de bază în menţinerea stabilităţii şi securităţii statelor, cu atît mai mult creşte responsabilitatea statelor neutre pentru întreţinerea trupelor militare proprii în scopul asigurării statutului lor de neutralitate [21, p.8]. R.Gorincioi demonstrează falsitatea promotorilor neutralităţii ce se axează pe compararea situației Republicii Moldova cu situaţia geopolitică şi geostrategică a altor state neutre din Europa, susţinînd că nici unul dintre statele neutre din Europa nu se confruntă cu problema secesionismului, a instabilităţii politice, economice şi puternicii presiuni din partea Federației Ruse [22].

În același context de idei reliefate, A.Olaru exprimă opinia că neutralitatea Republicii Moldova şi staţionarea trupelor ruse pe teritoriul ei reprezintă cele două interese importante ale Federaţiei Ruse pe care le va încerca să le implementeze pe cît este posibil, completîndu-le reciproc pentru a fi promovate concomitent. Aceste supoziţii sunt confirmate şi de politologii ruşi, care susţin că strategia Federaţiei Ruse este de a forma un cordon din state neutre în jurul său, astfel protejîndu-şi hotarele de impactul direct cu NATO și legiferarea staţionării trupelorsale pe teritoriul Republicii Moldova pe un termen nedefinit. Argumentele în favoarea neutralităţii Republicii Moldova, cu referinţă la statele neutre cum sunt Elveţia, Austria şi Finlanda, care au profitat de o stabilitate şi dezvoltare economico-financiară, nu sunt relevante pentru Republica Moldova. Neutralitatea elveţiană este înţeleasă diferit de analiştii moldoveni decît cei elveţieni. O astfel de scăpare era de aşteptat, pentru că Republica Moldova nu a pornit de la ideea neutralităţii ca o soluţie garantată pentru asigurarea securităţii naționale, dar de la o idee provizorie de eliberare a teritoriului şi deschiderea altor opţiuni abia după retragere. Astfel, experţii guvernamentali au încercat să adapteze neutralitatea elveţiană, austriacă, finlandeză la condiţiile Republicii Moldova, fără să analizeze implicaţiile de durată pentru ţară.

În opinia noastră nu sunt lipsite de raționament şi relevanţă afirmațiile lui A.Olaru, cum că, spre deosebire de aceste state, Republica Moldova nu şi-a asigurat o neutralitate garantată. Condiţiile istorice ale Republicii Moldova din perioada 1991-1992 au fost diferite de cele elveţiene, ca şi motivele pentru declararea neutralităţii. Neutralitatea Republicii Moldova este una declarată (de ea însăşi) şi nu este garantată de nimeni în cazul unei evoluţii militare. Un alt argument important pe care foarte puţină lume îl menţionează în Republica Moldova

este că neutralităţile Austriei şi Finlandei au fost negociate între URSS şi Occident. Neutralitatea acestor două state a fost schimbată pe o susţinere economică occidentală şi prezenţa acestor două state în sfera de influenţă occidentală. În cazul neutralităţii pe care o propune Federaţia Rusă acum, Republicii Moldova îi revine rolul unei *zone-tampon* din sfera de influenţă rusească, respinsă de Republica Moldova. Enunţarea de către A.Olaru a argumentului economic, care este determinant în plan militar, este de asemenea unul relevant în cazul Republicii Moldova. Astfel, cheltuielile militare în statele neutre este de la aproximativ 0,9% (Austria) pînă la 1,7% (Suedia) din PIB, ceea ce înseamnă între trei şi şase mlrd. de euro. Republica Moldova este incapabilă să asigure cîteva mlrd. de euro anual pentru apărare. Deci, un eventual argument că Republica Moldova poate să-şi asigure neutralitatea singură de asemenea nu este valabil. A.Olaru este de acord cu V.Lupan, care opinează că, conceptele de neutralitate adoptate de către statele europene nu mai sunt considerate la zi. Astfel, toate au aderat la PpP al NATO, iar Finlanda a demarat discuţii aprinse despre necesitatea de a abandona statutul său de neutralitate impus tot de Federaţia Rusă anterior. Actualmente Finlanda examinează opţiunea de a se integra în NATO sau de a aștepta crearea unui mecanism viabil de apărare comună a UE la care să adere [23]. A.Rácz, împărtășește ideea că neutralitatea permanentă a Republicii Moldova nu este reală şi viabilă. Neutralitatea ar fi o opţiune doar atîta timp cît un stat ar fi în stare să-şi asigure securitatea naţională la un preţ rezonabil. Acesta nu este cazul Republicii Moldova. Luînd în consideraţie situaţia economică din prezent, unde orice creştere semnificativă a cheltuielilor pentru apărare, care constituie în mediu 0,5% din bugetul statului, nu este deloc reală. Spre exemplu, un alt stat neutru din Europa, ca Finlanda, cu o populaţie asemănătoare după mărime (aproximativ 5 mln.), cheltuieşte 1,5% din PIB pentru apărare, acest indice fiind mult mai înalt decît cheltuielile Republicii Moldova, deşi pe teritoriul Finlandei nu există niciun conflict separatist [15]. E.Țugui acceptă reflecțiile lui A.Olaru privind asigurarea neutralității statelor prin prisma nivelului de finanțare a securității naționale. În opinia sa, Republica Moldova a neglijat în tot acest timp securitatea militaro-strategică, aşteptînd ca Federația Rusă şi restul lumii să ţină cont de intenţia ei de a construi o Elveţie Sud-Est europeană, în timp ce cheltuielile militare au scăzut constant începînd cu anul 1997. Suedia şi Elveţia sunt printre puţinele state europene, care au angajamente istorice privind neutralitatea şi, de multe ori, sunt invocate ca repere pentru Republica Moldova. Suedia are planuri comune de apărare cu NATO din timpul Războiului Rece şi este deja membră a Forţei de Răspuns a NATO (NRF), în timp ce Elveţia, unul dintre cele mai militarizate state din Europa, este înconjurată de state NATO. Totodată, aceste două exemple ale neutralităţii, de altfel greu de comparat cu neutralitatea unilateral asumată a Republicii Moldova, au cheltuieli militare de 1,2% şi 0,8% din PIB. Cheltuielile militare în Republica Moldova au scăzut pînă la

0,3% în ultimii ani şi doar din anul 2014 au crescut până la 0,4% din PIB [24, p.3].

C.Manolache abordează neutralitatea ca fiind un fenomen exprimat conjunctural, susținînd că recunoaşterea statutului de neutralitate al oricărui stat a fost iniţiată nu de ţara în cauză, ci de un grup de ţări aflate în conflict. Elveţia este primul exemplu practic al politicii de neutralitate. Neutralitatea a căpătat recunoaşterea legală pentru prima dată în Pactul de la Paris din 20 noiembrie 1815, în care marile puteri europene au recunoscut neutralitatea permanentă a Elveţiei şi i-au garantat integritatea teritorială. De atunci au fost recunoscute două tipuri de neutralitate: neutralitatea temporarăpe timp de război (pentru perioada de desfăşurare a unui conflict armat) şi neutralitatea permanentă. În timpul războiului rece sistemul ONU nu a fost capabil să prevină războaiele, SUA şi URSS fiind implicate într-o luptă pentru extinderea influenţelor la nivel global. În perioada dată, datorită tensiunilor geopolitice dintre Est şi Vest, multe state europene au decis să adopte o poziţiede neutralitate: Austria, Finlanda şi Suedia. În perioada de după Războiul Rece, situaţia s-a schimbat radical. Au fost constituite noi organizaţii în care cooperează foşti inamici din NATO şi Tratatul de la Varşovia. În anii ’90 statele neutre din Europa au început să se implice în sistemul permanent de dezvoltare a cooperării politico-militare şi de securitate a UE şi să sprijine acţiunile NATO în cadrul Parteneriatelor pentru Pace, inclusiv acţiunile umanitare, de salvare, de menţinere a păcii şi acţiunile forţelor combatante în managementul crizelor, în principal, cele de impunere a păcii (pacificare). Pornind de la evoluţiile moderne ale fenomenului politic numit neutralitate, expertul reliefează faptul că actualmente esenţa acestui statut este subînţeleasă ca cea de „nealiniere”, mai precis, de neparticipare la alianţe politico-militare. Sensul clasic al neutralităţii se pierde cînd discutăm despre situaţia reală care se datorează faptului că toate statele neutre din lume şi-au luat angajamentul de a sprijini scopurile şi rezoluţiile Naţiunilor Unite, inclusiv cele militare [25, pp.136-137].

I.Chifu acreditează opinia că Republica Moldova nu poate să-şi asume singură propria securitate, din mai multe motive: absenţacapabilităţilor necesare de securitate şiimplicit, a forţelor de securitate și apărare, precum şi dimensiunile reduse în raport cu vecinii şi actorii interesaţi; situaţia contemporană care exclude posibilitatea asigurării securităţii unui stat de sine stătător, cu excepţia marilor puteri geopolitice, cu capabilităţi militare şi de securitate majore; poziţia de frontieră geopolitică a Republicii Moldova; existenţa pe teritoriul ţării a trupelor militare ruse, toate soluţiile negociate şi convenite privind retragerea acestora dovedindu-se ineficiente. Această realitate este reflectată în Concepţia de Securitate Naţională a Republicii Moldova, potrivit căreia o posibilitate pentru consolidarea securităţii o constituie aranjamentele de securitate bilaterale și multilaterale. Consiliul Europei şi OSCE nu garantează gradul necesar de securitate, cazul Georgiei și Ucrainei a arătat, în mod evident, faptul că principiile suvera-

nităţii şi integrităţii teritoriale pot fi sfidate cu uşurinţă. Celelalte aranjamente regionale sunt favorabile dezvoltării stăriide securitate, dar nu o garantează. Republica Moldova a acceptat modelul de securitate în cadrul unei „*zone-tampon*" între cele două blocuri geopolitice, stare agreată de către cele două părţi aflate în competiţie / confruntare, dar care este complet contraindicată în cazul statelor din zona respectivă. Motivul principal al neaplicabilităţii acestui model îl constituie presiunea constantă exercitată asupra acestor state din partea competitorilor [26, pp.31-32].

Este important de subliniat că Federația Rusă nu acceptă actuala ordine mondială, unipolară, deoarece este, în opinia autorităților centrale ruse, „instabilă şi ameninţată de conflicte", exprimîndu-şi preferinţa pentru o lume multipolară. Există regiuni în care Federația Rusă are interese privilegiate, acestea fiind sfere de influență, care includ Georgia, Ucraina, Republica Moldova, precum şi alte state vecine din Europa şiAsia, dar şi regiuni în care are dreptul de a sancţiona orice modificare de securitate sau de a sancţiona schimbările ce-i afectează interesele, iar aici pot fi incluse şi state din NATO şi UE, precum Ţările Baltice, Polonia, Cehia, Slovacia, Ungaria, Bulgaria sau România. Potrivit reacţiilor la instalarea scutului antirachetă sau a celor referitoare la dislocarea bazelor militare NATO în proximitatea spațiului pontic, Federația Rusă intenționează să-și întărească escadrila aeriană din Crimeea cu bombardiere strategice TU-22 M3 pentru a echilibra balanța militară cu sistemul de apărare antirachetă de la Deveselu. Pe lîngă escadrila de bombardiere în Crimeea urmează să fie dislocate și complexe de rachete „Iskander" care au încărcătură nucleară, același tip de rachete Rusia le va amplasa și în regiunea Kaliningrad. Autoritățile centrale ale Federației Ruse apreciază că viitorul relaţiilor internaţionale ar depinde de partenerii şi prietenii Rusiei, care au de ales în a-i recunoaşte drepturile şi privilegiile de a acționa unilateral în sfera sa de influență geopolitică, context precedat de divergențele în privința amplasării sistemului de apărare antirachetă în România și Polonia. În timp ce SUA își motivează intenția prin necesitatea de apărare a aliaților în fața pericolului iranian, Federația Rusă face referire la ultimul acord al marilor puteri cu Iranul privind programul nuclear [26, p.35]. Suntem de părere că perioada de confruntare dintre Federația Rusă şi Occident (SUA, NATO, UE), care va dura atîta timp cît Rusia va avea resurse să o susţină, perioadă în care situaţia a degenerat în confruntări armate în zona de frontieră a NATO / UE şi a Federaţiei Rusă, în special în Ucraina, iar potențialele zone de conflict armat ar putea fi declanșate în Republica Moldova, Georgia și Azerbaidjan.

I.Chifu abordează neutralitatea statelor europene susținînd că neutralitatea, de fapt, nu are nimic de a face cu imaginea teoretică a neutralității permanente, nici cu nealinierea. Cel puțin în cazul Austriei, Suediei, Finlandei și Irlandei, state europene, care s-au dovedit a fi aliniate, au renunțat la neutralitatea politică, și-au acomodat politicile externe, de securitate și apărare cu statele UE, au -

relații cu statele NATO și acceptă sprijinul reciproc în caz de atac și inclusiv clauza de solidaritate a Tratatului de la Lisabona prevăzută în PESAC. În relație cu NATO, doar calitatea de membru lipsește, dar e lăsată deschisă ușa intrării în Alianță (nu explicit în cazul Irlandei), se acceptă neutralitatea înrăzboi doar ca o opțiune și, în două cazuri, pentru Austria și Irlanda se menționează explicit nevoia unui referendum pentru aderarea la NATO. În același timp, Austria și Irlanda, au realizat reforme constituționale în domeniul apărării și securității naționale, cu derogări la interpretarea neutralității, acceptînd, astfel, aderarea la PESC și PESAC, iar în relația cu NATO este o cooperare de interoperabilitate, parteneriat, participare la misiuni, participare în staff și membru de facto fără articolul V al Tratatului de la Washington din 4 aprilie 1949. Practic aceste patru state au reușit să conserve doar imaginea de stateneutre și non-apartenența formală la NATO.

În cazul Elveției, neutralitatea, pe de o parte, are conținut simbolistic de identitate națională, deși conținutul este mult alterat. Rațiunea are rădăcini și semnificații domestice ținînd de perspectiva coeziunii statale. Pe de altă parte, acest concept nu a exclus tentativa de apropiere de UE prin aderarea la zona Schengen și avîndo armată puternică ca și în cazul celorlalte state neutre, adoptînd cheltuieli bugetare militare similare tuturor celorlalte state, neutre saumembri majori ai NATO, inclusiv SUA. Mai mult, creșterea amenințărilor neconvenționale, dar și cele convenționale, riscă să determine o creșterea proporției de buget alocat apărării și elementelor complementare de securitate [27, pp.106-107].

I.Chifu analizează tipul de politică de neutralitate pe care o propune Republica Moldova bazată pe concepţia şi soluţia de securitate imaginată şi modul în care se încadrează această realitate în prevederile şi normele ce consacră neutralitatea permanentă, aplicînd concepţiile a două şcoli: *normativistă*, care este una riguroasă, exactă, tradiţională, ce judecă regulile şi legile în litera şi spiritul lor, şi *funcţionalistă*, care pune în prim plan modul real de funcţionare în practică a normelor, a raportului de forţe politice şi a echilibrului de context, deci a unei libertăţi de interpretare a normelor şi de nuanţare a interpretărilor pe realităţile curente. Expertul este de părere că Republica Moldova și-a propus două modele de neutralitate: cea Elveţiană şi cea Finlandeză, în contextul unei politici bivectoriale, cu un balans între Est şi Vest. În primul caz, motivaţia vine de la simbolistica de imagine a Elveţiei, stat prosper şi bine pregătit militar, situat în centrul Europei, acceptat drept negociator internaţional şi care şi-a consacrat această neutralitate ca valoare adăugată a neutralităţii Elveţiei pentru unitatea statului, cu referire directă la situaţia secesionismului din raioanele de est ale Republicii Moldova. În cel de-al doilea caz, modelul Finlandei, care a devenit neutră în 1955 pentru a-şi prezerva independenţa faţă de URSS, balansînd între Tratatul cu Uniunea Sovietică, care o lăsa în sfera de influenţă rusă, şi legea ne-

utralităţii, nerecunoscută de către Uniunea Sovietică pînă în 1989. În opinia sa, dificultatea majoră a poziţiei vine din opţiunea afirmată, lansată programatic şi normată prin lege, a integrării europene. Deşi la nivelul acţiunii lucrurile sunt departe de o situaţie coerentă care să justifice această opţiune, la nivel normativ şi declarativ, integrarea în UE ca obiectiv este evident incompatibilă cu neutralitatea permanentă, proclamată constituţional. I.Chifu reiterează în acest sens că la data adoptării neutralităţii permanente, Republica Moldova nu a fost în situaţia de a reprezenta, în fapt, o neutralitate permanentă şi nu a fost consacrată ca atare niciodată. Mai mult, nici statul în sine nu a denunţat, schimbat sau amendat cadrul juridic care blochează consacrarea neutralităţii, așa cum prevede explicit articolul 11 din Constituţia Republicii Moldova, ce reglementează tipul de neutralitate promovat, care este o permanenţă nedefinită presupus tradiţională. Menţiunea faptului că nu permite dislocarea de trupe militare ale altor state este o referinţă directă la neutralitatea militară, dar acest lucru nu exclude conţinutul din primul aliniat care se referă la neutralitatea politică. Prin urmare, Republica Moldova prin neutralitatea sa permanentă neargumentată, nedezbătută public, proclamată constituţional şi nesancţionată internaţional, nu este şi nu a fost niciodată un stat neutru permanent şi nici un stat neutru militar, ci, la limită, un stat nealiniat [28, pp.15-16].

V.Juc consideră că pentru a asigura respectarea neutralității Republicii Moldova, se impune ca Federația Rusă să-și onoreze angajamentele asumate și să evacueze trupele, armamentele, munițiile și echipamentul neîntîrziat, ordonat și complet de pe teritoriul acesteia. Efectele benefice aşteptate din realizarea statutului de neutralitate permanentă autoproclamată s-au dovedit a fi iluzorii, dat fiind că însuși proiectul a fost conceput și dezvoltat ca un model ideal și autosuficient, în special prin Concepția Securității Naționale a Republicii Moldova, pe motivul că această calitate nici nu reflectă realitatea, nici nu reprezintă o formulă consacrată internațional, nici nu are o explicare concretă. Statutul de neutralitate consfințit constituțional nu asigură în regim automat securitatea națională a Republicii Moldova, iar rezultatul cel mai important se dovedește a fi neparticiparea la procesele de cooperare militară din cadrul CSI [7].

I.Chifu precizează în contextul ordinei de idei profilate de V.Juc că un stat neutru este obligat să-şi asigure singur securitatea națională și apărarea teritoriului. Din acest punct de vedere, chiar admiţînd că neutralitatea proclamată a Republicii Moldova ar fi şi recunoscută, însă între obligaţiile statelor care recunosc neutralitatea (sau garanţiile neutralităţii) nu intră garanţii privind apărarea suveranităţii, a integrităţii teritorialea statului dacă este ameninţat, garanţii privind securitatea statului respectiv sau sprijin pentru recuperarea unor asemenea drepturi pierdute de statul în sine. Neutralitatea nu este nici soluţie de securitate și nici angajament pentru rezolvarea de către comunitatea internaţională sau de către garanţi a unor probleme ale statului Republica Moldova cum ar fi staționarea

trupelor străine pe teritoriul său și secesionismul. De asemenea, neutralitatea nu scuteşte statul neutru de obligaţiunile de a-și respecta angajamentele asumate privind neadmiterea de trupe străine pe teritoriul său şi nu reprezintă un transfer către eventualii garanţi al acestora. Din punct de vedere oficial, Republica Moldova nu a reuşit să formuleze o soluţie de securitate credibilă, din contra, formula demilitarizării teritoriului şi păstrării doar a unui contingent pentru participarea la misiuni internaţionale nu doar contrazice neutralitatea permanentă, consacrată juridic, dar nici nu oferă comunităţii internaţionale o soluţie credibilă de securitate pentru ca neutralitatea permanentă proclamată să fie credibilă. În cazul Elveţiei şi Finlandei, ambele state care au fost luate drept modele în declaraţia despre neutralitatea Republicii Moldova, au armate puternice şi soluţii de securitate credibile. Demilitarizarea, în sensul eliminării complete a trupelor militare înseamnă incapacitatea de a asigura apărarea statului de unul singur. În cazul Republicii Moldova, acest lucru face necredibilă proclamarea neutralităţii presupunînd că în timp de conflict armat sau în caz de agresiune cineva trebuie să intervină, totodată, generînd și o vulnerabilitate care se poate transforma în risc sau chiar ameninţare la adresa statelor vecine, acestea fiind obligate, în consecinţă, să planifice şi să aloce resurse şi forţe pentru a contracara această ameninţare a unui stat lipsit de capabilităţi credibile de apărare la hotarele statelor vecine. Prin urmare, adoptarea neutralităţii permanente de către Republica Moldova nu este consecinţa unei strategii sau a unei argumentări solide, urmărindu-se de fapt cedarea responsabilităţii apărării şi asigurării securităţii statului în exterior şi neasumarea costurilor acestei obligaţii a statului [28, p.17].

V.Juc susține că securitatea națională a Republicii Moldova ar putea fi asigurată cel mai eficient în condițiile integrării euroatlantice. Fără îndoială, amendarea prevederilor constituționale ce se referă la statutul de neutralitate permanentă, articolele 11(1) și 142(1), prezintă în sine un proces complex, anevoios și de lungă durată, care solicită voință politică, eforturi de caracter internațional, transformări la nivel conceptual, menținerea dialogului permanent cu partenerii europeni, realizarea studiilor de fezabilitate privind beneficiile și costurile de integrare, activități care s-ar solda cu elaborarea și implementarea unei strategii de integrare euroatlantică a Republicii Moldova. În același timp, abrogarea statutului de neutralitate permanentă nu presupune expres integrarea euroatlantică a Republicii Moldova, însă calitatea de stat-membru al NATO este în măsură cel mai eficient să-i asigure securitatea națională, în contextul că NATO s-a dovedit a fi cea mai viabilă organizație în materie de asigurare a securității și se asociază nu numai cu dimensiunea politico-militară, dar și cu faptul căîn cadrul acesteia o pondere semnificativă revine politicilor investiționale, în domeniul ecologiei și al cercetărilor științifice [7, pp.207-208].

D.Dungaciu este de părere că la Summit-ul NATO din 4-5 septembrie 2014 din Țara Galilor, în contextul securității regionale din Europa de Sud-Est au fost

adoptate decizii care se vor materializa, inclusiv și pentru Republica Moldova, astfel beneficiind de un statut de partener privilegiat al NATO, fiind respectat statutul de neutralitate pe care îl are în prezent Republica Moldova și afirmînd susținerea eforturilor pentru integrarea euroatlantică. Totodată, în Parlamentul Republicii Moldova este propus spre discuții proiectul de lege privind consolidarea neutralității, iar Curtea Constituțională tergiversează examinarea constituționalității art.11, cel care vizează neutralitatea Republicii Moldova, fapt ce demonstrează, în opinia noastră, lipsa de consens la nivelul clasei politice, dar și polarizarea societății pe subiectul neutralității Republicii Moldova. Potrivit expertului, actualmente Republica Moldova nu își poate asigura securitatea națională, dat fiind faptul că statutul de neutralitate nu determină calitatea capabilităților militare de care are nevoie Republica Moldova, care sunt la un nivel aproape inutilizabil. Un stat care își asumă un statut de neutralitate va trebui să cheltuie mai multe resurse financiare decît un stat membru NATO. Neutralitatea costă extrem de mult și Republica Moldova este un stat neutru care nu a cheltuit suficiente mijloace financiare pentru reforma armatei naționale. NATO va trimite experți în Republica Moldova pentru a realiza această reformăși nu va ajuta în mod direct cu surse financiare sau echipamente militare, dar va fi mai mult o formă de protecţie, în condițiile situaţiei tot mai tensionate din Europa de Sud-Est [29].

Prin urmare, modelele de neutralitate elveţiană, austriacă şi finlandeză, la care deseori se face referinţă nu mai sunt actuale şi nici nu pot fi comparate cu cel propus Republicii Moldova de către Federaţia Rusă. Considerăm că acceptarea de către Republica Moldova a unui statut de neutralitate permanentă, care prin definiţie exclude posibilitatea unei cooperări mai strînse cu NATO, ar limita instrumentele de interacţiune, carese vor solda cu diminuarea capacității de apărare și oportunităților de asigurare a securității naționale. În același timp, Republica Moldova, declarîndu-se stat neutru, este parte componentă a sistemului internațional de securitate colectivă, beneficiind de pachetul de asistență al NATO privind consolidarea capacității de apărare și securitate, urmare rezoluției Summit-ului NATO din 4-5 septembrie 2014 din Țara Galilor, participînd cu contingentele militare la operaţiunile realizate sub egida ONU în vederea menţinerii păcii şi securităţii în „zonele fierbinţi”, alături de alte state neutre europene, care, în consecință, nu sunt neutre în chestiunile legate de pacea mondială, contribuind efectiv la fortificarea securităţii internaţionale.

Conform datelor barometrelor de opinie publică, exercitate în perioada 2010-2015, se atestă o descreștere semnificativă a adepților opțiunii privind neutralitatea permanentă a Republicii Moldova și o creștere substanțială a susținătorilor aderării Republicii Moldova la NATO ca fiind cea mai bună soluție pentru asigurarea securității naționale a Republicii Moldova [30].

Opțiunea / Perioada	Pro-neutralitate	Pro-aderare la NATO
Noiembrie 2010	58,6%	12,0%
Noiembrie 2011	61,9%	14,2%
Noiembrie 2012	54,3%	12,4%
Noiembrie 2013	50,5%	14,6%
Noiembrie 2014	53,0%	14,0%
Aprilie 2015	41,0%	21,0%

De asemenea, în perioada anilor 2010-2015s-a înregistrato ușoară creșterea adepților oportunității aderării Republicii Moldova la Organizația Tratatului Atlanticului de Nord și o lentă fluctuare a susținătorilor inoportunității aderării Republicii Moldova la Organizaţia Tratatului Atlanticului de Nord [30].

Opțiunea / Perioada	Pro	Contra
Noiembrie 2010	19,3%	35,6%
Noiembrie 2011	20,4%	42,3%
Noiembrie 2012	17,1%	54,5%
Noiembrie 2013	18,8%	44,6%
Noiembrie 2014	18,0%	51,0%
Aprilie 2015	23,0%	48,0%

Este important de subliniat faptul că aceste fluctuații au loc în condițiile noilor replieri geopolitice din Europa de Sud-Est, prefigurîndu-se o instabilitate regională precedată de conflictul militar dintre Federația Rusă și Ucraina. Situație care demonstrează ascensiunea tendinței curentului pro-NATO și descensiunea promotorilor ideii anti-NATO și pro-neutralitate, fapt ce se manifestă printr-o polarizarea societății pe dimensiunea asigurării securității naționale a Republicii Moldova, de care trebuie să se ghideze clasa politică aflată la guvernare, reflectînd asupra intereselor naționale ce țin de promovarea și implementarea unor strategii coerente, viabile, fundamentate științific şi în concordanţă cu exigenţele timpului, care să exprime o analiză a amenințărilor, riscurilor și vulnerabilităților, avînd drept scop consolidarea securității naționale a Republicii Moldova.

Aşadar, reforma domeniului de securitate trebuie realizată prin a ţine cont de conjunctura geopolitică, de mediul de securitate regional din Europa de Sud-Est şi de interesul naţional al Republicii Moldova. Statutul de neutralitate permanentă a Republicii Moldova, care a servit drept bază pentru fundamentarea şi instituţionalizarea securităţii sale naţionale, necesită a fi reevaluat, dat fiind faptul perimării acestuia și a neasigurării stabilității și securității multidimensionale

în contextul noilor ameninţări, riscuri şi vulnerabilităţi cu care se confruntă Republica Moldova, diminuarea cărora poate fi efectuată numai prin tranşarea *zonei-tampon*, utilizînd mecanismele integraţioniste de orientare euroatlantică. Posibilităţile politico-militare oferite de NATO pot determina fortificarea sistemului de securitate națională a Republicii Moldova, iar angajamentele asumate vor consta în amplificarea interoperabilităţii şi ataşarea la standardele NATO. În acest sens, Republica Moldova este interesată să materializeze un cadru de relaţii mult mai dezvoltat cu structurile de securitate euroatlantice, care ar constitui nu doar un factor de stabilizare a statului, dar şi un instrument-cheie de integrare europeană, precum șide implementarea prevederilor IPAP-ului actualizat. Totodată, beneficiind de pachetul de asistență al NATO privind consolidarea capacității de apărare și securitate, va continua procesul reformelor democratice și al modernizării instituţionale a domeniilor de apărare și securitate, ce vor contribui inevitabil la realizarea deziderатului european al Republicii Moldova.

Bibliografie

1. Frunzeti T. Rolul puterii militare în asigurarea securităţii internaţionale. // Impact Strategic, Nr.1-2, 2003.
2. Hlihor C. Geopolitica şi geostrategia în analiza relaţiilor internaţionale contemporane. - Bucureşti: Editura Universităţii Naţionale de Apărare „Carol I”, 2005.
3. Chifu I. Complexe de securitate și concepte regionale. Regiunea Extinsă a Mării Negre. Integrarea instituțională și capacitatea administrativă ca soluție pentru securitate regională. // Impact Strategic, Nr.2 (39), 2011.
4. Antonov Ig. Rusia vs. America: o nouă cursă a înarmărilor gata de start? // Politica Externă, Nr.53, 2007.
5. Bădălan E. România în noul mediu de securitate după summit-ul de la Istanbul. Surse de instabilitate la nivel global şi regional. - Bucureşti: Editura Universităţii Naţionale de Apărare, 2004.
6. Lupan V. Peste un deceniu de neutralitate, mai mult de zece ani de cooperare cu NATO. [online] http://www.ape.md (vizitat 21.07.2015).
7. Juc V. Edificarea relațiilor internaționale postrăzboi rece: aspecte teoretico-metodologice și replieri geostrategice. - Chişinău: Editura Sirius, 2011.
8. Osmochescu N. Neutralitatea permanentă a Republicii Moldova în contextul relaţiilor internaţionale contemporane. // Academia de Administrare Publică – 15 ani de modernizare a serviciului public din Republica Moldova. Materialele conferinţei internaţionale ştiinţifico-practice, - Chisinau, vol.2, 2008.
9. Mînzărari D., Ioniță V. De ce avem nevoie de NATO? Sau de ce existenţa Moldovei ca stat suveran depinde de aderarea la NATO. // Discussion Paper, Nr.3, 2009.

10. Sherr J. Moscova şi Tiraspolul văd Procesul de Integrare Europeană a Republicii Moldova ca o contradicţie cu statul de neutralitate. [online] http://www.ape.md (vizitat 24.07.2015).
11. Thompson W.R. Democracy and Peace: Putting the Cart Before the Horse? // International Organization, Nr.1, 1996.
12. Knudsen O.F. Did Accommodation Work? Two Soviet Neighbors 1964-1988. // Journal of Peace Research, Nr.1, 1992.
13. Hemmer C., Katzenstein P.J. Why is There no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism and the Origins of Multilateralism. // International Organization, Nr.3, 2002.
14. Pleşca V. Neutralitate permanentă, un pas înainte pentru integrarea europeana. [online] http://www.prisa.md/rom/comments_csn_plesca (vizitat 25.07.2015).
15. Rácz A. Securitatea Republicii Moldova. [online] http://www.viitorul.org (vizitat 28.07.2015).
16. Troebst S. Securitatea Republicii Moldova. [online] http://www.viitorul.org (vizitat 28.07.2015).
17. Bugajski J. Securitatea Republicii Moldova. [online] http://www.viitorul.org (vizitat 28.07.2015).
18. Istvan G. Securitatea Republicii Moldova. [online] http://www.viitorul.org (vizitat 29.07.2015).
19. Movchanyuk L. Securitatea Republicii Moldova. [online] http://www.viitorul.org (vizitat 29.07.2015).
20. Chifu I. Securitatea regională în spaţiul Ucraina – Republica Moldova – România. Trilogia reuşitei: reforme, securitate şi construirea bunăstării. [online] http://www.docs.moldova.org (vizitat 15.07.2015).
21. Mastac I. Conceptul securităţii naţionale a Moldovei pentru noul mileniu. // Apărarea şi Securitatea Naţională a Moldovei, 2001.
22. Gorincioi R. Comentarii privind Concepţia Securităţii Naţionale a Republicii Moldova. [online] http://www.nato.md (vizitat 30.07.2015).
23. Olaru A. Analiză: Moldova neutră şi neutralizată. [online] http://www.moldova.org (vizitat 29.07.2015).
24. Ţugui E. Finanţele şi securitatea: Republica Moldova în context regional. // Buletin de Politică Externă al Moldovei, Nr.85, 2015.
25. Manolache C. Securitatea militară – element esenţial al securităţii naţionale. // Akademos, Nr.4 (35), 2014.
26. Chifu I. Modelarea opţiunilor de securitate ale Republicii Moldova. // Infosfera, Nr.2, 2009.
27. Chifu I. Decizia de securitate în Republica Moldova. - Bucureşti: Editura Curtea Veche, 2009.
28. Chifu I. Neutralitatea între mit, imagine şi realitate. // Infosfera, Nr.4, 2009.

29. Dungaciu D. Securitatea Republicii Moldova. Neutralitatea costă extrem de mult. [online] http://www.digi24.ro (vizitat 02.08.2015).
30. Barometrul Opiniei Publice. [online] http://www.ipp.md (vizitat 10.08.2015).

Prezentat la redacție
la 6 octombrie 2015

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.4 (LXXI), 2015

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 05.11.2015. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Tirajul 200 ex.